Котов

Виктор Смольников

SHOUT
SHARE
IT

Виктор Смольников
Котов
Повесть

1

Над заснеженным мегаполисом стоял трескучий декабрьский мороз. Дым из выхлопных труб автомобилей и выдыхаемый людьми воздух быстро превращались в пар, который скрадывал истинные размеры предметов и расстояние между ними. Стекла машин и магазинные витрины были причудливо украшены ледяными узорами. Под ногами торопящихся в домашнее тепло прохожих хрустел грязный городской снег, который по старой российской привычке никто даже не думал убирать. В безветренном зимнем воздухе поблескивали падающие с неба снежинки, отражая разноцветные лучи.

“Рафик” скорой помощи с красными полосами на боку, лихо маневрируя в хитросплетениях городских улиц, даже при выключенной мигалке ехал быстрее положенных для города 60 километров в час. Карета скорой помощи везла в стационар только что госпитализированного больного. Сквозь занавешенные зелеными шторками окна мелькали городские огни и скромные рекламные плакаты последних лет существования СССР. По ним пациент пытался определить маршрут.

Внутри подпрыгивающей на дорожных выбоинах машины находилось несколько человек. Впереди, рядом с водителем, сидел сухощавый, морщинистый фельдшер, что-то тихо говоривший двум санитарам, которые были одеты в серые фуфайки поверх белых, не первой свежести халатов:

— После праздников совсем замучаемся. Упьются все, и вызова пойдут один за другим.

— Иваныч, да лишь бы смена не попала на тридцать первое. В прошлом году в новогоднюю ночь шизика одного ловили, на центральной площади города раздетым ходил. Люди дома шампанское пьют, а мы за полудурком гоняемся! Хоть в этом году праздник дома встретить, — соглашался один из санитаров, ровесник фельдшера.

Иваныч достал из кармана пачку “Родопи”, те самые болгарские доисторические сигареты с длинным фильтром,

которых сейчас и в продаже нет. “Неплохо эти деятели живут, вон какая у них куреха”, — подумал стреноженный больной. Фельдшер закурил. Сизые клубы дыма поплыли по машине. Пациент нервно задвигал ноздрями; после того, как не куришь полсуток, любой табачный запах воспринимается как амброзия. “Хоть бы пару затяжек, — сто рублей бы дал за полсигареты”, — думал госпитализируемый.

Больной взглянул в щелку между шторками и отметил, что “рафик” подъезжает к одной из городских окраин. “Куда меня везут? Меня хотят убить, это точно”, — лихорадочно думал пассажир, дрожа всем телом. Опасаясь расправы, он пододвинулся к двери, планируя выпрыгнуть, если что, из машины. Бдительные санитары заметили движение больного, и один из них, цыкнув, грозно сказал:

— Сиди, где сидишь!

Вскоре перестали мелькать городские огни, стало темно, и только фары дальнего света встречных машин вырывали из темноты очертания сосен, которые стояли справа и слева от шоссе.

“Что эти трое хотят со мной сделать?” — продолжал беспокойно думать пациент, молодой человек двадцати трех лет, руки и ноги которого были крепко связаны простынями. Конечности, туго перетянутые и не имевшие притока крови, сильно мерзли и почти онемели.

— Вот взять хотя бы этого, — со знанием дела рассуждал о госпитализируемом фельдшер. — Наверняка ведь либо перепил, хотя на белую горячку не похоже, либо анаши обкурился.

— А кто вызвал бригаду?

— Соседи, кто же еще. Говорят, пришел к ним в квартиру, одетый в простыню, а на груди крест какой-то красный нацепил. А когда над ним засмеялись, в драку полез.

— А родных-то у него что, нет, что ли?

— Да наверняка есть, не один же он в трехкомнатной живет. Мы на столе записку оставили с телефонным номером больницы. Придут, позвонят. Да и соседи скажут, что психбригада приезжала. Тогда без всякой записки ясно будет, где их отпрыска искать.

— Где твои родные? — обращаясь к больному, спросил один из санитаров.

Пациент, пригнув голову, молчал.

— Че, анаши обкурился? Или, может, барбитуратов обожрался? — обращаясь к нему, спросил фельдшер.

“Ничего я им не скажу, сейчас что ни скажи, только хуже будет, — думал стреноженный больной. — Да и не поймут они

ничего; вот соседям пытался объяснить, что я рыцарь Храма, а они меня избили, да еще этих вызвали. Наверное, меня везут в тюрьму, все больницы уже проехали. Но за что? За то, что я соседу по морде заехал?”

— Че молчишь? — снова спросил санитар пациента. — Ну, ничего, в больнице разговоришься. Может, он просто ширанулся?

— Нет, — тоном знатока сказал фельдшер. — Наверное, транквилизаторов объелся, вены у него нормальные.

“За наркомана меня принимают, какие это врачи? Но куда меня все-таки везут?” — думал несчастный. В этот момент машина догнала какой-то грузовик. Пациент взглянул на красные стоп-сигналы впереди едущего транспортного средства и стал привычным для себя образом, напрягая и расслабляя зрачок глаза, медитировать. Вскоре из потока света прорисовались знакомые контуры рыцаря-тамплиера, скачущего на мощном коне. Восьмиконечный красный крест на груди, меч и копье в руках. Вечно скачущий к небесному Иерусалиму паломник сказал больному: “Не бойся, я с тобой”.

Больной сразу расслабился. “Небесное братство не бросило меня, теперь я спокоен”, — подумал он.

2

“Рафик” притормозил у деревянных ворот, посигналил, постоял несколько минут, после чего ворота медленно отворились, и машина, переваливаясь с боку на бок, въехала в огороженный высоченным забором двор. Где-то вдалеке брехала собака.

— Выходи, — подхватывая за руки больного, сказали санитары.

Больной заупрямился, пытаясь своими телодвижениями затруднить работу медперсонала. Получив пару ударов в солнечное сплетение, пациент обмяк, и санитары потащили его к длинному приземистому одноэтажному дому с мощными металлическими решетками на всех окнах. Над входом висела вывеска “Отделение № 2”. Пациента провели по длинному коридору в довольно большой кабинет. Вскоре в помещение, аккуратно закрыв за собою дверь, вошел молодой, интеллигентного вида светло-русый мужчина с большими очками в металлической оправе на длинном носу.

— Что у него? — спросил вошедший.

— Вот, здесь все написано, предположительно наркотическое опьянение. Пришел к соседям, обмотавшись простынями, что-то начал требовать, потом драку устроил, все про каких-то тамплиеров говорил, сказал, что он знает какого-то Гогу Болдина и что он ему пожалуется.

— Это что, криминальный авторитет, что ли? — спросил врач.

— Не Болдина, а Болдуина, и не Гогу, а Гуго де Пейена, — вмешался оскорбленный пациент.

— А кто это такие? — сильно смягчив интонацию, спросил врач.

— Болдуин — король Иерусалимского королевства, а Гуго де Пейен — основатель и первый гроссмейстер ордена Рыцарей Храма, — многозначительно сказал вновь прибывший.

— Во как! — с трудом сдерживая улыбку, ухмыльнулся Иваныч.

— А где вы с этими уважаемыми людьми познакомились и кем они вам приходятся?

Пациент сильно смутился, потому как и сам не знал, кем именно приходятся ему жившие девятьсот лет назад легендарный борец за освобождение Гроба Господня и первый командор ордена тамплиеров, а также как можно водить дружбу с покойниками. Одно пациент знал точно — что души обоих исторических персонажей живы и он может с ними общаться.

Заметив замешательство вновь прибывшего, врач быстро сменил тему:

— Давайте знакомиться, — мягко предложил он.

— Меня зовут Андрей — ответил пациент.

— Вот и хорошо, а меня Игорь Николаевич. Давайте измерим вам давление и взвесимся.

Пока Андрей проходил все необходимые процедуры, врач быстро писал в истории болезни: “Давление в норме, пациент сильно истощен, на правом предплечье и на скуле кровоподтеки, бригаду “скорой” вызвали соседи, сверхценная идея о рыцарях-тамплиерах…”

— В психиатрической больнице лежали когда-нибудь?

— Нет! — возмутился пациент.

— А родственники?

— Нет! А я что, в психиатрической больнице?

— Как бы вам сказать, в общем — да, но если вам наша больница не понадобится, мы вас сразу выпишем, — попытался успокоить больного Игорь Николаевич.

— Отпустите меня домой, я ни в чем не виноват, — чуть не плача попросил пациент.

— А вас никто ни в чем и не обвиняет. Давайте переночуйте у нас, а наш разговор отложим до завтра, — заканчивая беседу, сказал врач.

Через несколько минут за больным пришел здоровенный санитар и спросил у Игоря Николаевича:

— Куда его?

— В наблюдательную.

— Там все койки заняты.

— Переведите кого-нибудь, кто поспокойнее, в другую палату, а на его место поместите этого.

— Ну, пошли, — обращаясь к дрожащему всем телом пациенту, гаркнул санитар.

— У меня руки и ноги связаны, я не могу идти, — сказал пациент.

— Развяжите его, — распорядился врач, — но только к вам, Андрей, просьба: ведите себя спокойно, иначе вас снова могут связать.

3

Больного повели по полутемному извилистому коридору, стены которого были покрашены грязно-зеленой, местами облупившейся краской. Когда санитар специальным ключом открыл дверь в отделение, в нос Андрею ударил специфический запах. Спертый воздух, характерный для места, где обитает много немытых людей, дополнялся запахом общественного туалета и дымом дешевых сигарет. Андрей, озираясь по сторонам, увидел странных, одинаково одетых людей. Больные с осунувшимися лицами были одеты в полосатые пижамы и, как показалось новичку, абсолютно бесцельно двигались в жуткой тесноте. Их нечесаные волосы и обросшие физиономии, а также поведение сильно напугали новичка.

“Неужели я буду таким же? — скорбно подумал Андрей. — Наверное, меня оставят здесь на всю жизнь. Но за что? За то, что я могу общаться с душами покойных рыцарей?”

Пациента привели в палату, которая, в отличие от других, имела еще одну дверь, возле которой постоянно дежурил санитар.

— Миша, — обращаясь к сидящему около палаты санитару, сказал конвоировавший новичка, — вот тебе новый кадр, привязывать пока не надо, но если что, не стесняйся, за четыре точки прификсируй!

— Вот твое место, здесь будешь обитать, — сказал Андрею Миша, показывая на свободную кровать, и захлопнул дверь наблюдательной палаты.

Андрей осмотрелся по сторонам. В помещении, которое освещалось тусклой лампочкой, находилось около пятнадцати человек. Некоторые лежали на кроватях, кое-кто был к ним привязан. Двое больных мерили шагами то небольшое пространство, которое было между двумя рядами коек. При этом обитатели даже не обратили внимания на вновь прибывшего.

“Меня хотят превратить в идиота или даже убить, — лихорадочно думал Андрей, — вот лекарствами какими-нибудь накачают, а потом заявят, что я — псих. Нужно срочно бежать отсюда!” Пациент подошел к маленькому, без форточки, подслеповатому окну, за решетками которого виднелись снежные сугробы и высоченный забор. “Разве это больница? Это же тюрьма! — ощупывая толстенные прутья на окнах, думал Андрей. — Что же я такого совершил? За что меня сюда? Если это тюрьма, то ведь сначала должен быть суд!”

— Тебя как звать, пацан? — вздрогнув от звука человеческого голоса, услышал Андрей и оглянулся. На кровати приподнялся небритый мужик лет сорока, с хитроватым выражением лица.

— Меня — Андрюха.

— А меня — Илья, погоняло Карась.

— А что такое погоняло?

— Ну, кличка, значит. А у тебя какая кликуха?

— Не знаю.

— Но фамилия-то у тебя есть? — ухмыльнулся Карась.

— Котов, — неуверенно ответил новичок.

— Вот, будешь Котом, значит.

— Ну ладно, я не против.

— За что тебя сюда? Что натворил-то?

— Да соседу по морде надавал.

— За это тебя бы в КПЗ посадили, а ты в психушке. Значит, что-то с головой у тебя. Ну да ладно, мне все равно. Здесь надо осторожно, ты же, я вижу, в первый раз здесь?

— Да.

— Тут надо знать, с кем и как общаться.

— Но нормальные-то здесь есть?

— Если честно, то мало. Уж в этой палате их точно нет. Либо больные на всю голову, либо петухи.

— А что за петухи такие?

— Ну ты даешь! Тебе сколько лет-то?

— Двадцать два.

— И что, не знаешь, кто такие петухи?

— Нет.

— Ну дырявые, значит, проткнутые, те, кого в зад имеют, либо кому в рот выдают.

— А зачем?

— Ну, это я точно не скажу. Кто-то по статье нехорошей попал, и опустили его, кто-то, может, скрысил что-то и наказан таким образом, а кому-то это просто нравится.

— А как определить, опущенный или нет?

— А ты в курилке все увидишь, петухи, они вместе держатся,

окурки из помойного ведра таскают, после всех докуривают. Ты, главное, после них не кури и не пей, а то на неприятности нарвешься.

— На какие?

— Ну, в двух словах, это почти что самому стать петухом. После тебя курить никто не будет, чай с тобой пить никто не будет, хуже не придумаешь, полы в туалете заставят мыть. Вот Саня Бык, покурил после петуха и чаю после опущенного попил, теперь блатным трусы стирает.

От такого количества полученной информации у новичка голова пошла кругом. Жизненный опыт, полученный Андреем, был далек от знания тюремных законов. Ни в престижной школе, ни в вузе, ни в аспирантуре, вступительные экзамены в которую только что он сдал, ему не приходилось сталкиваться с жизнью по тюремным понятиям. Новичку вдруг опять сделалось страшно. Как же так, если это больница, то почему контингент тюремный, почему на окнах решетки? Возникла ужасная мысль, а может, он, Андрей, какому-то важному человеку перешел дорожку и его без всякого суда и следствия запихнули в это странное место? Мысль металась в поисках ответа на вопрос: “Почему я здесь?” — и не оставляла вновь прибывшего.

Успокоился Андрей, только вспомнив о том, что обещавший ему защиту рыцарь-тамплиер не оставит его. Новичок прилег на кровать, привычным способом начал, прищурившись, долго смотреть на едва светящуюся лампочку. Наконец из луча, вышедшего из лампы, показалось мужественное лицо рыцаря, затем показался конь, несший седока по просторам вселенной. Рыцарь дружеским жестом пригласил Андрея сесть к нему в седло, но больной отрицательно покрутил головой, после чего рыцарь скрылся в луче падающего света.

4

Внезапно во всем отделении замигали, а потом и вовсе погасли все лампы. Окутавший Андрея мрак парализовал волю новичка, от страха больному хотелось закричать. Он взглянул в окно. В прозрачном декабрьском воздухе дрожали звезды. Яркая полная луна низко висела над землей, посылая на больницу света достаточно для того, чтобы различить сугробы снега и черный забор. Где-то вдалеке лаяли собаки. Андрей попытался заснуть, но не мог. “Ведь никто из моих родственников и знакомых не знает, где я, — думал пациент. — Как меня сейчас они найдут? Кто объяснит этим костоломам в белых халатах, что я абсолютно нормален? И как же аспирантура, ведь мне надо завтра идти в институт, у меня важный эксперимент. Все удивятся, что я не пришел на работу. Не дай Бог, отчислят!”

В это время в дверном проеме появились две фигуры, лица которых было трудно различить. Один, санитар, держал в руках свечу. Второй, медбрат, нес шприц.

— Что ему назначили?

— Два куба аминазина, пусть выспится.

Они подошли к кровати Андрея. В голове больного пронеслось: “Что такое аминазин? Они хотят убить меня, в шприце наверняка яд. Господи, а я так хочу жить, мне рано умирать. Мне надо было согласиться с рыцарем и уехать отсюда!”

— Не убивайте меня, я ни в чем не виноват! — заплакал Андрей. Но санитар привычными движениями перевернул больного на живот, а медбрат тем временем поставил укол в ягодицу и насмешливо сказал: “Живи пока!”

Первое время после инъекции Андрей с бьющимся сердцем ожидал наступления смерти. Но вместо этого по телу растеклась волна спокойствия и умиротворения. Измученный трехсуточной бессонницей организм пациента впервые почувствовал, что пора бы и поспать. Сладко зевнув, новичок положил руку под голову и заснул. Во сне к Андрею опять пришел рыцарь и сказал: “Если ты вытерпишь это испытание, мы посвятим тебя в рыцари, и ты поселишься в Тампле”.

Во всем отделении установилась тишина. Были слышны даже ходики, висевшие в дальнем конце отделения. Иногда кто-нибудь всхрапывал или разражался бредовой тирадой. В комнате медсестер персонал мужского пола отчаянно резался в “тысячу”.

5

Наутро отчаянно болело все тело, было слышно, как пульсирует кровь в голове. Андрей попытался встать с кровати, но ноги и руки плохо подчинялись своему хозяину. Наконец, встав с лежанки, новичок огляделся по сторонам. Впервые почувствовав на себе действие психотропных лекарств, Андрей подумал, что то, что он выжил после ночной инъекции, уже хорошо.

Несмотря на то, что было уже около девяти часов утра, за окном было так же темно, как вчера. Стоваттная лампочка, единственный источник света, была подвешена так, что достать ее, даже встав на кровать, было невозможно. Неяркий подрагивающий свет от заключенного в коробку из металлической проволоки светильника выхватывал из полумрака около дюжины металлических кроватей и столько же пациентов в мятых и грязных полосатых пижамах.

Почти все в палате уже проснулись. Вчерашний знакомый, Карась, поприветствовал Андрея:

— Ну, что, поздравляю! Как прошла твоя первая ночь в дурке?

— Так-сяк. Илья, скажи мне, где мы находимся?

— Как где, в крытке, где же еще?

— А что такое крытка?

— Ну, дурхата, тюремная психбольница!

— Как так! — прокричал новичок.

— Тихо ты, не ори, — приказал Андрею Карась.

— Так ведь, чтобы сюда попасть, надо что-то совершить! — не унимался новичок.

— Я тебя вчера и спрашивал, что тебе предъявляют.

— Подрался я.

— За это сюда не отправляют. Вот у меня, например, статья за кражу со взломом. Судили, но, поскольку я был в невменяемом состоянии в момент преступления, тюрьму заменили принудительным лечением. Да может, ты скрываешь и за тобой что-нибудь нехорошее есть?

— Да ничего за мной нет, ошибка какая-то вышла, честное слово, — растерянно произнес Андрей.

— Ну, смотри, здесь все равно все становится известным.

Новичок еще раз осмотрелся по сторонам. Стены с обсыпавшейся местами до дранки штукатуркой были выкрашены в грязно-синий цвет. Низкий, давно не беленный потолок нависал над металлическими, тоже облупленными, кроватями. На некоторых кроватях не было ни наволочек, ни простыней. Темно-зеленые одеяла лежали прямо на порыжевших от многократного ночного недержания пациентов матрасах. Новичку отчаянно захотелось вернуться домой.

— Карась, а как мне из этой больницы выйти-то?

— Из этой больницы, чтобы ты знал, все хотят выйти. Но беда в том, что из нее не выходят, из нее выписывают! Да и то, как правило, только по решению суда. Есть деятели, которые третий десяток здесь находятся!

— А в город можно съездить? У меня вот сигарет нет.

— Ну ты даешь! Ишь чего захотел, — засмеявшись от наивности нового приятеля, ответил Карась. — Не только в город, но даже просто на улицу погулять нельзя выйти. Да даже и на толкан сходить, нужду справить, и то надо разрешения у санитара спрашивать!

— Врешь!

— А чего мне врать-то, проверь сам. Видишь дверь в палату?

— Ну, вижу, — уставившись на сваренную из толстенных прутьев арматуры дверь, сказал Котов.

— Так вот, сейчас она закрыта на ключ, пойди попробуй выйди отсюда!

Андрей, восприняв слова нового знакомого всерьез, подошел

к двери и начал дергать ее. В ответ услышал от санитара:

— Ты че, ушлепок, дергаешься? К кровати тебя привязать, что ли?

Новичок, испугавшись, отошел к кровати Карася.

— Ну, что, понял? — смеялся Илья. — Вот привыкай, здесь все так: шаг вправо, шаг влево — либо на вязки отправят, либо сульфы полный шприц вкатят.

— А что делать? — чуть не плача, спросил Андрей. — Я курить хочу, сил нет терпеть, где здесь курево-то можно достать?

— С куревом здесь вообще страшная напряженка. Только то, что из города привозят, то и курим. Да я на первое время дам тебе сигарету, потом сам ищи.

— Понятно, а где здесь курилка?

— А курилка, она же и сортир, за дверями. Так что жди. Выход из палаты только по часам, с разрешения санитара. Но ты потерпи, скоро завтрак, а потом всю наблюдательную в сортир поведут.

Вошел санитар, пересчитал больных в палате, сделал пометку в какойто бумаге, уточнил у Андрея, что он новенький, и поставил в бумаге номер кровати, на которой обосновался новичок. Затем отвязал привязанных и крикнул:

— На завтрак!

Двенадцать немытых и небритых больных с перьями от подушек в волосах с неожиданной для Андрея прытью бросились в открывшуюся дверь. Один из пациентов, рванувшийся раньше других, упал в проходе на пол, и теперь другие постояльцы наступали прямо на неудачника, прорываясь к хавке. Столы для завтрака были накрыты прямо в коридоре отделения. Есть новичок не хотел, да и вид комковатой, с желтым оттенком манной каши аппетита не вызывал. К каше прилагался стакан светло-желтой теплой жидкости, которую все называли чаем. К удивлению Андрея, этот, с позволения сказать, завтрак больные наворачивали так, что мышцы на спине буграми ходили.

— Ты че, кашу-то не будешь? — спросил у вновь прибывшего худющий больной со сломанными очками на носу, которые держались с помощью резинки, обвитой вокруг головы хозяина.

— Нет, — ответил новичок. — Ешь, если хочешь.

Обладатель сломанных очков по имени Олег, по кличке Фикса стал быстро выгребать ложкой из тарелки манку. Затем он передал чашку другому больному, который уже без всякой ложки, с помощью языка вылизал тарелку до блеска.

— Андрюха, ты кашу-то мог на сигарету выменять! — сказал наблюдавший за всем Илья и продолжил: — В этой больнице ничего просто так не делается: кашу на сигарету, пачку сигарет за

пачку чая и так далее. А то без всего останешься. Учись, пока я жив!

6

— Наблюдательная, на таблетки! — прокричал санитар.

Уже без того энтузиазма, с которым шли на завтрак, больные выстроились в затылок друг другу. Пациенты называли свой номер и получали в руку лекарства. Рядом со столом раздачи лекарств стояла санитарка по имени Венера, которая контролировала, как больные пили таблетки.

— Открывай рот! — орала санитарка на Чомбу, засовывая больному в рот длиннющий металлический шпатель для того, чтобы проверить, выпил больной таблетки или положил их за щеку.

— Вот гад, опять под языком лекарства спрятал! Люба! — обращаясь к молоденькой симпатичной медсестре, кричала санитарка. — Набирай галоперидол в шприц, этот козел Чомба опять таблетки не пьет.

— Нет проблем, сейчас сделаем, — ответила Люба и, обращаясь к проштрафившемуся, добавила: — Еще и врачу скажем, чтобы тебя в наблюдательную отправили.

Пойманный с поличным Чомба только подвывал:

— Я буду пить, честное слово, только не ставьте мне галоперидол! Или хоть таблетку циклодола дайте, меня же скует!

— Обойдешься, в следующий раз будешь знать, как персонал обманывать! — заявила Венера.

Когда дошла очередь до Андрея, медсестра спросила его:

— Новенький?

— Да.

— Твой номер будет 36, называй его, когда таблетки пьешь. Но сегодня тебе только укол, заходи, шприц уже набран.

— А как вас зовут?

— Ишь какой любопытный! Меня здесь все только по имени-отчеству кличут — Любовь Адамовна. Давай поживей, укольчик тебе поставлю.

— А какой укол? — с параноидальной интонацией спросил Андрей.

— Много будешь знать, плохо будешь спать!

Новичок зашел в сестринскую, затравленно озираясь по сторонам, ожидая чего-нибудь ужасного.

— Ну, че встал, снимай штаны.

Андрей, оголив зад, скрипя зубами, вытерпел очень болезненный укол, поставленный стеклянным многоразовым шприцем. Напомним, все происходило в последние годы существования СССР, и одноразовых шприцев, одноразовой

посуды и упаковки в нашей стране еще не было.

Зажав проспиртованной ваткой место инъекции, новичок вышел из кабинета. Голову после процедуры начало немного кружить. Держась за стенку, Андрей кое-как побрел к туалету. К Котову подбежал Фикса и хрипловатым голосом попросил:

— Дай ватку спиртом подышать!

— Да бери, жалко, что ли, — ответил Котов.

Фикса умудрился выжать из ватки каплю спирта, которую тут же слизнул большим красным языком, после чего стал жадно вдыхать спиртовый запах. Андрей тем временем, все более чувствуя парализующее действие укола, шатаясь, пошел в отхожее место.

Больничный туалет было вернее назвать грязным сортиром. Пробитые в бетонном полу отверстия нависали прямо над выгребной ямой, поэтому запах в помещении был ужасный. Все очки были сейчас заняты мучавшимися запорами пациентами. Туалет был в то же время и курилкой, и местом для умывания. В противоположной от отверстий стороне находились две металлические раковины, когда-то имевшие белый цвет, а сейчас почти полностью покрытые бурыми подтеками. Вода в кранах была только холодная, причем ни одного чистящего зубы или умывающегося в туалете не было.

Вдоль оставшихся двух стен сортира расположились больные, которые жадно дымили, причем одна сигарета приходилась на три-четыре человека. Чинарик гоняли по кругу, выкуривая его до того, пока терпели пальцы и губы. Сигареты курили компанией, в которую попасть новичку было практически невозможно. Несколько человек сидели около помойного ведра и дожидались, чтобы в него кто-нибудь бросил подходящий окурок.

“Это, наверное, и есть петухи”, — вспоминая наставления Карася, подумал Андрей. Очень хотелось курить, но пристраиваться к какой-нибудь группе новичок не решался. В сортир зашел Илья.

— Ну что, уши, наверное, пухнут без курева? — спросил он у Котова.

— Сил нет. Ты мне сигарету обещал, дай, пожалуйста, я больше суток не курил!

— Так и быть, угощу, только, когда к тебе приедут, поделиться передачкой не забудь, — ответил ушлый Карась.

Андрей принял сигарету и, к удивлению, заметил, что его руки сильно трясутся, причем унять дрожь усилием воли он не может. Карась заметил:

— Нейролептиками тебя лечат, вот и дрожь у тебя, врачи это тремором называют, бывает, так колотит, что сигарету прикурить

не можешь.

Андрей глубоко затянулся термоядерной “Астрой” без фильтра. Длительное никотиновое голодание и действие нейролептиков сделали свое дело. После второй затяжки все поплыло перед глазами. Больной попытался схватиться руками за стену, и от падения на грязный, заплеванный пол его удержал только Илья, который схватил Андрея под мышки. К великому сожалению вновь прибывшего, сигарета, которую он курил, упала на пол. В этот же момент к чинарику бросились несколько человек. Завязалась небольшая потасовка, победителем в которой оказался вертлявый долговязый пациент Леня Ухов.

— Ну что, Ухо, повезло тебе?— спросил начавшего дымить окурком больного Илья.

— Угу, вы же не заберете чинарик обратно? — ответил обладатель окурка.

— Вподляк после петуха курить, — с издевкой в голосе ответил Карась.

— Ухо, оставь покурить! — набросились на везунчика несколько больных, составлявших низшую касту пациентов.

— А вы мне оставляли? Сам курить буду, отвяньте!

— Ну выбрасывать-то будешь, тогда дай докурить!

— Я не буду выбрасывать, я забычкую, после обеда покурю! — отбрил всех Ухо.

Андрей, который с трудом справлялся с головокружением, прислонился к стене и спросил:

— Карась, здесь что, всегда так?

— Это еще что, иногда носы друг другу разбивают, петушня поганая! Окурок готовы изо рта вырвать, чинарик из любого помойного ведра вытащат!

— Котов, — прокричал санитар, — к врачу!

7

Услышав свою фамилию, Андрей вздрогнул. “Ну, наконец то к врачу, я ему все объясню, я докажу, что держать меня здесь никто не имеет права, скажу, если что, я пожалуюсь тамплиерам, и всю эту тюрьму разнесут по бревнышкам”. Новенького провели в кабинет врача, причем все время его за рукав придерживал санитар. К этой специфической форме передвижения в больнице Андрею еще было необходимо привыкнуть.

— Доброе утро, — поприветствовал Андрея Игорь Николаевич.

Андрей не ответил на приветствие и уставился в пол. “Пусть почувствует свою вину передо мной: чем я больше буду молчать, тем лучше!” — думал пациент.

— Ну, не хотите говорить, молчите, — дружелюбно сказал

врач.

— Вы не имеете права держать меня в тюрьме! — не выдержал больной.

— Это не тюрьма, а больница.

“Да, — подумал врач, — на самом деле первое впечатление от нашей богадельни именно такое и может сложиться. Я сам, когда впервые сюда приехал, первым делом подумал, что заведение на тюрьму сильно смахивает. Почти что все больные так и воспринимают больницу. Объяснить обостренным пациентам, что их привозят сюда для лечения, а не отбывания срока, практически невозможно”.

В этот момент Андрей посмотрел на лампочку, стоявшую на столе, и увидел в ее свете обветренное, мужественное лицо командора. Рыцарь протягивал руку, в ответ больной стал протягивать свою.

— Вы хотите обменяться со мной рукопожатиями? — спросил Игорь Николаевич.

Рыцарь исчез, и раздосадованный больной ответил врачу: “Нет!”

— Вы кого-нибудь видите еще в комнате? — спросил начавший что-то быстро писать Игорь Николаевич.

— Нет.

“Так, у пациента наверняка зрительные галлюцинации, думаю, и “голоса” еще есть. При этом скрытность бреда, такое сплошь и рядом случается на начальном этапе болезни. Завтра надо собрать комиссию для освидетельствования, но диагноз уже ясен, шизофрения”, — думал врач.

— Скажите, могу я съездить домой? — тихо спросил больной.

— Нет, пока нет.

— А позвонить близким я хотя бы могу?

— Я сам позвоню вашим родственникам, скажите, по какому телефону.

Пациент назвал номер. На этом первая беседа закончилась. Врач вызвал санитара Мишу, и тот повел Андрея в наблюдательную палату. По пути в отделение больной попытался рвануться к выходу, но опытный санитар быстро выкрутил пациенту руку и сказал:

— Будешь так прыгать, из больницы не выйдешь!

— Вы не имеете права! — закричал Андрей, но санитар еще подвернул больному руку, и пациент застонал от боли.

8

В палате Андрея впервые в жизни привязали к койке. Наказание одно из самых обычных в психиатрической больнице, но абсолютно дикое для того, кто попадает сюда впервые. Когда

конечности пациента стали обвивать лямками, больной попытался сопротивляться. На помощь санитару пришел Ухо. Предатель держал Андрея за руки, в то время как санитар накидывал на голову новичка наволочку. Придушив сопротивлявшегося, Миша уселся на больного и прочно привязал Андрея к металлической кровати.

— Будешь трое суток лежать, — запыхавшись от борьбы с пациентом, сказал санитар, — по смене передам, чтобы тебя не отвязывали. А тебе, Ухо, за помощь на, держи, — с этими словами Миша вытащил папиросу из пачки. Ухо схватил беломорину и сразу засунул ее куда-то в штаны.

Тугие матерчатые вязки врезались в ноги и руки проштрафившегося; в таком состоянии не то что приподняться, даже головой и то подвигать было большой проблемой.

— Ну что, попался? — с сочувствием спросил Карась.

— Какое право они имеют меня бить и привязывать? — негодующе произнес Андрей.

— Они здесь все права имеют, а ты для них овца бессловесная, букашка. Тебя и привязать могут, и лекарствами заколоть до растительного состояния имеют право.

— Я пожалуюсь на них!

— Кому?

— В милицию!

— Ха-ха-ха. Помнишь песню покойничка Высоцкого про Канатчикову дачу: “Если вы не разберетесь, мы напишем в спортлото!”

— У меня еще есть кому словечко замолвить!

— Кому?

— Иногда ко мне приходит командор, рыцарь ордена тамплиеров, он за меня заступится!

— А, теперь понятно, не зря тебя сюда привезли!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да галюны у тебя, вот что. Галоперидолом тебя, наверное, лечить будут, “галушкой” по-нашему!

— А что такое “галушка”?

— Нейролептик, вот что. Сначала тебя сковывать будет, потом медленно все делать будешь, будешь как робот, заторможенным. Да что говорить, посмотри вон на других: у них вся дорога — до туалета и обратно. И так до тех пор, пока ты сам не скажешь врачам, что твои мысли об этих, как ты их назвал, “тарплиерах”, — бред, и что ты сам считаешь, что болеешь.

— Я не болею, храмовники живы!

— Да, надолго ты здесь.

В это время на соседней кровати двое больных вытряхивали

из собранных в мусорном ведре чинариков крупинки табака. Один из них, долговязый Славик Кирпичников по кличке Кирпич, беседовал с бедолагой Вовой Сухоплюевым, у которого по причине сложной фамилии было два погоняла: Сухарь и Плевок.

— Ты у новенького-то суп за обедом попроси, а я попрошу второе! — обращался к Плевку Славик. — Я видел, он сегодня от завтрака отказался, так Олег Фикса все сожрал.

— А вдруг он сам есть будет?

— Не, он же вольняшка, ему передачку скоро привезут, вот увидишь.

Новичку стало муторно от этих разговоров. Кроме того, в голове начало гудеть, сказывалось действие нейролептиков. Андрей попытался заснуть, но вместо этого впал в полузабытье и, казалось, грезил наяву. Больной опять увидел брата-рыцаря, который вел свой отряд, состоявший из воинов Храма и пилигримов, долгой дорогой от Антиохии к Иерусалиму для поклонения Гробу Господню.

9

Разномастные паломники со всей Европы наводнили Геную. С той поры как Папа Урбан Второй провозгласил первый крестовый поход, вся Европа ринулась в поддерживаемое истовыми молитвами паломничество на Святую землю. Много разговоров было и о братстве рыцарей Храма, которое не только боролось с неверными, но также помогало всем паломникам передвигаться к Святой земле. Французы и фламандцы, венгры и немцы, итальянцы и англичане — вся христианская Европа хотела посетить святые места. Из порта Генуи с помощью расторопных местных купцов и судовладельцев, не без помощи тамплиеров начинался долгий путь пилигримов. Сначала морем до одного из ближневосточных портов, затем по суше, по узкой полосе вдоль Средиземного моря до Иерусалима.

Собирая с паломников звонкое золото, отчеканенное по всей Европе, судовладельцы окупали свои расходы на транспортировку верующих к Святой земле в три-четыре раза. Дукаты и флорины, экю и ливры лились полноводной рекой в карманы тех, кто организовывал путешествие на Святую землю и защиту христиан от иноверцев. Банковские конторы рыцарей Храма, расположенные в каждом более или менее крупном населенном пункте по пути к Иерусалиму, позволяли легко осуществлять конвертацию чеков, которые тамплиеры выдавали в обмен на наличные, обратно в деньги. Авторитет ордена и военная сила, которой обладали храмовники, делали путь к Святой земле менее опасным и более предсказуемым.

Корабль, везший одну из таких групп пилигримов, после

двухмесячного плавания по Средиземному морю бросил якорь вблизи Антиохии. Многоязычная, разношерстно одетая толпа паломников высадилась в порту, который был морскими воротами христианского княжества, подчиненного Иерусалимскому Королевству. Среди пилигримов были не только мужчины, но также набожные монахини и монахи, а также несколько симпатичных молодых христианок, присутствие которых в составе группы сильно смущало рыцарей, хозяев города.

Трудная монашеская жизнь с множеством ограничений не включала в себя такой жизненный аспект, как общение с прекрасным полом. Но рыцари оставались мужчинами и, подчиняясь своей земной природе, заглядывались на приезжих красавиц. “Интересно, как будет выглядеть та белокурая нормандка, которая сейчас пьет из кувшина, когда она ложится спать”, — мелькнула нехорошая мысль в голове Роллана Мондидье, брата-рыцаря ордена, которому выпал жребий руководить отрядом воинов для охраны христиан от набегов сарацин и защиты от произвола разбойников. Сверхусилием воли рыцарь попытался изгнать из своего сознания обольстительную христианку. “Это ты, враг рода человеческого, искушаешь меня, навевая греховные помыслы! — сердился на лукавого Роллан. — Придется исповедоваться сегодня в греховных мыслях капеллану”.

Среди паломников было два десятка французов, соотечественников командора. С обычной для своих соотечественников живостью пилигримы интересовались у рыцаря подробностями предстоящего пути. Родная речь была для командора как бальзам на раны. За двадцать лет своего пребывания на святых местах Мондидье выучил несколько европейских языков, мог объясняться даже с пленными сарацинами, прекрасно знал латынь, язык богослужений, но каждый раз, встречая своих соотечественников, радовался, особенно когда говорили на его, шампанском, наречии.

В группе пилигримов выделялся высокий худой юноша с горящим взором, постоянно читающий про себя молитвы. Во время путешествия по Средиземному морю он ни с кем не разговаривал, постоянно стоял на носу корабля и лишь иногда спрашивал у рулевого:

— Ну, когда же?

— Скоро, ветер попутный, через сутки доплывем.

“Ходить по земле, на которой жил и проповедовал Спаситель, побывать на месте, где Господь принял крестные муки и смерть, а потом воскрес и вознесся на небеса! Что может быть в жизни

лучше этого! Ради этого можно отдать не только состояние, но и саму жизнь!” — думал юный паломник.

Когда на горизонте показался долгожданный берег, юноша даже хотел спрыгнуть в море, чтобы быстрее добраться до него, но его удержали пара монахов, упрекая молодого Роже в нетерпеливости и горячности.

Сейчас, глядя на этого отпрыска довольно знатной аристократической фамилии, Мондидье узнавал себя в молодости. Двадцать лет назад юный барон покинул зеленые долины родной Шампани. Отписав свой родовой замок ордену и организовав на его месте командорство, юный рыцарь пустился в опасное путешествие к Святой земле. Дававший будущему защитнику Гроба Господня благословение местный епископ сказал:

— Тебе предстоит самый славный путь, который может достаться человеку, не потеряй на этом тернистом пути чести твоих предков! Per Aspera ad Astra Per!

10

Очнулся Андрей от толчков в бок. Новичок выругался про себя, кляня тех, кто помешал созерцать жизнь и приключения крестоносца-храмовника. Возвращение в действительность было для пациента ушатом холодной воды.

Около его кровати стояла санитарка с тарелкой супа:

— Обед, поешь немного.

— Я не хочу есть.

— Надо, что значит “не хочу”? Вон худющий какой, кожа да кости, — с этими словами Венера поднесла ложку с абсолютно безвкусным постным супом ко рту привязанного.

— Я не буду!

— Через зонд кормить будем, — пригрозила санитарка. Новичок не знал, что такое зонд, но, поняв, что придется уступить, нехотя проглотил несколько ложек.

— Дайте я доем за него — закричал только что поевший Плевок.

— Ты сколько можешь жрать-то! — зло сказала Венера. — Добавку на обеде съел, еще просишь, а потом с очка не слазишь!

— Что вам, жалко, что ли, все равно выливать будете.

— А палату помоешь?

— Помою, — жадно хватая протянутую ему тарелку, пробасил Сухоплюев. Затем без ложки выпил все содержимое тарелки и, довольный, спросил: — А второе?

— Ну ты наглец, Вова, — только и могла ответить санитарка.

— Второе мне, — закричал Фикса. — Я тоже палату помыть могу!

— Ты, Олег, иди из-под Чомбы матрац достань, он, кажется, обделался.

С необыкновенной прытью Фикса вытащил обгаженный матрац и сказал:

— Готово!

— На, держи, — подавая помощнику тарелку с перловой кашей, произнесла санитарка.

Андрей, несмотря на то, что последние три дня ничего не ел, голода не испытывал, единственное, чего он хотел, — покурить. В палату вошел Карась.

— Хороший был сегодня обед, и каши дали полную поварешку, — довольно рыгая, сказал он и продолжил: — Сейчас таблетки, а потом покурить разрешат.

— Илья, дай мне еще сигаретку, я тебе потом пачку отдам!

— Вот это разговор, только не забудь, что пообещал; как к тебе приедут, первым делом мне долг верни, — протягивая сигаретку “Астры” Андрею, сказал Карась.

— А как я курить-то буду, я же привязан!

— А ты санитару скажи, что по-большому хочешь, может, он тебя и отвяжет.

— А как его зовут?

— Женя.

— Женя! — закричал Андрей. — Я в туалет хочу!

— Фикса, — ответил санитар, принеси утку этому, как его звать-то, ну, в общем, новенькому!

— Я по-большому хочу!

— Толька, неси ему судно.

— Отвяжите меня!

— Обойдешься! По смене передали, чтобы не отвязывали, ты буйный.

— Пошел ты на … — выругался на Женю новичок.

— Ты мне поговори еще, вообще не отвяжем, полежишь недельку на вязках, тогда будешь знать, как с персоналом надо обращаться! — зло сплюнув прямо на пол, ответил санитар.

В это время в палату с приготовленным шприцем вошла Любовь Адамовна. Молодая женщина, с которой Андрей уже успел познакомиться утром, обладала приятными для мужского глаза формами, которые хорошо демонстрировал приталенный халатик. Медсестра явно притягивала к себе взгляды годами не видевших женщин больных и пользовалась большим успехом среди обитателей желтого дома.

— Котов, тебе укольчик, готовься, — пропела она грудным голосом.

— А куда ставить будете, я же привязан!

— Ничего, в бедро уколем, — оголяя часть ноги Андрея, сказала медсестра. Тупая металлическая игла вошла под кожу, и уверенным движением рук Любовь Адамовна быстро вогнала пациенту все содержимое шприца. Еще во время инъекции руки и ноги Андрея начали сильно дрожать, а голова затуманилась. Мысли потеряли свою относительную ясность, и у новичка появилось такое ощущение, что он проваливается в какую-то бездну.

11

Игорь Николаевич всего год назад окончил мединститут. Рутинная и во многом неблагодарная работа врача-психиатра еще не успела загасить некоторую одержимость, с которой молодой врач взялся за работу. Еще в момент выбора будущей специальности Игорь Николаевич, тогда просто Игорь, заинтересовался психоаналитикой по Фрейду, метод в то время еще мало распространенный, а также работами одного из родоначальников психиатрии, Ломброзо. Молодого студента также интересовали некоторые особенности психически больных людей и их поведение. Будучи на практике в психиатрической клинике, Игорь сам пытался ставить диагнозы больным, потом сверялся с записями в истории болезни и получал истинное удовольствие, когда его диагноз совпадал с заключением практикующего психиатра.

Игорь Николаевич не был меркантильным человеком, и хотя психиатрам времен СССР полагались существенные доплаты и льготы, при выборе специальности это не играло особой роли. С юношеским рвением будущий психиатр штудировал монографии и специальную литературу. С распределением юному доктору не очень повезло. Жребий, который выпал вчерашнему студенту, — быть терапевтом в лечебнице для больных, совершивших уголовные преступления. Лечить бывших уголовников было делом непростым, поневоле приходилось изучать привычки и ментальность бывших зэков. Игорь Николаевич осилил даже блатную феню.

Был один нюанс. Не все попадавшие в эту больницу люди преступили закон. Все районы миллионного города были поделены между обычными гражданскими психиатрическими лечебницами. Но вот для одного района места в этих богадельнях не нашлось. Пациентов этой части города везли в больницу, где лечились бывшие зэки, что для обычного гражданина было сродни помещению в тюрьму. Каждому больному, которому так не повезло с местом жительства, Игорь Николаевич старался уделить больше внимания и как мог объяснял, что для них это не место исправления, а лечебница. Бывшие уголовники называли

таких больных “вольняшками”.

“Итак, Котов Андрей, — думал молодой психиатр, — двадцать три года, первое поступление. Почти что мой ровесник. Может, даже на одни дискотеки и в кинотеатры ходили. Симптоматика типичная для приступа шизофрении. Зрительные галлюцинации есть, это точно, голоса — не факт. Необходимо поговорить с родственниками, выяснить поведение перед госпитализацией. Какую же выбрать терапию? Посмотрим, как на него подействует галоперидол. Сколько я ему назначил? — перепроверяя себя, Игорь Николаевич посмотрел в журнал назначений. — Так, все верно, по двадцать миллиграмм подкожно три раза в день. На ночь — аминазин. Что поделаешь, в больнице очень скудный выбор лекарственных средств. Практически только четыре препарата, трифтазин, галоперидол, аминазин и циклодол, и этими средствами приходится лечить весь спектр психических заболеваний. Каменный век, да и только! Как только у Котова начнется сильный тремор, надо будет циклодол назначить, после завтрака и обеда.

Интересно, откуда он вычитал про тамплиеров? Кстати, кто это такие? — Игорь Николаевич напряг мысль и не сразу, но вспомнил, — Да, кажется, это из произведений французского романиста Мориса Дрюона. Там, кажется, сожгли главного рыцаря, как же его имя? Да, вспомнил, Жак де Моле. Его по приказу короля казнили. Все правильно, известная такая книжка, на сданную макулатуру можно было получить. На завтра надо будет назначить комиссию, — продолжал думать врач, — пусть его и другие врачи посмотрят, может, что посоветуют. Хорошо бы, и родственники побыстрее приехали, а то ведь больной и впрямь думает, что в тюрьме находится. Как пойдет на поправку, домой в отпуск надо будет отпустить, но это не раньше чем через месяц. Как только немного отойдет, надо будет какую-нибудь легкую работу ему найти, хотя бы и снег разгребать. И понаблюдать надо, чтобы уголовники Котова не зашпыняли, они это могут. И все же кто такие тамплиеры?”

12

Отряд рыцарей Храма уже вторые сутки медленно передвигался, сопровождая паломников на Святую землю. Сухая каменистая дорога, вымощенная туфовыми плитами, местами становилась грунтовой и сужалась до размеров тропинки, виляя между невысокими холмами, лишенными всякой растительности. Палящее солнце доводило некоторых паломников до полуобморочного состояния. Никакой живности вокруг, только мелькающие в каменистой почве стремительные ящерицы и зарывшиеся в песок черепахи. Песок скрипел на зубах, шлейф

пыли, который поднимали копыта коней и мулов, закрывал арьергард отряда плотным облаком. Лишь иногда попадались небольшие оазисы с источниками питьевой воды. Бескрайние пространства Малой Азии были совсем не похожи на зеленые плодородные долины родной Франции.

Довольно часто отряд останавливался по требованию аббата, призывавшего странников к молитве. Роже, юноша, который обратил на себя внимание Мондидье, отличался тем, что читал молитвы не только по призыву священника, но и в продолжение всего пути. “Совсем еще ребенок, — думал храмовник, — а уже такая набожность. Надо приглядеть за ним и, если что, предложить остаться на Святой земле. Ордену Храма нужны истинно верующие люди для пополнения рядов рыцарства”.

Ближе к вечеру пилигримам стали попадаться возделанные поля, на которых работали крестьяне; на холмах паслись многочисленные стада овец и коров. Встречные колонисты приветствовали караван, снимая шляпы. Переселенцы из Европы, осевшие поблизости от укреплений крестоносцев, возделывали свои нивы, кормя рыцарей и многочисленных паломников.

Отряд подходил к одной из самых мощных крепостей христиан, Маргабу. Возведенное для защиты от сарацин укрепление своими мощными бастионами давало понять иноверцам, что отныне окрестности Маргаба — христианская земля и попытавшийся опровергнуть это обломает свои зубы о камни твердыни. “Охранять путь к Гробу Господню — это ли не самая достойная цель для крестоносца!” — думал Мондидье.

Высланный Ролланом гонец уже сообщил о прибытии каравана. Приблизившись к крепости, пилигримы увидели мощные, высотой до двадцати метров, толстые зубчатые стены, два раза опоясывавшие крепость. На башнях развевались штандарты различных орденов крестоносцев. Из-за стен крепости были видны островерхие крыши донжона и собора. Навстречу путникам вышли два брата-сержанта, которым был передан список паломников.

— Приветствую вас на территории сей крепости! Здесь вы найдете кров и еду, наберетесь сил для дальнейшего путешествия! — сказал один из них и продолжил: — Есть ли среди вас больные или те, кому нужна какая-нибудь помощь?

— Нет, — ответил за всех аббат. — Все, что нам необходимо, нам дают достойные рыцари Храма.

Пройдя через подвесной мост, отряд оказался во внутреннем дворе крепости. Спешившись и умывшись, пилигримы по призыву аббата пошли молиться в храм, рядом с которым стояла часовня; на ее крыше был водружен не обычный, а восьмиконечный крест

храмовников.

Вытесанный из больших кусков известняка собор с мощными контрфорсами и высоченными стрельчатыми окнами поражал своими размерами. Храм Божий имел крестообразную форму, которую ему придавало пересечение трансепта с центральным нефом. Продольный корпус заканчивался полукруглой апсидой. Над средокрестием нефов и над входом находились две мощные башни; их-то и видели из-за стен крепости паломники. Фасад молитвенного здания был, как и положено, обращен на запад. На бронзовых дверях входа были изображены отлитые в металле Адам и Ева, идущие друг к другу, а также сцена убийства Авеля Каином. На тимпане, под полукруглой аркой портала, была изображена изваянная из камня сцена Страшного суда; под фреской на мраморе было высечено:

“Non nobuis, Domine, non nobis, set tuo nomini da gloriam!” (Не нам, Господи, не нам, но имени твоему ниспошли славу!)

С религиозным трепетом паломники вошли в храм. Справа и слева до самого алтаря стояли колонны, на которые опирался сводчатый потолок. На высоте около двух метров от основания колонны превращались в скульптуры апостолов Господа и канонизированных святых. У основания колонн располагались изваяния драконов, химер и кентавров. На капителях были высечены парящие ангелы.

Из окон под потолком через цветные стекла витража на молившихся падали мягкие, успокаивающие потоки света, настраивая верующих излить Богу свою душу. Горящие перед золотым алтарем свечи подчеркивали бренность жизни и величие вечности, для которой человек что песчинка, а его жизнь — это жизнь мотылька-однодневки, который летит к свету.

13

Короткий декабрьский день подходил к концу. Солнце зашло, и на необъятном декабрьском антрацитовом небе высыпали звезды. Андрей очнулся оттого, что кто-то трясет его за руку. Больной открыл глаза и увидел Илью.

— Хватит спать, что ночью делать будешь? — спросил Карась.

— Илья, ты мне такой сон обломал! — сердито ответил Котов.

— А че снилось?

— Да как тебе сказать, ну, ты этого не поймешь.

— Че, баба голая, что ли?

— Нет, слушай, ко мне во сне опять приходил брат-рыцарь и рассказывал про тамплиеров. Ты мне веришь?

— Верю. Ты мне уже говорил, это у тебя гон такой.

— Да не гон это.

— Не, гон самый настоящий. Здесь одному кажется, что на него какие-то люди влияют, другому, Леше Печеню из пятой палаты, например, кажется, что он двойник Владимира Высоцкого, Сухоплюев иногда говорит, что он марсианин. Да в общем, тут у каждого второго бредятина есть.

— Так ты зачем меня разбудил-то?

— Тобою тут блатные интересовались, кто ты по жизни. Гоша Туз, он смотрящий за этой "крыткой", спрашивал о тебе, чем ты живешь. Ну, я ответил, что мужик ты нормальный, да и вообще, ты "вольняшка". Месяц-другой полежал здесь — и домой. А кто по статье, так и несколько лет здесь проводит, а вот некоторые, например Юмба, — и Карась показал на лежащего рядом с окном толстяка, — так тот уже третий десяток лет здесь обитает.

— А кто такой этот Гоша?

— Он здесь в авторитете. Из тюрьмы его сюда отправили, за убийство сидел.

Андрей попытался занять более удобное положение, но не смог. Вязки были сделаны профессионально. "Худшей пытки не придумаешь, — думал Андрей, которого начало охватывать чувство клаустрофобии, — такое изощренное издевательство еще придумать надо!" Клаустрофобия переросла в панику, и срывающимся голосом новичок спросил у Ильи:

— Карась, а ты меня можешь отвязать?

— Не, ты че, меня сразу на галоперидол и сульфазин переведут и так же, как и тебя, привяжут.

— Так никто же не узнает, что ты отвязал!

— Ты думаешь, здесь стукачей нет? За таблетку циклодола мать родную продадут, не то что меня! Так что терпи.

Весь их разговор слышал толстяк Юмба, который сказал привязанному:

— Хочешь, отвяжу?

— Конечно!

— А у тебя курево есть?

— Нет, — ответил Андрей, но потом вспомнил, что сигарету, которую ему в долг дал Карась, он еще не успел выкурить, и сказал: — Есть сигарета одна!

— Давай я тебя отвяжу, а ты мне табачок.

Юмба, которому было все равно, что его самого могут привязать, за годы пребывания в психбольнице насмотрелся на всякое и воспринимал богадельню как дом родной. Андрей, обрадовавшись от одной мысли, что с него снимут опротивевшие вязки, радостно воскликнул:

— Идет!

— Только ты меня не закладывай, — развязывая новичка,

сказал толстяк, — если что, скажи, что сам отвязался.

— Само собой!

Через пять минут, сбросив с себя путы, Андрей попытался встать. Тело плохо повиновалось, нейролептики парализующе действовали на способность двигаться. Долгое время пережатые вязками ступни не чувствовали ничего. Кое-как, держась за спинку кровати, Андрей все же поднялся.

— На ужин, на ужин, — раздался в коридоре голос буфетчицы. Санитар, отперев дверь в наблюдательную, прокричал: — Подъем, сволочи, жрать идите!

Ужин для наблюдательной накрывали в коридоре, отдельно от “сознательных” больных. Голодные пациенты, толкая друг друга и ругаясь из-за места за столами, рассаживались по табуреткам. Неаппетитная с виду больничная каша пользовалась среди пациентов большим успехом. Больные, чтобы усилить аппетит, вслух вспоминали те яства, которые им когда-либо приходилось пробовать:

— Ах, вот сейчас бы плов, чтобы мясо было мелкими кусочками и с изюмом и рисом рассыпчатым. Я, когда в Средней Азии был, ел такой, пальчики оближешь! — с восторгом говорил Ухо.

— А я вот, вспоминаю, в ресторане “Уральские пельмени” был, так там такие пельмени, и порции на всю тарелку! И с горчичкой, и со сметанкой, одно объедение! — подзадоривал себя и других Фикса.

Слюноотделение от воспоминания деликатесов усилилось до такой степени, что пациенты начали с большим энтузиазмом наворачивать жидкую овсянку. Через две минуты тарелки были пусты, и обитатели желтого дома чуть не в голос стали просить добавку. Воспользовавшись тем, что санитар ушел с поста, а в палате никого нет, Андрей, которого в наказание не стали кормить ужином, выскользнул в коридор и под общий стук ложек пробрался в сортир. В туалете пациент подошел к окну, попробовав заграждение металлических решеток на прочность. “Бесполезно, — подумал Андрей, — такую преграду не осилить, все продумано”.

В сортир ввалилась парочка больных. Один, низенький, коротко остриженный суетливый тип с монголоидным опухшим лицом, Касимов, по кличке Касим. Другой роста выше среднего, с большим родимым пятном на лице, носил кличку Горбачев. Коротышка, увидев новенького, спросил:

— Кто такой, как тебя зовут?

— Андрей.

— А кто по жизни?

Андрей, не знавший, что значит быть кем-то по жизни, ответил:

— Аспирант, в Академии наук работаю.

— Я тебя не за то спрашиваю, ты скажи, у тебя как с прошлым, все нормально?

— Да все более-менее. В школе учился, потом в институте.

— А вот скажи, пику в глаз или пи...с?

— Отстань от него, Касим, — сказал вошедший в туалет Карась, — он нормальный пацан, вольняшка, погоняло у него Кот.

14

К тому, что разговоры на тему однополой любви занимают среди его новых знакомых очень много времени, Андрею еще надо было привыкать. “Неужели им не нравятся женщины? Как им не противен противоестественный секс?” И тут Котов впервые вспомнил о девушке, с которой дружил последние полгода. Лене было двадцать три, она была приятной девушкой, красивой, как бывают красивы девушки ее возраста. Стройная, спортивная фигура и упругая грудь, которая волновала мужские взгляды, подпрыгивала, когда Лена шла быстрой походкой. У подруги Андрея было миловидное славянское лицо с выразительными серыми глазами. В общем, девушка, каких много на богатых женской красотой просторах России.

Подруга Андрея работала в одном из проектных институтов. С Котовым она познакомилась на дискотеке. С удовольствием Лена отметила, что одетый в настоящие “Wrangler” парень подошел к ней во время медленного танца и пригласил ее. Незатейливый короткий разговор, во время которого парочка успела познакомиться, кончился тем, что Лена получила предложение от юноши проводить ее домой. С удивлением Андрей узнал, что провожать новую знакомую надо на остановку электрички, — избранница жила в пригороде.

“Что Ленка сейчас делает, помнит ли обо мне? Приедет ли сюда? — думал пациент. — Нет, лучше пусть не приезжает, что она обо мне подумает? Наверное, после того, как я попал сюда, она не захочет со мной дела иметь”.

Лене тоже нравились свидания со своим возлюбленным. Надо было выходить замуж: все-таки, страшно подумать, третий десяток, большинство подружек уже создали семьи. Связывать себя узами брака с каким-нибудь парнем из пригорода, в котором она жила, девушка не хотела. Ей страстно хотелось стать полноценной гражданкой мегаполиса, в который приходилось каждый день целый час ехать на электричке. Андрей казался подходящей для Лены парой. “Квартира в городе, не алкаш и не наркоман, в аспирантуру вот поступил, человек с будущим, —

думала Лена, когда встречалась с Андреем. — Внимательный, цветы дарит, да и сам из себя ничего, не красавец, конечно, но и не урод”.

Лена позволяла Андрею в постели практически все, кроме самого естественного способа любви. “Низя, — детским голоском кокетливо говорила она уже измученному невозможностью закончить ласки естественным способом партнеру, — после свадьбы”. С таким ортодоксальным отношением к сексу Андрей сталкивался впервые в жизни, но продекларированная его подругой девственность и категорический отказ расставаться с ней до свадьбы придавали отношениям влюбленных особый романтический привкус.

Во время последних встреч Лена обратила внимание на то, что ее возлюбленный уже не так пылко добивается взаимности. “Может, дать ему, а то ведь уйдет”, — думала девушка. Но Андрей все меньше интересовался сексом и начал сбивчиво говорить про каких-то рыцарей с непонятным названием тамплиеры. “Понимаешь, они управляют всем миром, они как бы и живые, и мертвые одновременно!” — воодушевленно говорил ничего не понимающей подруге Андрей. Во время последней встречи Лена, посмотрев на своего избранника, озабоченно сказала:

— У тебя больные глаза, с тобой что-то не так!

— Все так, ты знаешь, я могу общаться с душами покойных рыцарей!

“Он безумен!” — подумала Лена.

Андрей ни тогда, ни сейчас не понимал, что он тяжело болен, и воспоминание о своих романтических отношениях еще больше ввергало пациента в тоску. “Почему было все так хорошо и вдруг стало все так плохо?” — думал юноша и, не находя всему случившемуся объяснения, мысленно продолжал спорить со своей избранницей. “Почему она не поверила мне, что души умерших рыцарей живут и что я могу с ними общаться? Почему ушла с последнего свидания, как-то странно смотря на меня? Нет, сейчас лучше лечь спать, во сне ко мне придет тамплиер и все мне объяснит”.

Впервые в жизни Андрей страстно хотел, чтобы ему побыстрее поставили снотворное. Несколько часов от ужина до сончаса тянулись бесконечно; не хотелось ни с кем разговаривать, ничего делать. Почти все разлеглись по своим кроватям. Кто спал, кто играл в шахматы, кто просто разговаривал. Новичок, укутавшись одеялом, пытался поскорее заснуть.

Настоящий сон пришел к больному только после инъекции аминазина. Сначала в мозгу вертелись какие-то неясные образы,

затем пациенту показалось, что на него нападет Ухо; но вот наконец пришел долгожданный рыцарь-храмовник, который приставил к горлу нападавшего меч.

15

Всю ночь Андрею снились яркие, в деталях, сны о приключениях паломников. Рыцарь, являвшийся и раньше, разговаривал с пациентом, успокаивая по поводу пребывания в больнице. “Главное — это терпение, — говорил тамплиер, — научившийся обуздывать свою плоть становится совершеннее. Ни у кого ничего не проси, — продолжал вразумлять Андрея храмовник, — все необходимое ты получишь и так. Человеческое тело — это прах земной. Научившийся служить не телу, но Богу войдет в рай”.

Пробуждение было не из приятных. В голове шумело, руки дрожали, и все то же окружение: неопрятные пациенты, лежавшие на ржавых кроватях, и облупленные стены палаты. Сидевшие на одной кровати Ухо и Фикса вели содержательную беседу.

— Сегодня всю ночь на Юмбу дрочил! — сообщал довольный Фикса. — Такой кайф! Три раза кончил!

— О, наши руки не для скуки! — поддержал его Ухо.

В разговор вмешался Карась:

— Ну, ты, Фикса, совсем с головой не дружишь! Как ты со своими голубыми наклонностями на воле жить будешь? Юмбу в жены, что ли, возьмешь! Подрочил бы на Любовь Адамовну.

— А ей голоса скажут, она доктору пожалуется, и он мне сульфазин назначит.

— Тебе его давно пора назначить!

Обращаясь к Андрею, Карась с горькой усмешкой сказал:

— Вот видишь, Кот, до чего люди в дурках доходят, им уже и бабы не надо. Слышал, Фикса про голоса говорил, у тебя их нет?

— А что это такое, голоса?

— Ну, это, например, так: ты один в комнате, а тебе кажется, что с тобой кто-то разговаривает.

— Да вроде бы нет. Только я с рыцарем во сне, а иногда и наяву общаюсь. Этот рыцарь, ну как тебе сказать, он живой, только он существует по-особому! Он может появиться где угодно и когда угодно!

— А сейчас ты его видишь?

— Сейчас нет, но всю ночь он мне рассказывал о путешествии в Иерусалим!

В двери замка наблюдательной палаты проскрипел ключ, и санитар громко крикнул:

— Кто курить хочет, выходи!

К двери бросилась толпа, расталкивая друг друга и ругаясь.

Вова, санитар, сменивший Женю на дежурстве, посмотрев на вторично связанного после ужина Котова, пожалел бедолагу и сказал:

— Вот, отвязываю тебя, но смотри у меня, чтобы больше персонал на три буквы не посылал!

— Я больше ни-ни, — обрадованный тем, что его освободят от пут, прокричал Котов.

В туалете было не продохнуть от дыма, даже запах нечистот на время уступил место табачным ароматам. Илья сказал Андрею:

— Покурю и тебе оставлю, только ты сам дыми, не отдавай никому!

Новичок присел на корточки рядом с Карасем и с нетерпеньем дожидался своей очереди. В противоположном углу кучковались больничные изгои: Вася-Фофан, Валька и Танька. Какие у них были настоящие имена, уже никто не помнил. Вася был крупным, широкомордым пациентом. За долгие годы пребывания в дурке он, несмотря на плохое питание, набрал приличный вес, и теперь выставлявшийся вперед живот и двойной подбородок свидетельствовали о том, что их хозяин неплохо адаптировался к больничной жизни. Другой представитель низшего сословия, Валька, был в одной майке; на предплечье у него была вытатуирована тюремная наколка — черт, обнимающий девушку, свидетельство нехорошего петушиного прошлого. Танька, шустрый кудрявый молодой блондинчик с голубыми глазами, был на том же положении, что и его приятели. В данный момент все трое внимательно следили за тем, не бросит ли кто-нибудь окурок в ведро.

Андрей задумался, как могут люди так низко пасть. “Ну, пусть условия плохие, с куревом плохо, но есть же такое понятие, как самоуважение, гордость какая-нибудь”. В это время один из больных бросил в ведро окурок. Валька быстро среагировал и схватил чинарик еще на лету. Танька попытался выхватить вожделенную почти выкуренную сигарету и получил внушительный толчок от обладателя позорной наколки. К всеобщей радости, завязалась маленькая потасовка. Скучное течение больничной жизни было нарушено, пациенты подбадривали не на шутку разошедшихся изгоев. Больные разделились на две группы, каждая из которых поддерживала соперников.

— В глаз ему, Танька!

— Валька, мордой его об пол, под дых ему, под дых!

Наконец, Валька уложил Таньку на лопатки и уселся ему на грудь.

— Ну что, понял, петух, как не за свое хвататься!

— А сам-то ты кто? — ответил лежавший на грязном полу Танька. — Тоже ведь мастевый!

— Это я-то опущенный? Да я тебе за такие слова все зубы выбью! — С этими словами Валька снова начал наносить удары блондинчику по лицу.

— Вы че, собакой за голову укушенные, что ли? — пробасил Фофан и попытался остановить драку.

Но дерущиеся разошлись не на шутку. Танька порвал майку на теле Вальки; тот, в свою очередь, пытался макнуть соперника лицом в очко. С большим трудом Фофан растащил наносящих друг другу удары изгоев. Предмет спора, маленький бычок, из-за которого произошла потасовка, во время драки был потерян. Стоявшие рядом пациенты, расстроенные быстрым окончанием драки, пытались снова стравить дуэлянтов.

— Ну, что, Валька, уделал ты голубоглазого? — поинтересовался Ухо.

— Порвал как Тузик грелку! — надуваясь от гордости, ответил Валька.

— Молодец, держи чинарик, тут еще на две затяжки хватит, — поощряя победителя, сказал Леня.

Валька вставил окурок размером в несколько миллиметров в обрывок газетной бумаги и начал затягиваться во всю мощь своих легких. Танька, поняв, что ему ничего не светит, переключил свое внимание на Лешу Печеня, который сворачивал себе гигантских размеров “козью ножку”.

— Леня, оставь покурить, — попрошайничал Танька.

— Не приставай к человеку, — прикрикнул Карась на мастевого. И, обратившись к Андрею, добавил: — Вот Леша — нормальный мужик, после него и курить можно, и пить. Кстати, он тоже вольняшка, человек умный, университет закончил, исторический факультет, кажется. С ним можно на любую тему поговорить, он даже и про твоих тамплиеров наверняка знает что-нибудь.

В ответ Леша покивал головой и сказал:

— Как же, как же, это эпоха крестовых походов, борьба за освобождение Гроба Господня.

Андрей был потрясен. Встретить в этой богадельне человека, который хоть что-то знает про “Нищих рыцарей Христовых”, было большой удачей.

Печень тем временем продолжал, подтверждая свою компетентность в данном вопросе.

— Все началось с призывов ныне канонизированного Петра Пустынника, который, посетив Святую землю, был возмущен тем, как мусульмане относятся к христианским паломникам. Именно

под руководством этой известной личности был предпринят первый крестовый поход. А сам орден храмовников был основан решением собора в Труа. Я на эту тему курсовую писал, пятерку получил!

16

В день святителя Илирия 14 января 1128 года собор под руководством кардинала-легата Матвея Альбанского объявил о создании нового христианского ордена “Pauperi commilitiones Christi Templicue Salomoniacis” — “Бедные соратники Христа и Соломонова Храма”. Вдохновителем вновь образованного братства был св. Бернар Клервоский — организатор второго крестового похода, сторонник непримиримой борьбы с неверными и полного освобождения Святой земли от мусульман.

— Христиане! — говорил Бернар. — Нам предстоит большая и кровопролитная борьба до полного изгнания иноверцев с территории Палестины! По воле Бога сегодня мы создаем новое братство, которое поможет праведным христианам совершить паломничество к Гробу Господню и окончательно прогонит неверных с территории Святой земли. Предлагаю назначить магистром ордена славного рыцаря и добропорядочного христианина Гуго де Пейена. Своими подвигами на Святой земле он снискал себе подлинное уважение всех верующих, а его мужество спасло многих паломников от неминуемой гибели от рук сарацин!

Своды величественного собора огласились многократно усиленными благодаря хорошей акустике восторженными возгласами. Летавшие под куполом храма ласточки спрятались в сводчатых арках. Друзья и последователи святого бурно реагировали на призыв Бернара. Единогласно собравшиеся выбрали Гуго де Пейена первым магистром славного ордена тамплиеров.

Обветренное и опаленное ветрами пустыни лицо вновь избранного магистра тронула благодарная улыбка. “Не зря. Не зря я потратил свою жизнь и силы на освобождение Гроба Господня. Сколько раз моя жизнь висела на волоске, сколько раз я оказывался в смертельной опасности! Но провиденью Господа было угодно оставить меня в живых и возглавить братьев-рыцарей для борьбы с неверными”.

Св. Бернар написал устав рыцарей храмовников, обязывая каждого взявшегося за нелегкий труд отстаивания веры соблюдать многие строгие правила. Рыцари братства отказывались от земных благ, брали обеты безбрачия и бедности. Несмотря на строгие правила жизни, вменяемые братьям-рыцарям, а также на требования благородного происхождения,

число храмовников быстро росло.

В каждой французской провинции организовывались командорства ордена, в каждой дворянской семье хотя бы один член семьи вступал в ряды славных тамплиеров. Молодые аристократы бросали свои увлечения псовой охотой и травлей крестьянских посевов и записывались в ряды братьев-рыцарей. Не участвующий в крестовых походах предавался общественному презрению и бесчестью.

— Каждому пролившему кровь за освобождение Гроба Господня прощаются все грехи! Каждый омывший лицо в Иордане наследует Царство Небесное! — эти обещания повергали в трепет истово верующих христиан всех сословий и воодушевляли пожертвовать свою жизнь и имущество ради святого дела. Число желающих двинуться на Святую землю быстро росло.

С большим числом своих последователей и кандидатов к вступлению во вновь созданный орден Гуго де Пейен вернулся в Палестину. С благословения короля Иерусалимского Болдуина новоиспеченному братству был выделен кусок территории на Храмовой горе, на месте бывшей мечети Аль-Акса. Когда-то давно на этом месте блистал Храм царя Соломона. Примыкавшая к церкви Гроба Господня бывшая святыня мусульман стала основой для строительства резиденции храмовников.

С первых дней строительства своего Храма “Нищие рыцари” стали натыкаться на предметы, которые относились еще к дохристианской эпохе. То тут, то там крестоносцы обнаруживали находки, разобраться в предназначении которых не могли. Пейену докладывали о найденных вещах, которые, по всей видимости, служили для проведения древних богослужений. Кроме того, часто попадались пергаментные свитки с надписями на латыни и на иврите. Со временем строительство постепенно заменилось раскопками.

Магистр распорядился, чтобы дальнейшие земляные работы вели только проверенные братья, которые умели молчать. Для расшифровки текстов Гуго пригласил несколько иудеев. Переводчики трудились день и ночь. В конце концов результатом их трудов стало то, что в руках у тамплиеров оказались древние знания, воплощение самой мудрости. Вавилонские звездочеты и египетские жрецы рассказывали со страниц старинного учения о всем мире и о месте человека в нем.

Из латинских источников стало ясно, что под Храмовой горой спрятаны сокровища Храма Соломона, закопанные римскими легионерами. И рукописи с древними премудростями, и указание на наличие сокровищ являлось большой тайной ордена. Только несколько братьев-рыцарей знали о находках и их значении.

Братьям-послушникам, которые являлись на первых порах основной рабочей силой, не полагалось знать вообще ничего. Полную же картину событий мог составить только магистр, к которому стекалась вся информация.

Особую смекалку при раскопе древних строений проявил молодой паломник брат Мондидье. “Ora et labora”. — “Молись и трудись”. С утра до ночи, не покладая рук, разбирал пилигрим под руководством тамплиеров каменные завалы и, не переставая, молился. Работать приходилось все светлое время суток. Если утром и вечером условия были еще сносные, то полуденная жара сводила с ума. Соленый пот застилал глаза, руки до волдырей стерты от работы кайлой, но впереди благая цель — построить новый храм. Одержимому Роллану в руки первому попали старинные рукописи, так повлиявшие впоследствии на мировоззрение “Нищих рыцарей Христовых”.

Вскоре каменщикам попали в руки первые золотые монеты, которые указывали, что находка спрятанных сокровищ Храма не за горами. Дальнейшие раскопки тамплиеры проводили в строжайшей тайне, скрывая их даже от иерусалимского короля, не говоря уже о братьях-госпитальерах. Все найденное на Храмовой горе свидетельствовало о том, что тамплиеры напали на золотую жилу. Что касается Мондидье, то он знал слишком много для простого брата-послушника. Собравшийся капитул из девяти высших братьев-рыцарей стоял перед дилеммой: либо сделать находки достоянием всеобщей гласности, и такое может случиться, если послушники раскроют рот, либо умертвить тех, кто слишком много знал.

— Негоже начинать богоугодное дело со смерти ни в чем не повинных братьев-послушников, — говорил брат-рыцарь Андрэ.

— Мы не можем полагаться на неокрепшую молодежь, — спорил с ним храмовник Годфруа, — наша тайна принадлежит только нам, а желторотые юнцы не смогут ее сохранить.

— Предлагаю отправить всех послушников на бой с сарацинами, смертельная схватка покажет, кто чего стоит, — предложил старый Эйнан.

— Но ведь мы пошлем молодежь на верную смерть, — усомнился Андрэ.

— Все мы когда-нибудь умрем. Умереть с мечом в руке — лучшая доля для рыцаря, — ответил Годфруа и продолжил: — Освобождение от земных уз, от рабства своему телу богоугодное дело.

— Пусть наши братья докажут, что имеют право на нашу тайну, отправьте их к Дамаску, пусть своими подвигами убедят нас, что они достойны звания рыцаря Храма, — резюмировал

Пейен.

17

— Котов! Где Котов? — раздался голос медсестры за дверями сортира.

Андрей очнулся. Рядом никого не было, все давно вышли из туалета. В руках торчал погасший бычок.

— Здесь я, — прокричал Андрей и начал растирать щеки ладонями, чтобы прийти в себя. “А где же братья-рыцари? — думал он. — И где этот Печень, который получил пятерку за курсовую о крестоносцах?”

— После завтрака на комиссию! — снова донеслись до больного слова медсестры.

На завтраке Андрей не стал есть кашу и обменял ее на сигарету у больного по кличке Ус, который, несмотря на свою худобу, ел больше, чем его более плотные товарищи по несчастью. Себе новичок оставил только кусок хлеба, который, при известных обстоятельствах, тоже мог пригодиться в больничном товарообмене.

После завтрака новичка посадили около входа в отделение, велев ждать, когда его позовут врачи. Мысль пациента лихорадочно работала. “Как мне доказать комиссии, что ко мне действительно приходят рыцари-тамплиеры и общаются со мной? Ведь я уже видел их несколько раз. Откуда у меня в голове такие подробности о крестоносцах, ведь я никогда не был на Святой земле? Их мог мне сообщить только храмовник, кто же еще? Итак, я здоров и потребую у врачей признать этот очевидный факт. А если эти коновалы не согласятся со мной, я пригрожу, что подам заявление в суд!”

Согласно заведенным среди психиатров правилам, поставить диагноз впервые попавшему в больницу для душевнобольных можно было только коллегиально. Таким образом с врачей снималась вина за, допустим, неправильно поставленный диагноз. Для освидетельствования новичка собралась комиссия из трех эскулапов. Андрея вывели из отделения и провели к кабинету заведующего.

— Андрей, входите, — пригласил пациента Игорь Николаевич. Санитар подтолкнул больного в спину, и, оглядываясь по сторонам, Андрей вошел в уже знакомый кабинет.

— Присаживайтесь, — продолжал лечащий врач.

Табуретка, на которую предлагали сесть пациенту, стояла посереди большого просторного помещения. В кабинете стояло три стола, за которыми сейчас сидели врачи. Окна в кабинете были зарешечены так же, как и во всей больнице. Сквозь не очень прозрачные стекла в помещение проникали лучи неяркого

декабрьского солнца.

Психиатры поочередно задавали пациенту вопросы. Сначала один врач, толстый дядька с блестящей лысиной и глубоко посаженными глазами, все допытывался, не кажется ли пациенту, что он какой-то особенный. Андрей ответил:

— Конечно, кажется!

— А почему?

— Я могу общаться с душами покойных рыцарей.

— А что это за рыцари?

— Это рыцари ордена Храма.

— Простите, кто это такие?

— “Бедные рыцари Христовы”, тамплиеры, борцы за освобождение Гроба Господня!

— Видели ли вы их? Или только, так сказать, общались с их душами?

— Да, видел!

После этих слов пациента толстяк удовлетворенно закивал головой, не задавая больше вопросов.

— А где вы их видели? — вопрос Игоря Николаевича поставил пациента в тупик.

— Они выходят из потока света, — многозначительно сообщил комиссии больной, — а также приходят ко мне во сне.

— А вы можете с ними общаться, разговаривать, например?

— С тамплиерами? Да, могу.

— И вы слышите их голоса?

— Да, я же разговариваю с ними.

— А сейчас слышите?

— Сейчас нет. Рыцари сами выбирают время, когда говорить со мной. Они приходит ко мне и рассказывают о своем паломничестве на Святую землю.

— Скажите, Андрей, а давно ли вы стали, так сказать, общаться с крестоносцами? — спросил худощавый, высокий, темноволосый врач, при этом на его лице промелькнула улыбка.

Пациент возмутился недоверчивым отношением психиатра к своему рассказу и с вызовом ответил:

— Недавно, но это ничего не значит.

— И все-таки когда вам стало ясно, что эти тамплиеры живы? — продолжал спрашивать брюнет.

— Недели две назад. Однажды ночью, когда я долго не мог заснуть, из лампочки появился рыцарь, я даже знаю, как его зовут.

— Значит, последние ночи вы не спали?

— Да, сейчас, когда я удостоен чести общаться с “Нищими рыцарями Христовыми”, мне это ни к чему.

— Все ясно, Андрей, можете дальше не продолжать.

“Диагноз ясен, шизофрения, есть и голоса, психоз “а-ля Дон Кихот”, — думал Игорь Николаевич, — рыцарские бредни, которыми увлекались в детстве почти что все мальчишки, играя в “Трех мушкетеров”. Надо будет назначить жесткую терапию, думаю, за пару месяцев можно будет поднять больного на ноги”.

— Вы считаете, что вы здоровы? — спросил толстяк.

— Да, я абсолютно здоров! И требую, чтобы меня немедленно выпустили из дурдома! — попытавшись вскочить со стула, выкрикнул Андрей. Жесткая рука санитара легла на плечо новичка и не позволила делать какие-нибудь движения.

— Выпускают, Андрей, из тюрьмы, а вы находитесь в лечебнице! — мягким тоном сказал Игорь Николаевич.

— А почему почти все ваши пациенты в наколках? В какой это лечебнице лежат одни зэки?

— Ну, не только зэки, есть и гражданские больные. Да вы, Андрей, не обращайте на это внимания. А бывших зэков тоже лечить надо, так что относитесь к ним как к обычным пациентам.

— Я ни в чем не виновен! Мне не за что сидеть в вашей тюрьме!

— А вам кажется, что вас в чем-то обвиняют?

— Но ведь поместили же меня в вашу психушку!

— Для вас это не тюрьма, а лечебница, где вам помогут. Кстати, мы дозвонились до ваших родственников, они скоро приедут. Вы можете идти в отделение.

— Вставай, пошли, — сказал санитар.

Андрей нехотя поднялся и, вспомнив Фофана, Касима и Туза, содрогнулся от мысли, что ему придется делить с ними крышу еще неизвестно сколько времени.

Когда врачи остались одни, они, не сговариваясь заранее, поставили диагноз: шизофрения приступообразная, вопрос о наличии паранойи пока открыт, по ходу лечения будет ясно, как пациент реагирует на нейролептики, если улучшения не будет, попробовать лечение инсулином.

18

Андрея снова привели в палату.

— Ну что, как с врачами поговорил? — спросил Карась.

— Да никак, все что-то выспрашивали, я им всю правду и рассказал.

— Про своих тамплиеров?

— Да, но они, похоже, не поверили. Но ты-то, Илья, веришь мне, что храмовники на самом деле существуют?

— Я же тебе говорил, что даже не знаю, кто это такие. Ты лучше с Печенем на эту общайся. Да брось ты гонять за своих

рыцарей, лучше подумай, как курево достать, у меня последняя пачка. А приедут ко мне неизвестно когда.

— У меня есть одна сигаретка, у Уса на кашу выменял, — ответил Андрей. — Пошли покурим!

— Во молодец, сразу врубился за больничную тему, понял, что здесь все дашь на дашь делается! Но ты забыл, что ты в наблюдаловке, только через полчаса санитар выпустит.

— А если с ним поговорить?

— Фига с два, не выйдет, вот если бы Мишина смена была, тогда шансы бы были, а с сегодняшним санитаром придется терпеть.

— Может, здесь покурим?

— Ухо сдаст, для него в порядке вещей стучать. Он этим и живет, за это его персонал подкармливает и куревом подогревает.

— Давай побьем его!

— На вязки попадем, он орать начнет, и нам же и достанется. Кстати, я тут с мужиками договорился, скоро нам в палату чифирь зашлют, пробовал когда-нибудь?

— Нет, а что это такое?

— Тот же чай, только очень крепкий, ты сразу кайф словишь.

— С сахаром?

— Ты че, сахар у чифиря весь вкус портит. Если только карамельку вприкуску пить, так где ее, карамельку, взять.

— И как чифирь действует?

— Сначала с непривычки тебе блевать станет охота, ты это перетерпи, а потом станет так легко, все покажется таким классным, сразу жить охота станет. Вот, кстати, и Борода. Ну что, Вася, принес?

Борода вытащил из-под полы больничного халата граненый двухсотграммовый стакан, наполовину заполненный темно-коричневой густой жидкостью. По палате разнесся приятный чайный запах. Не дремавший Ухов, сидевший через две кровати от компании, задвигал ноздрями и сразу стал просить:

— Мужики, оставьте мне нифеля!

— Ты, петушина, на нас стучишь, санитарам уши греешь, обойдешься, гребень! — ответил за всех Карась.

— Ну пожалуйста! Я на вас стучать больше не буду!

— Какая вера может быть к проткнутому?

— Меня по беспределу опустили!

— Знаем мы твой беспредел, за кулек пряников в рот взял!

— Это что, правда, Карась? — спросил потрясенный Андрей.

— Абсолютная! Да ты тут еще многого не знаешь, иногда волосы дыбом встают, до чего петушня дойти может.

Андрей, еще не подозревавший, что это за божественная

штука чифирь, решил, что только попробует глоток, а потом, если не понравится, откажется.

— Ну, давай, по два хапка, — передавая Котову стакан, пробасил Илья.

Андрей осторожно отпил. Вяжущий вкус крепкой чайной заварки вызвал рвотный рефлекс. Только усилием воли новичок сдержал готовый вывернуться наружу желудок. Карась, видя, что Андрею не по себе, сказал:

— Погоди немного, сейчас у тебя это пройдет, здесь все отделение на чифире и циклодоле, тебе тоже привыкать надо!

Через некоторое время первое отторжение чифира прошло, и Андрей сделал еще глоток. Через пару минут приятели выпили всю жидкость из стакана. Внезапно Андрею сделалось очень легко, больничная обстановка перестала угнетающе действовать, и даже захотелось смеяться. Андрей почувствовал, как сердце усиленно забилось в грудной клетке, разгоняя по телу кровь. Новичку даже захотелось поиздеваться над придурком Уховым и напинать ему под зад за то, что помогал санитару связывать Андрея. Карась, видя подъем душевных сил у своего приятеля, авторитетно сказал:

— Ну что, понял, в чем тут кайф?

— Ага, классная штука!

— Когда к тебе приедут, проси привезти заварки. За чай в этой больнице все, что угодно, можно сделать. Только есть одна закавыка.

— Какая?

— Официально чифирь здесь пить нельзя, поэтому как-нибудь объясни своим, когда приедут, чтобы чай тебе передавали незаметно от медсестры.

— А при чем здесь медсестра?

— На любой свиданке присутствует кто-нибудь из персонала. Здесь же тюремные правила. Поэтому пронести чай большая проблема. Либо надо медсестре что-нибудь дать, ну, например, коробку конфет, чтобы молчала, либо тайком пронести.

— Заметано!

На дне стакана, из которого товарищи пили чай, оставались разбухшие чайные листья, так называемые нифеля.

— Кирпич, это тебе, — сказал сидевшему рядом Славику Илья. Слава, недолго думая, вытряхнул содержимое стакана в рот и, к большому удивлению Андрея, стал жевать чайные листья.

— Понял, Андрей, в какой цене здесь чай! — спросил не переставшего удивляться новичка Карась.

В этот момент из коридора донеслось:

— Котов, на свидание, к тебе приехали!

От радости сердце больного забилось еще быстрее. Поблагодарив Карася за чай, Андрей стремглав выскочил из палаты.

19

Комната для свиданий представляла из себя небольшое помещение с маленьким окном. Посереди стоял стол и несколько табуреток для посетителей. На отдельном стуле сидела медицинская сестра Людмила Михайловна по кличке Чикота, тучная женщина за сорок, с неравномерно покрашенными в малиновый цвет волосами. Медицинскому персоналу вменялось в обязанность наблюдать за свиданием пациентов с родственниками. Из-за таких правил поговорить о чем-либо с больным с глазу на глаз было невозможно. Кроме того, присутствовавший при встрече медицинский работник должен проверять содержимое передачек. Чикота, дежурившая сегодня на свиданиях, отличалась тем, что особенно рьяно искала недозволенные к проносу в отделение предметы. Она внимательно осматривала каждую емкость с напитками, все продукты, ощупывала личные вещи, включая даже трусы. Пронести в отделение в ее смену чай, не говоря уже о водке, было невозможно. За свою въедивость Людмила Михайловна и получила кличку, производное от фамилии известного маньяка Чикатило.

Родители, приехавшие на свидание с сыном, привезли несколько мешков с продуктами, зубную щетку и мыло, полотенце, а также смену белья. Все привезенное было тщательно досмотрено.

— Здравствуй, Андрюша! Здравствуй, дорогой! — увидев сына, сказала мать, пытаясь обнять своего отпрыска.

— Заберите меня отсюда! — не поздоровавшись, выкрикнул Андрей.

— Ну, как мы можем тебя забрать? — спросила женщина.

— Заберите, и все, вы же не считаете меня больным?

— Заболеть может каждый, — начал сердиться отец, — если врачи считают, что надо лечиться, то, значит, надо.

— Я не болен! — продолжал упорствовать пациент.

— Сынок, ты ведь, наверное, голоден,— переводя разговор в другую плоскость, заметила мать и продолжила: — Поешь немного. Вот тут пельмени, какие ты любишь, горячие еще, — говорила она, гладя сына по голове.

Андрей впервые за последнюю неделю захотел есть. Попытавшись поддеть пельмень из горшка, больной выронил вилку. Руки отчаянно дрожали и не подчинялись хозяину.

— Давай я тебя покормлю, — вытирая вилку платком,

сказала мать.

— Вот видишь, как меня лечат, скоро я и ходить не смогу! Тут из меня идиота сделать хотят!

— Андрюша, подумай, ну кому нужно делать тебя идиотом?

— Врагам Христова воинства!

— Далось тебе это Христово воинство! А насчет дрожания рук я уже переговорила с врачом, он сказал, что это тремор, побочное действие лекарств. После твоего выздоровления все это прекратится.

— Так ты уже побеседовать с врачом успела?

— Да, он сказал, что у тебя та болезнь, которой переболели многие великие люди. Еще он добавил, что твоей учебе в аспирантуре это не повредит.

— А на работе знают, что я в дурдоме?

— Нет, я позвонила в твой институт и просто сказала, что ты заболел. Да ты не беспокойся, люди там понимающие, они, кстати, тебе привет передают.

— А Ленка звонила?

— Нет, ты, наверное, ее напугал, в последние дни все про своих “Нищих рыцарей Христовых” говорил.

— Ленке ни в коем случае про болезнь не говорите, если что, скажите, что на конференцию в другой город уехал. А курево привезли? — разбирая привезенные продукты, поинтересовался отпрыск.

— Привезли, по талонам выкупили в магазине, восемь пачек “Кометы”, отец длиннющую очередь выстоял.

— А почитать что-нибудь? — успокоившись от положительного ответа, спросил Андрей.

— Ой, забыли. Что тебе принести? Может, детективы?

— Нет, привезите книжки Мориса Дрюона.

— Хорошо, только не потеряй их здесь.

— А когда вы в следующий раз приедете?

— Тут все по расписанию, приехать можно только два раза в неделю, в четверг и воскресенье. Так что через четыре дня.

— Все, свидание закончено, — грозно сказала Людмила Михайловна.

— Но можно еще немножко поговорить? — попросил Андрей.

— Нет, сказано нет, значит, нет. Свои порядки дома у себя устанавливай.

Андрей с набитыми продуктами карманами нехотя отправился в палату.

20

— Угости чем-нибудь, угости! — послышались со всех сторон возгласы обитателей дурхаты, как только Андрей зашел обратно в

отделение. Новичка окружили человек пять или шесть, которые наперебой просили поделиться с ними:

— Ну, пожалуйста, хоть пряник или конфету! К нам приедут, мы тоже тебя угостим!

Андрей не выдержал напора попрошаек, которые буквально висели на нем, хватая его за рукава халата, и угостил сначала одного, потом другого. Вскоре больные просто стали бесцеремонно вырывать у неопытного новичка съестное прямо из рук, а Ухо залез даже в карман. К тому времени, когда Андрей дошел до Ильи, у новичка уже ничего не осталось.

— Ну, что, есть у тебя что-нибудь пожевать? — спросил, предвкушая трапезу, Карась.

— Илья, извини, у меня, кажется, с собой ничего не осталось…

— Раздал, что ли?

— Ага.

— Ну ты даешь! Я тебе и курево, и чифирь, а ты все свое каким-то петухам скормил.

— Так они на меня набросились, дай да дай!

— В следующий раз умнее будешь. Один раз тебя раздраконили, теперь не отстанут. Они ведь чувствуют, у кого слабый характер, кого можно грабануть, все растащат и спасибо не скажут.

— Илья, у меня же передачка еще есть, вечером поедим.

— А ты больше никому не обещал?

— Нет.

— Вот и лады. Че хоть тебе привезли?

— Ну, там конфет, яблок, печенья. В общем, двоим поесть хватит.

— На обед пойдешь? — продолжал разговор Карась. Сидевшие рядом Фикса и Сухарь навострили уши.

— Нет, ты что, я и так на свиданке объелся.

— Тогда скажи санитарке, чтобы твою порцию мне отдала.

Обед прошел как обычно, во время еды в отделении наступило время почти полной тишины. Пациенты, увлеченные поглощением обеда, разом все замолчали, и только стук ложек о тарелки свидетельствовал о том, что жизнь в отделении идет своим чередом. Закончив еду, больные по заведенной привычке выстроились в длинную очередь за лекарствами. Стоявшие в очередь Фикса и Сухарь вполголоса говорили:

— Этот Карась совсем оборзел, у новенького весь обед захапал, даже ни с кем не поделился, — заявил Вова.

— Точно, и чифирь только с этим Котом пил, — сказал неприязненным тоном Олег.

— Это Илья потому такой наглый, что с блатными знается. И этот, новенький, тоже хорош.

— Точно, только приехал, уже ему и чифирь, и сигареты! — с завистью сказал Фикса.

— И приехали к нему сразу, тут месяцами свиданки ждешь, а этот двух дней не успел пролежать, как к нему приехали.

Слышавший этот разговор Ухо подлил масла в огонь:

— Сегодня и вчера новенького к врачу вызывали. Неспроста это, наверняка этот Кот стукач!

— Может, побить его? — осенило Сухаря.

— За него Карась заступится и все блатные, потому как у Ильи с блатными все чики-чики, — отозвался Фикса.

— А мы замутим тему, что этот Андрей сдает нас всех медперсоналу, тут блатные и сами ему навешают, — продолжал интриговать Ухо.

— Вот ты и замути, — предложил Лене Сухарь.

— Меня блатные слушать не будут, лучше вы, — ответил Ухов.

— А если выяснится, что это не так, то мы огребем по полной, — засомневался Сухарь.

— Тебе-то, Ухо, терять нечего, потому как ты петух. А нам свои задницы беречь надо, — резюмировал Фикса.

Ничего не подозревавший о кознях, которые против него строила троица, Андрей тем временем, прикусив губу, терпел боль от поставленного ему укола. Кроме укола на этот раз ему полагалась маленькая таблетка. Как объяснил позже Карась, эта таблетка и есть вожделенный циклодол, официально применяемый при лечении душевнобольных наркотик. Минут через десять после его приема у новичка сильно захорошело в голове, краски стали ярче, все показалось таким легким и радужным, что Андрей даже удивился, что еще несколько минут назад он пребывал в страшной тоске. Новичок, чтобы не терять кайф, улегся на свою кровать и стал смотреть на лампочку, которая горела в палате день и ночь. На этот раз из света лампы вышло сразу несколько храмовников, конный отряд тамплиеров направлялся к Дамаску. Воины Христовы сошлись в неравной схватке с превосходившими силами сарацин. В воспаленном мозгу Котова прорисовывались все детали битвы, больной даже слышал удары мечей и вскрики раненых. Мондидье в этом ристалище поразил своим мужеством даже видавших виды крестоносцев.

21

Действие циклодола ослабло, и видение, которое было перед глазами Андрея, исчезло. Рядом на кровати сидел Карась,

который тайком от персонала играл в карты с Юмбой. Несмотря на то, что в колоде не хватало нескольких карт, парочка с азартом играла в подкидного на сигареты. Ушлый Карась уже выиграл у медлительного Юмбы десять штук. Впрочем, проиграй Юмба и сто, и двести сигарет, отдавать проигрыш Карасю он бы не стал по той простой причине, что своего курева у него никогда не было.

— Ну че, Кот, поиграть в карты не хочешь?

— Можно, только я бы лучше еще циклодола хапнул!

— Вот видишь, Андрюха, как быстро на эту беду подсаживаются!

— Да не, я не подсел, — заупрямился Котов, — просто мне так хорошо стало, может, это и не от циклы вовсе.

— От нее, родимой, от нее! В больнице циклодол, как и чай, — главная валюта. Если он у тебя есть, все остальное ты получишь!

— А как его достать?

— Ну, во-первых, тебе его давать будут. Чтобы давали больше, скажи врачу, что тебя сковывает, для правдивости изобрази, что нога или рука у тебя не сгибается.

— А что во-вторых?

— Во-вторых, договорись с кем-нибудь, только не с мастевым, чтобы таблетки тебе отдавали.

— А что взамен?

— Куревом или чаем рассчитывайся. Из передачки что-нибудь отдай. Как уж сам договоришься. А обычно такса такая — четыре сигареты за таблетку. А с некоторыми и на кашу можно договориться, вот с Юмбой, например.

Услышавший свое имя Юмба подал голос:

— Мне циклодола только две таблетки дают.

— А я тебе за них кашу за ужином и обедом отдаю, идет? — предложил Котов.

— Заметано, только у меня уговор с Фиксой был, я ему всю неделю циклодол отдавать должен.

— Чего это ты ему так много задолжал? — спросил Карась.

— Он мне сигаретку целую отдал.

— Ну, этот Фикса совсем оборзел! У Кота за просто так кашу забрал, а тут за какую-то сигу тебя без циклы оставил, — возмутился Илья. — Решим так: Кот отдает Фиксе сигарету, которую ты должен этому очконавту, а ты, Юмба, всю циклу отдаешь за хавку нам с Андреем.

— Идет! — ответил толстяк.

— Понял, Фикса? — обращаясь к обладателю очков на резинке, сказал Карась.

Очкарик, понявший, что его выгодной больничной коммерции пришел конец, жалобно затянул:

— Дайте хотя бы две, я ведь на эти колеса мог целую пачку курева выменять!

— Закрой свой пердильник! — прикрикнул Илья и, обратившись к Андрею, добавил: — Кот, отдай ему сигарету!

Котов, которому все эти больничные обмены были в диковинку, неуверенно протянул неудачливому коммерсанту сигарету. Фикса схватил добычу и спрятал ее в трусы.

— На ужин! — раздалось в коридоре.

У Юмбы начался праздник желудка. Прием двойной порции пшенной каши толстяк растянул на пятнадцать минут, пока шел ужин, и уже последним отнес две вылизанные шлемки на стол для грязной посуды. Тем временем Кот угощал Карася передачкой, которую ему привезли родители. Илья почти целиком съел курицу-гриль, причем кости тоже не пропадали, их вместе с хрящом разгрызал Ухо, не подпуская никого из своей компании к поеданию такого деликатеса. Попытки нахально растащить передачку Илья пресек на корню, дав пинка Таньке и Вальке и отогнав других претендентов на получение халявной хавки.

После приема скудной больничной пайки пациенты, покурив в сортире, рассредоточились по своим палатам. За больничным зарешеченным окном стало совсем темно, наступил тягучий вечер. Делать было нечего, при свете стоваттной лампы даже в карты играть было трудно. Илья начал рассуждать о жизни:

— Самое главное в жизни — не мешать жить другим. Ты не будешь мешать — тебе никто мешать не будет. Зарабатывай тихо себе на жизнь и не зарься на чужое.

— А как же, Илья, быть с тем, что сам ты на кражу пошел? Позарился?

— Ты, прямо как следак в ментовке, рассуждаешь. Тот тоже мне все на психику давил, обещал за чистосердечное признание срок скостить. А сам мне все втирал, что это у меня не первая кража, что если сознаюсь в других, то мне же лучше будет. Хотел на меня чужие дела повесить. И ведь если бы повесил, то куковать мне в этой дурхате до смерти.

— Но ведь кража-то была.

— Опять ты, как мент, рассуждаешь! — рассердился Карась. — Ты бы видел, что за квадрат была та квартира, которую я ошманал! Три телевизора, два музыкальных центра, все японское. А в холодильнике! Брат ты мой, икра черная, икра красная, балык лежит полметра длиною! И выпивка, какой я никогда не видал, виски, пиво баночное. Ну, я и попал, ведь три дня не жрамши и не

пимши! А тут еще голоса у меня начались, говорят, мол, это специально для тебя приготовлено, бабий голос такой, ну я и набросился на еду. Нажрался по горло, на радостях виски начал пить. А голоса говорят, пей, пока всю бутылку не выпьешь, не уходи. А виски-то в голову шарахнуло! Заснул я, а проснулся оттого, что кто-то мне в харю ботинком пнул. Открываю глаза — менты стоят и хозяин, у него рожа больше моей раза в два, живот из штанов вываливается, зубы все золотые. Он-то меня и пнул, так что кровь изо рта пошла. Будь я трезвым и встреться я с ним один на один, так я бы ему физию попортил бы. А так что, подниматься я стал, а он меня еще в живот ногою. Дыханье у меня сорвалось, я опять свалился. В общем, попинал он меня, а менты потом еще добавили.

— Да, за бутылку виски и хавку мотать срок обидно, — согласился Котов.

— Вот сейчас ты рассуждаешь как человек. Я больше тебе скажу, Кот, у меня, кроме пенсии, другого заработка нет. А ее задержали на три месяца. Попробуй проживи без денег хотя бы неделю! Да и что моя пенсия! Сам знаешь, что в магазинах, кроме соли и спичек, ничего нет. А с рук брать, так моего пособия хватит только на двадцать пачек “Примы”. А ведь надо еще жрать на что-то!

Расстроенный неприятными воспоминаниями Карась замолчал. За дверями палаты раздалось:

— На аминазин подходим, придурки!

Котов нехотя поднялся и, заранее представляя болезненный укол, весь съежился. Медсестра с засученными рукавами халата заученным движением делала инъекции, вводя в оголенные зады пациентов снотворное. Уже в палате Карась, продолжая начатый разговор, заметил:

— Вот точно, жадность губит людей побольше любой другой напасти! Вот не стал бы я тогда пить, а вынес бы из хаты магнитофоны и телевизоры, год бы безбедно жил, а так… Уж и не знаю, когда теперь на воле окажусь.

— А на черта она, эта воля! — прервал монолог Ухо. — Здесь хоть кормят, и крыша над головой, а на воле — с голоду умирать, что ли?

— Ты, масть позорная, молчи уж лучше, — рассердился Карась, — ты за хавку удавиться готов.

— У вас, наверное, в городе есть где жить, а мне вот, например, податься некуда, — подлил масла в огонь спора Чомба.

— А куда у тебя жилье-то делось?

— Да никуда, тетка моя взяла на себя опекунство надо мной и сразу в дурдом отправила, а в моей квартире, что от матери мне

досталась, живет сейчас ее дочь. И уж точно я там никому не нужен.

— Ну, у тебя другое дело, а у этого Ухова наверняка дом есть, — смягчился Илья.

— Нет у меня жилья, — ударился в слезы Леня. — Детдомовский я, всю жизнь по казенным домам, ни отца ни матери не видел!

— Че расчувствовался-то? Ты петухом-то стал что, потому что в детдоме жил?

— У нас там был такой Слава Рябоконь, погоняло Ряба, он на два года старше был, заводил нас в туалет и там… Вот с этого и пошло.

— Ну, а сейчас-то почему от своей петушиной профессии не отказываешься?

— А что толку, все равно ведь все знают…

— Все правильно, — резюмировал Карась, — как говорится, береги честь смолоду!

Андрей не дослушал окончания разговора о жестокости судьбы обитателей дурхаты и заснул. Яркие цветные сны, которые снились Андрею, несмотря на свою нереальность, переживались больным так сильно, как если бы все происходило наяву. Свою роль здесь играл аминазин. Это снотворное обладало наркотическим эффектом и вызывало возникновение в голове у пациента красочных образов и картин. Котову казалось, что он лежа, связанный по рукам и ногам, едет в каком-то фургоне. Колеса телеги постоянно ударялись о камни, из чего связанный сделал вывод о том, что дорога, по которой двигается экипаж, явно плохо вымощена.

Рядом с юношей, у изголовья лежанки, сидел монах-цистерцианец в белом облачении и, перебирая четки, тихо молился.

— Ну, что, Роже, ты очнулся?

22

Юный француз, оглянувшись по сторонам, тихо попросил воды. После этого, явно не понимая, почему он связан попросил ослабить веревки. Только что с небывалой четкостью Роже видел себя в каком то помещении, окруженный какими то неопрятно одетыми, обросшими людьми. “Что это было? — думал он. — И почему я связан? В каком времени я нахожусь?”

— Развяжите меня! — попросил Роже.

— А вдруг ты опять будешь буянить? — спросил монах.

— А я что, буянил?

— А как же, чуть без воды и хлеба нас не оставил. Все говорил, что голос какой-то слышишь.

— А я ничего не помню…

— Ничего, через пару часов мы подъедем к крепости Крак, там тебе помогут, братья-иоанниты поднимают на ноги даже расслабленных!

Когда за последней телегой каравана поднялся подвесной мост и закрылись тяжелые, кованные железом ворота, Роллан подошел к фургону, где везли Роже. Рыцарь откинул занавеску и приказал цистерцианцу:

— Развяжи его!

Монах, с трудом распутывая узлы веревок, освободил юного безумца. Брат-рыцарь, смягчив как можно больше интонацию, обратился к Роже:

— Ну, вот, приехали, здесь тебе помогут!

Потирая затекшие руки, Роже спросил у брата-рыцаря:

— А когда же я попаду в Иерусалим?

— Подлечись немного. Я скоро поведу новый караван и возьму тебя с собой, это будет дней через десять.

— Обещаете?

— Обещаю. Если сам в живых буду. Здесь ведь так, сегодня жив, а завтра Богу душу отдашь!

Юношу отвели в большое серое здание, которое являлось богадельней.

Брат-госпитальер, опытный врач, поговорил юношей и пришел к выводу, что пациент время от времени бредит. Брат-сержант приготовил по рецепту врача темно-коричневую настойку и подал больному. Роже пить не хотел и себя больным не считал. Пришлось вливать юноше снадобье насильно. Через некоторое время после приема лекарства пилигриму стало очень хорошо и захотелось спать. Юношу проводили к его кровати. Рядом с новичком лежали страдавший падучей брат-рыцарь и византийский монах по имени Константин, у которого было кровотечение из внутренних органов.

Молодой француз проснулся через сутки. Караван, с которым он следовал, уже уехал. Роже сильно захотел есть. Брат-госпитальер, увидев, что юноша проснулся, спросил:

— Ну, что, легче стало?

— Все нормально, только голова кружится.

— Это от лекарства и истощения. Сейчас я принесу тебе поесть!

От принесенного на подносе ужина у больного потекли слюнки. Кусок баранины, приготовленный на огне и посыпанный пряностями, издавал дразнящие ароматы. Помолившись перед

едой, пилигрим впился зубами в сочный кусок мяса. Потом, вспомнив свой призыв к посту, сильно смутился.

— Ешь, ешь, — говорил госпитальер. — На больных пост не распространяется, твоя болезнь уже серьезное испытание, не требующее дополнительных ограничений.

Константинопольский монах, который, несмотря на свою болезнь, от скоромного отказался, заметил:

— Физическое страдание ничто, оно лечит душу. Не надо идти на поводу у собственной плоти!

Страдавший от падучей брат-рыцарь Луи заметил:

— Тысячи не соблюдают пост, и ничего!

— Ты, брат-рыцарь, ведь монах, а говоришь такие вещи!

— Я лишь хочу сказать, что больному можно сделать послабление!

— Вы, братья-крестоносцы, постоянно нарушаете те обеты, которые вы обязаны соблюдать. Что говорит одна из заповедей? Не убий! А вы, сражаясь с неверными, постоянно проливаете кровь!

— Убить неверного — богоугодное дело! И что делать, если на твой дом напал грабитель? Позволить ему разорять твое жилище?

— Спаситель сказал: “Ударят по правой щеке, подставь левую!” У нас в Византии воинов, а не то что монахов, на пять лет отлучают от причастия, если они убьют в бою хоть одного турка!

— И кто вас будет тогда защищать от сарацинов?

— На все воля Всевышнего! Дело монаха молиться, а не воевать. Нам даже запрещено защищаться мечом от разбойников!

— Это не воля Всевышнего, это ваше неумение защитить свою веру!

Спорщики уже забыли, что было причиной спора, и отчаянно продолжали, сыпля аргументами, взахлеб ругая друг друга.

— Далее, — говорил византиец, — братья-храмовники дают деньги в рост. Это противно христианскому учению.

— Божье — Богу, кесарю — кесарево. Если не считать деньги, то все рухнет, кроме того, лично для себя ни один рыцарь Храма не взял ни дуката! Деньги ордена принадлежат Богу!

— Но золото-то лежит в ваших замках!

— Брат-византиец! Не следует тебе осуждать других, ведь Христос сказал: “Не судите, да не судимы будете!” — вступился за крестоносца Роже и добавил: — Благодать Божья распространяется на каждого, кто верит в Святое Воскресение, любви Христовой хватит на всех!

— Мудрые не по годам слова говоришь, отрок, — одобрительно отозвался брат-рыцарь.

Польщенный похвалой бывалого воина Роже продолжал спор:

— Почему вы, восточные христиане, отрицаете то, что сама Дева Мария родилась в результате непорочного зачатия? Ведь очевидно, что Богомладенца Христа не могла родить простая земная женщина!

— Мы признаем только непорочное зачатие самого Христа, на это есть указание в Евангелии!

— А как же быть с устной традицией? — возмутился Луи. — Ведь не случайно десятки тысяч западных христиан думают так же, как я и Роже? Отрицать божественную природу появления самой Матери Божьей это фарисейство, слепое следование букве закона! — Рыцарю захотелось еще что-то сказать, но тут черты лица его исказились, руки стали загребать воздух, и несчастного начало трясти. К эпилептику подбежали несколько братьев-иоаннитов и схватили бьющегося за руки, одновременно вставив в рот больного обернутую тряпкой ложку.

Константин уже пожалел, что невольно стал причиной страданий крестоносца, и тихо молился на греческом языке. Роже тем временем обтирал пену с губ больного падучей, а также прикладывал мокрую тряпку к темени брата-рыцаря.

23

Карась, только что хохмивший над Уховым, валялся в проходе между кроватями и бился головой об пол.

— Это у него припадок, — закричал Чомба, — надо позвать врача!

Испуганный Андрей подбежал к двери и, барабаня в нее кулаками, звал на помощь санитара. Михеич, находившийся около палаты, неторопливо открыл дверь и недовольно проворчал:

— Что тут у вас?

— Человеку плохо! — заорал Андрей.

— Мне вот тоже, может быть, не очень хорошо, — съязвил санитар, — однако на уши никого не поднимаю! Сейчас придет медсестра, разберемся.

Больные сами подняли Илью на кровать. Светлана Павловна, чья смена попала на сегодняшний день, вкатила Карасю укол, после чего больной постепенно успокоился.

Пришедший в себя через несколько минут Карась, которого санитар с помощью Ухова прочно привязал к кровати, спросил:

— Что со мною было?

— Да затрясло тебя, мы медсестру и вызвали! — ответил за всех Котов.

— Нет худа без добра, хоть релашку на халяву поставили, и то хорошо! — вымученно произнес Илья и продолжил: — Со мной

такое иногда бывает, трясет меня. Кроме шизухи, еще и эпилепсия. Падучая у меня началась после того, как меня нейролептиками лечить стали… Перед приступом так хорошо становится, а потом как замыкает в мозгу, и больше ничего не помню.

— Напугал ты меня, — сознался Андрей, — я еще ни разу в жизни эпилептического припадка не видел. Сначала мне показалось, что ты просто так это, а как на пол упал, думал: все, хана тебе пришла.

— Ты, Кот, раньше времени меня не хорони, я всех в этой палате переживу! — попытался улыбнуться Илья.

— От психических болезней еще никто не умер, — ввязался в разговор Ухов, — это тебе не рак и не инсульт.

— О, какие ты слова-то знаешь, Ухо, даром что петух первостатейный, — отозвался Карась.

— Я еще не то знаю, — сказал польщенный гомосексуалист.

— А что, например?

— Знаю, из чего лекарства делаются, которыми нас лечат.

— Ну и из чего?

— Из голов крупного рогатого скота, коров то есть. Вытряхивают мозги из черепа и спиртом разводят, а потом нам под видом таблеток дают.

— Ты какую-то ахинею несешь, — заметил Карась, — если бы так было, то таблетки наши спиртом бы пахли, а они ничем не пахнут, и безвкусные еще в придачу.

— Ну, это я не знаю, а что так таблетки готовят, так мне это один санитар сказал, а он не врал никогда.

— Это ты по своей непроходимой тупости шутку от правды отличить не можешь.

— Всем спать, — приказал Михеич, — кто будет разговаривать, того сразу на вязки!

Неугомонные пациенты разбрелись по своим кроватям. Через пять минут храп нескольких глоток начал выводить незамысловатую мелодию, под аккомпанемент которой заснул и Андрей. Ночью ему впервые приснились не храмовники, а Лена. Во сне подруга Андрея ласкала Котова и, раздевшись, прижималась к своему избраннику. Когда ласки достигли кульминации, девушка встала и, скривив физиономию, громко сказала Котову:

— Ты шизик, от тебя не будет нормального потомства, я ухожу от тебя!

Андрей проснулся. Оглядевшись по сторонам в поисках Лены, Котов увидел лишь спящих соседей. Новичку отчаянно захотелось выйти из больницы и спросить у своей подруги, почему она так

жестоко отнеслась к нему. “Да что я так забеспокоился? Ведь это только сон. Да и даже если бы она решила бросить меня, на ней свет клином не сошелся, есть и другие девушки. А все-таки приедет она ко мне или нет?” Андрея охватило отчаяние. “А вдруг мне всю жизнь придется провести здесь, например, как Юмба. И никакой личной жизни. А ведь я еще так молод! Я так многого хочу, у меня вся жизнь впереди!”

Котов перевернулся на другой бок и постарался заснуть. Череда неясных, расплывчатых образов пронеслась в голове страдальца, и наконец наступил долгожданный сон.

24

Утром Котов проснулся оттого, что Фикса орал на всю палату на Ухова:

— Это ты стащил мою зажигалку!

— Не, ты че, Толя, б...ю буду! Это, наверное, Кот стащил, — переводил на Андрея стрелки Ухо.

— Кот, ты не брал зажигалку?

Андрей, еще не совсем понимая, о чем идет речь, произнес сонным голосом:

— Фикса, тебе что, делать нечего?

— А вот есть свидетели, что ты зажигалку мою ночью сп...л!

— И кто это такой умный? — возмутился Андрей.

— Ухов, подтверди! — брызгая слюной, орал Толя.

— Точно он! — просипел Ухо, обнаглевший от того, что его вечный враг Карась привязан к кровати, и продолжил: — Обыскать его надо! Выворачивай карманы, говори, куда зажигалку спрятал!

Андрей понял, что сложилась ситуация, когда сам виноватый в краже громче других кричит “держите вора!”.

Тем не менее подозреваемый вывернул все карманы.

— Ты кровать свою покажи! Наверняка под подушкой спрятал, — неистовствовал Фикса. После того как парочка обыскала всю кровать, недовольный Олег сказал:

— Ну, ты и крыса, Кот, сп...л зажигалку и так спрятал, что найти невозможно. Я объяву делаю, что Котов крыса!

— А вот за то, что ты, Кот, скрысил зажигалку, тебе знаешь, что по зоновским законам полагается? — строя из себя многоопытного зэка, поинтересовался Ухо.

— А вот пусть он за воровство отдаст тебе, Фикса, всю передачку. У тебя осталось что-нибудь от передачки?

Андрей, возмущенный клеветой, не выдержал и треснул мастевого по морде. Не ожидавший такого ответа Ухо упал на пол, при этом из него выпала та самая зажигалка, из-за которой чуть не пострадал новичок.

— Так это, Ухо, ты, оказывается, крыса! — вскричали обитатели наблюдательной палаты и толпой набросились на петуха. Интригану досталось по полной. Сидя после экзекуции на своей кровати и утирая разбитый возмущенными пациентами нос, Ухо высказал в адрес Андрея угрозы:

— Я все врачам расскажу, про других не скажу, а про тебя все расскажу, что ты мне нос разбил и что других на меня натравил! Пусть тебя на галоперидол посадят. И будешь ты в этой больнице до старости сидеть, а тебя все колоть будут!

— Ты мало получил, что ли? — спросил возмущенный Андрей, вставая со своей кровати, чтобы добавить наглому петуху.

— Михеич! — заорал во всю глотку Ухов.

— Что случилось? — открывая дверь палаты, спросил санитар.

— Тут этот, новенький, избил меня! Привяжите его, он мне нос разбил!

— Ты че, молодой, тут свои порядки устанавливаешь? — грозно спросил Андрея Михеич. — Руки, что ли, чешутся, так я тебя сейчас враз привяжу, будешь со своим другом Карасем сутки лежать, и никто тебя не отвяжет!

— Все правильно, дядя Слава, давай его привяжем! — радостно заголосил Ухо.

— Ложись на кровать, — скомандовал Котову санитар и обратился к Ухову: — Леня, неси вязки, сейчас прификсируем драчуна.

— Я сейчас! — радостно воскликнул мастевый и быстро принес длинные веревки, которыми обычно привязывают буйных больных. Андрей попытался сопротивляться, но здоровенный санитар вместе с подлым Ленькой привязали новичка за руки и за ноги да еще пропустили веревку под головой.

Завтраком Карася и Котова кормила старая медсестра, Полина Николаевна. Кормя Андрея, она все выговаривала ему:

— И что тебе спокойно не лежится, зачем драку затеял?

— Да это не я, это сам Ухов начал!

— А почему Михеич тебя привязал, а не его?

— Этот Котов мне в нос дал! — сообщил довольный Леня. — Хорошо, хоть Илья привязанным был, а то бы они вдвоем меня до смерти избили!

— Зачем, Андрей, дерешься? Мы ведь все врачам должны докладывать. Что прикажешь о тебе сказать?

Андрей, поняв, что все, что бы он ни сообщил, будет истолковано против него, замолчал. Полина Николаевна, накормив связанных, вышла из палаты.

— Ну, Кот, теперь я наконец-то могу с тобой разобраться! — воскликнул довольный Ухов. — Пока ты привязанный, я тебе всю физию разукрашу! — с этими словами подлый Ленька стал бить по лицу Андрея.

— Это тебе за разбитый нос, это тебе за то, что передачкой со мной не поделился, — зло ругаясь, наносил удары Ухов, — че, думаешь, с Карасем скентовался, так тебе и все можно?

— Я, когда с меня вязки снимут, тебе всю дыню расшибу, — сказал разъяренный Андрей. Это замечание стоило Котову еще нескольких ударов. Вскоре лицо новичка представляло из себя один сплошной синяк.

— Так-то вот, — сказал утомленный избиением связанного Ухов, — а будешь еще ко мне приставать, так я прямо врачу про тебя скажу, Игорь Николаевич тебе таких уколов назначит, что точно полным дураком будешь!

— Ну, все, Ухо, сегодня ночью ты получишь, — сказал наблюдавший за всем Карась.

— А ты-то что, Илья? Я ведь не тебе по морде надавал! — просипел Ухов.

— Я еще блатным скажу, а у них разговор короткий. Давно тебя в зад не трахали?

— Я мужик! — неуверенно вставил Леня.

— Ты такой же мужик, как я балерина! — ответил Карась. — Готовь свое очко, или ты в рот предпочитаешь?

— Пошел ты на х… — зло выругался Ухо. Интриган и сам понимал, что явно перегнул палку, но уж так ему хотелось оторваться хоть на ком-нибудь. Кто мог подумать, что за этого новенького будут мужики заступаться? Прикидывая неизбежную расправу со стороны больничных авторитетов, изгой еще больше возненавидел Котова.

Андрей тем временем постепенно забыл про недавний инцидент и остался наедине со своими мыслями. “Неужели вести себя нельзя по-человечески? Зачем в таких ужасных условиях еще ухудшать атмосферу? На кой черт Ухо обвинил меня в воровстве? Зачем ему это? Откуда у него такая ненависть?” Котов в своих размышлениях был немного наивен. Во всех казенных домах, в которых местные изгои провели большую часть своей жизни, отношения строились на постоянных интригах и беспримерной жестокости. Натерпевшись на своей шкуре, обиженные старались хотя бы на небольшое мгновение почувствовать себя на вершине социальной лестницы и попугать кого-нибудь. Такой стиль поведения на старых обитателях “крытки” не прошел бы. А вот отыграться на новеньких и хоть немного утешить свое уязвленное самолюбие — это было вполне возможно.

Вскоре Андрей поймал себя на мысли о своей подруге. “Что она сейчас делает? Будет ли ждать меня? Или, может, уже с кем-нибудь другим дружбу водит?”

25

Лена сидела в своем институте за бюро, на котором были аккуратно разложены такие скучные и малопонятные документы. В середине стола стояла фарфоровая вазочка. В нее девушка довольно часто ставила цветы, которые ей приносил Андрей. Ленка и раньше-то не очень жаловала свою работу, а теперь, когда в личной жизни произошла драма, и вовсе не хотела приниматься за нее. Автоматически, без всякого смысла девушка перебирала папки с бумагами, пытаясь восстановить душевное равновесие.

“Что произошло с Андреем? — думала Ленка, вспоминая последнее свидание влюбленных. — Молол какую-то чепуху про рыцарей, говорил, что может общаться с загробным миром. Что все это значило?” Либо он наркоман, либо у него крыша поехала. И то и другое исключало возможность достойной перспективы отношений.

“И почему он не звонит? Уже четыре дня прошло после последней встречи. Раньше по нескольку раз в день по телефону разговаривали, а тут полное молчание. Позвонить, что ли, самой? Для начала в академию, в которой он работает, а потом, если что, ему домой”.

Девушка набрала номер и стала ждать. Трубку взял один из сотрудников института, в котором работал Андрей.

— Нет, на работе его нет, — ответил он и пояснил: — Он на больничном.

— А что с ним случилось? — спросила Лена.

— Не знаем, нам позвонили его родственники и сказали, что у него что-то со здоровьем.

На этом разговор закончился.

“Позвоню ему домой, может, там мне объяснят, что случилось. Но уже точно ясно, что Котов заболел. Чем?” Разговор с родственниками Котова у Лены не сложился. Ей сказали, что Андрей в больнице, на вопрос, что произошло с ее возлюбленным, замолчали и через несколько минут паузы ответили, что у него воспаление легких. На вопрос, в какой именно лечебнице находится Котов, родители Андрея ей не ответили. “Точно, с Котовым случилось что-то нехорошее, — интуитивно понимала девушка, — но что именно? Почему мне не говорят, в какой больнице он лежит? Значит, что-то скрывают. Неужели и точно у него что-то с головой? Вдруг у него шизофрения какая-нибудь? Хорошо, что я девственность сохранила. Развелось сейчас

мужиков, которые на халяву с женщиной переспать готовы. За все надо платить. А с этим Котовым надо завязывать. Не хватало еще с инвалидом жизнь связывать".

— Привет, Ленок! — поздоровался с девушкой Паша, вертлявый мужичок из соседнего отдела, известный тем, что не пропускал ни одной юбки. — Как дела на личном фронте?

— Все нормально, — соврала девушка, — лучше не бывает!

— А на дачу ко мне не хочешь съездить?

— А что мы там будем делать?

— В баньке попаришься, музыку послушаем, пивка попьем! — отвечал Пашка, предлагая стандартный набор увеселений, которые от него слышали почти все женщины института возрастом до тридцати лет.

— А как же твоя жена?

— А зачем нам моя жена? Мы и вдвоем неплохо время проведем!

Лене очень хотелось и в баньку, и пивка попить, но, памятуя о своей концепции отношений между мужчиной и женщиной, она детским голоском пропела:

— Низя!

— Ну, низя, так низя, — ехидно ответил Паша и отошел к другой представительнице прекрасного пола.

26

— Ну что, стукач, петушина позорный, ты зачем на нормальных мужиков бочку катишь? — спросил Ухова Туз.

— Мужики, простите! Этот Кот — сам стукач! — плаксиво оправдывался Леня.

— За базар отвечаешь?

— Он к врачу ходит и все рассказывает, что в отделении происходит! — пустив слезу, оправдывался Ухо.

— Кто дырявому поверит! Ты сейчас все, что угодно, придумаешь. То, что ты мастер стрелки на других переводить, мы и раньше знали. А то, что обещал врачу на Кота настучать, так это вся палата слышала. Так что это ты, а не он, закладываешь нас. Теперь понятно, почему врач о всей движухе в отделении знает, — ощерив беззубый рот, сказал Туз.

— Точно, на прошлой неделе кто-то навел медперсонал на нашу дорогу, по которой водку проносили. Тогда Кота в больнице еще не было! — зло улыбаясь, просипел Касим.

— Валька, — обращаясь к другому больничному изгою, сказал Туз, — где твои женские трусы?

— В сердечко или в полосочку? — услужливо спросил мастевый.

— В сердечко! Отдай их Ухову, пусть наденет, чтобы сиянс

получился путевый.

Ухова заставили переодеться и приказали вилять задницей в такт, который отбивали ладонями пациенты.

— О, какую герлу нам в отделение приписали!

— Посмотрите, да он как всю жизнь стриптиз танцевал!

— Кот, ты когда-нибудь мастевого трахал? — спросил Туз.

— Нет.

— А попробовать хочешь? Он же против тебя дело мутил!

— Нет.

— Ну, все правильно, тебя через пару месяцев на волю отпустят, там с нормальной бабой дело поимеешь!

Андрей вышел из туалета, чтобы не быть свидетелем экзекуции. Зла на недалекого Ухова он уже не держал, а реалии тюремной больницы были такими, что волосы дыбом вставали. Вместе с Котовым из туалета вышел Илья. Андрея мутило.

— Илья, мне кажется, что зря Ухо так наказали.

— Это метод воспитания, порядки здесь такие. Ты пойми, люди здесь кто годами, кто десятилетиями живут, бабы нормальной не видят. Кроме того, надо же как-то наказывать стукачей!

— А если кто безвинно под подозрение попадет? Вот, например, если бы Ухову поверили, что я стукач?

— Кто же ему поверит?

— Ну, а если?

— Ты че, так спрашиваешь или за себя боишься?

— Если честно, то боюсь.

— Не бойся, нормального мужика сразу видно. Как только тебя в палату привели, я сразу понял, что ты пацан нормальный, поэтому тебе поддержку оказал.

— Зря все-таки так с Уховым.

— Да че ты так переживаешь, ему все это не в новость, он по жизни обиженный, один раз больше, один меньше, ему это все равно. А вот что сейчас себя будет вести тише воды, ниже травы — это как пить дать.

— Мужики, — обратился к Илье с Андреем Леша Печень, — мне тут чифирю заварили, — давайте попьем!

— Вот Леша — настоящий человек. Мог ведь в одного выпить, а он нам предложил. На этом в больнице отношения и строятся. Ты мне хорошее — я тебе хорошее, ты мне плохое — я тебе в два раза плохого больше сделаю. Понял, Кот?

— Понял, — обрадованный предвкушением распития чифиря, ответил Андрей.

Троица уселась на кровати Печеня и вприкуску с кусками рафинада молча выпила напиток жизни. Андрей, уже привыкший

к вкусу терпкой заварки и чувству легкой тошноты, возникающей после первых глотков, наслаждался тем, как возникает радостное ощущение полноты жизни и уходит депрессия. Предусмотрительный Карась вдобавок к чаю дал каждому из компании по паре таблеток циклодола. Где ушлый сиделец достал вожделенные таблетки, никто не знал. Но то, что у Карася постоянно водятся чай и “колеса”, было очевидно. Ударная доза циклодола развязала компании язык, и уже через пять минут счастливые чифиристы стояли в курилке и, смеясь, обсуждали произошедшую с Уховым неприятность. Леша, упредив расспросы Андрея о тамплиерах, спросил у Котова:

— Откуда у тебя такой интерес к храмовникам?

— Понимаешь, Леша, однажды ночью я посмотрел на лампочку уличного фонаря, и из нее ну натурально вышел рыцарь с восьмиконечным красным крестом на груди и щите, — отвечал Андрей. — Я и сейчас, особенно после циклодола, если напрягу зрачок и буду долго смотреть на лампу или даже на звезду, в конце концов увижу рыцаря, выходящего из потока света!

— А кто-нибудь другой, кроме рыцаря, к тебе приходит?

— Нет, только рыцарь. А когда я сплю, я вижу такие яркие цветные сны, и действующие лица в них — тамплиеры.

— Ну, то, что ты такие сны видишь, в этом нет ничего удивительного, тебе же на ночь аминазин колют.

— Да, а при чем здесь лекарство?

— А при том, что все, кому колют этот укол, такие сказочные сны видят, что даже просыпаться не хочется. Да в этом ничего такого нет, хоть какой-то кайф ловить от лекарств, и то хорош! — резюмировал Печень.

Андрей не стал спорить о том, что его видения лишь результат расстроенных нервов и действия лекарств. Он настолько искренне полагал, что визуальные образы — это реальность, что даже не стал спорить об этом.

27

Наступило время послеобеденного приема лекарств. Дошла очередь и до Котова. Напротив его фамилии в журнале назначений значилась инъекция галоперидола. Как всегда, в момент введения этого лекарства у Котова начало выворачивать суставы, кроме того, вдруг начались судороги. Андрей потерял сознание и рухнул на пол процедурки. Медсестра, которой не впервой приходилось откачивать больных от действия нейролептиков, быстро сунула под нос пациенту ватку, смоченную нашатырным спиртом. Резкий запах аммиака вернул сознание Котову, но тело продолжало бить судорогами.

— На, держи таблетку, положи под язык и рассасывай ее, —

подавая больному вожделенный циклодол, сказала Полина Николаевна.

Вскоре Андрей пришел в себя.

— Че ты такой нежный? — спрашивала медсестра пострадавшего. — Всего-то два кубика тебе ввела, а ты сразу на пол падать!

— А нельзя ли мне отменить это лекарство? — спросил оглушенный действием нейролептика Котов.

— Ишь чего придумал, галушка — это самое главное лекарство при твоей болезни! — отреагировала Полина Николаевна. — Хочешь отсюда побыстрей выйти?

— Конечно, хочу!

— Тогда терпи. Чем сильнее лекарство действует, тем быстрее дома окажешься.

— Дайте мне еще циклодола, — попросил Котов.

— Хватит тебе, еще привыкнешь. Вон сколько больных наркоманами стали, без циклы вообще не могут!

В отделении наступил тихий час. В голове Котова путались мысли. На автопилоте больной отвечал на замечания собратьев по несчастью. Недели на три сознание Андрея почти что отключилось. Лишь нехотя отзываясь на реплики Ильи и Леши Печеня, Котов игнорировал остальных обитателей палаты.

Карась сочувственно говорил:

— Вот, еще одного нормального пацана в овощ превратили!

Печень, обращаясь к зомбированному нейролептиками новичку, успокаивал:

— Это состояние у тебя пройдет сразу, как отменят галоперидол!

Андрею же было все равно, галоперидол так галоперидол. Лишь на боль, которую Котову доставляли болезненные инъекции, он ругался матом. Временами сознание оставляло Андрея, и он мешком падал на пол. Валяющегося на полу пациента никто не торопился поднимать, обитатели дома скорби и персонал просто перешагивали через Котова или обходили его. Когда дурнота проходила, Андрей сам, опираясь на руки, подползал к стене и уже потом с неимоверным трудом приводил себя в гвертикальное положение.

Карась как мог помогал своему приятелю, иногда делясь с ним циклодолом и чифирем. Эти допинги лишь на полчаса-час снимали заторможенность, а потом становилось еще хуже. Пустая голова, и мыслей ноль. Приезжавшие родственники уже так не радовали больного, но, спасибо им, привозили сигареты и хавку, которые в богадельне были на вес золота.

Но больше всего угнетало Андрея то, что к нему перестал

приходить рыцарь Храма и его сподвижники. Что же стало с Роже, Мондидье и другими крестоносцами?

28

Близился Новый год. Засыпанные снегом чуть не по самую крышу корпуса тюремной больницы издали напоминали медвежьи берлоги. Только пар, подымавшийся над приземистым корпусом, свидетельствовал о том, что здесь живут люди. Погода свирепствовала, тридцатиградусные морозы изводили людей своей лютостью и непрерывностью. Стекла в отделении все покрылись изморозью, замысловатые фигуры из кристаллов льда плохо пропускали свет скоротечного зимнего дня и не позволяли рассмотреть то, что происходило за пределами отделения. В помещение богадельни санитары принесли мохнатую, пушистую красавицу, верхушка которой достигала потолка. Запах мороза и хвои пьяняще действовал на пациентов. Олег Фикса даже оторвал маленькую веточку и стал жадно жевать. Свои действия он комментировал так:

— В иголках вся сила и есть! Витамины сплошные, даром, что ли, елка в лесу растет? И во рту приятно, как будто тюбик зубной пасты проглотил!

— Вечно ты, Фикса, в рот всякую дрянь тащишь! А потом с очка не слезаешь и слабительное просишь! — ругалась медсестра.

Команда из нескольких психбольных под руководством Светланы Павловны стала наряжать елку. Откуда-то были принесены мишура и скромные игрушки, изображающие зверюшек. Сашка-Копыто, один из постоянно прописанных в дурдоме пациентов, занимался самой квалифицированной работой: под наблюдением санитара больной ножницами вырезал бумажные снежинки. Вскоре вся елка была усыпана делом Сашкиных рук. Но Копытов разошелся не на шутку:

— Светлана Павловна! Дайте еще бумаги, я дверь в туалет тоже хочу снежинками украсить!

— Хватит, Сашка, и так бумаги полпачки извели.

— Так я и из газет могу вырезать, такой праздник раз в году бывает!

— Ну, хорошо, бери, только не газету с программой.

Ободренный согласием медсестры Копыто развернул “Правду” и начал методично вырезать что-то невообразимое, размером в развернутую газету. Обрезки бумаги так и летели на пол, и через десять минут в руках у Сашки был лист, изрезанный различными геометрическими фигурками. Свое творение Копыто прилепил лейкопластырем на туалетную дверь и с металлом в голосе сообщил всем, что тот, кто сорвет эту суперснежинку, получит в глаз лично от него.

Из-за предновогодней суеты время, которое в больнице тянулось как густой сироп, пошло быстрее. Даже совсем заколотые нейролептиками больные о чем-то судачили и строили планы. Ровно под тридцать первое декабря Андрея вызвал к себе Игорь Николаевич. Удовлетворенно заметив, что у пациента исчез лихорадочный блеск глаз и суетливость, молодой эскулап начал беседу.

— Видите ли вы сейчас храмовников? Или, может, вы по-прежнему слышите их голоса?

— К большому сожалению, нет, — огорченно выдохнув, ответил Котов.

Игорь Николаевич довольно потер руки.

— Как вы относитесь к тому, что с вами происходило? — продолжал спрашивать врач.

— Все, что я слышал и видел, было как на самом деле, так же точно, как я вижу и слышу вас! Я даже видел крепость крестоносцев с высоты птичьего полета. То, что мне казалось, так походило на правду!

— Ну, вот, вы встали на путь выздоровления. Теперь вы уже начинаете понимать, что ваши переживания были очень похожими на правду, но не были правдой, то есть были болезненными. Сегодня я отменю вам инъекции и уменьшу дозу лекарств, надеюсь, не за горами и домашний отпуск. Кроме того, я перевожу вас из наблюдательной палаты в обычную.

“Господи, неужели? Неужели меня отпустят домой? А я-то ведь всерьез думал, что я здесь навсегда! — радостно думал Котов. — Надо Карасю сказать, может, чего ему привезти из города надо!”

— Илья, мне уколы отменили и переводят в общую палату! — восторженно сообщил Карасю Андрей.

Илья, почесав затылок, заметил:

— Везет же вольняшкам, мало того что лечение всего два месяца длится, так и из наблюдаловки быстро выводят! Единственно, что плохо в других палатах, что холодно там. Вон Колька Филин специально из общей палаты попросился в этот гадюшник, так он замерзал там.

— Это еще не все! Игорь Николаевич обещал меня скоро в домашний отпуск отправить!

— Врешь! — недоверчиво сказал Илья.

— А что мне врать? За что купил, за то и продаю.

— Во дела! А я здесь уже второй год кукую. И никто меня в домашний отпуск не отправлял. Представляешь, какая несправедливость!

— Так ты же, Илья, на принудительном лечении, а Кот просто

больной, — отозвался Леша Печень. — Я вот тоже, хоть и лежу полгода, уже три раза дома был.

Илья минуты две помолчал, усваивая полученную информацию. Затем смекнув, что к чему, отозвал Котова подальше от лишних ушей для конфиденциального разговора. Зайдя в пустой туалет, Карась зашептал на ухо Андрею:

— Ты слышь, Кот, привези мне из города водки пару бутылок.

— А как я их пронесу в отделение? Меня же обыскивать будут.

— А это не твоя забота! Как привезешь, поставишь горилку в сугроб у входа, снежком так запороши, ну, чтобы не видно было.

— А что потом?

— А потом все просто. По утрам Вова, дворник из больных, выйдет на улицу снег чистить и пронесет водку в отделение, дворников здесь пока еще не обыскивают.

— А, понято.

— Это еще не все, — продолжал Карась.

— Еще чего-нибудь привезти?

— Нет. Ты к моей телке в городе зайди, напомни обо мне!

— А что мне ей сказать?

— Скажи, так, мол, и так, все у него нормально. Спроси, почему забыла обо мне. Вотри ей, чтобы обязательно приехала!

— А адрес у нее какой?

— Я тебе на бумажке напишу, но попоздней. А лучше запомни на слух. Улица Заводская, дом три, квартира пятьдесят пять. В третьем подъезде, на втором этаже. Запомнил?

— Нет, у меня от этих лекарств с памятью плохо стало, — с сожалением констатировал Котов.

— Тогда перед твоим отпуском я тебе на ладони напишу. А то бумажку-то и потерять недолго, да и в чужие руки, не дай Бог, попадет.

— Хорошо, Карась, только я думаю, давно тебя забыла твоя подружка!

Илья нахмурился и, выпустив струю дыма из носа, сказал:

— Не скажи! У нас с ней все было тики-тики. На Восьмое марта, на день рождения я ей цветы дарил. В Ялту вместе ездили.

— А она знает, что ты болеешь?

— Во-первых, я не болею. Во-вторых, у нас такая любовь была, что ты и не поверишь, такого она забыть не могла.

“Как же, как же, я вот тоже так считал, что если любовь — так это навсегда”, — подумал Андрей и сказал:

— Моя зазноба вот ко мне так и не приехала, а я здесь скоро как месяц пребываю.

— Что такое месяц? Тьфу!

— Не скажи, за месяц можно все узнать, где, как и так далее. Давно бы приехала, если бы хотела.

— Да что месяц! Я вот здесь второй год кукую, а надежду не теряю!

— А твоя-то хоть знает, что ты здесь? — спросил Андрей.

— Думаю, что нет. Иначе бы точно приехала. Так вот, ты Тамаре, зовут так мою подругу, и скажи, где я. И главное, чтобы она знала, как сюда добраться. А уж как узнает, что я здесь загораю, так, поверь, полные сумки таскать будет. Я ведь, когда выйду отсюда, жениться на ней думаю.

Андрей весьма скептически отнесся к словам Ильи, но огорчать своими сомнениями не стал, надежда — это то последнее, что остается у человека, находящегося на излечении в желтом доме. Докурив одну сигарету на двоих, приятели вышли из туалета.

В это время дежурные из больных, что поздоровее, накрывали стол. Обед был праздничным. Кроме незамысловатой больничной каши и полутора кусков хлеба каждому пациенту выдавали по яблоку. Месяцами не видевшие не то что яблока, а простой ириски больные возбужденно обсуждали произошедшее. Тут же возник вполне прозаичный вопрос: по какому курсу в больничном товарообмене можно обменять желтый, пахнущий летом плод, например, на циклодол. Принимая во внимание беспрецедентность такой торговой операции, пациенты даже организовали маленькое обсуждение. Сошлись на том, что яблоко меняется на четыре сигареты или на таблетку наркотика. Сашка Копыто, известный своей предприимчивостью и которому недавно сильно подфартило — мать привезла сорок пачек “Примы”, быстро стал обладателем двух килограммов ароматных яблок. Набив свою подушку фруктами, Копыто не отходил от тайника, охраняя свое добро от бесшабашных обитателей дома скорби.

Впервые с того момента, как Андрей очутился в дурдоме, ему не ставили уколы. Да и правду сказать, зад пациента превратился в сплошной синяк. Следами от инъекций были испещерены все ягодицы Котова. К моменту отмены от уколов больной почти не мог сидеть, а подниматься и спускаться на постель мог только с помощью рук, постепенно приподнимая или опуская свое тело с кровати. Когда наступало время приема пищи, Котов даже не присаживался, а ел стоя. Хуже всего было справлять нужду. Сжав зубы от боли, больной медленно садился на очко, иногда чуть не теряя сознание.

— Это все аминазин, — сочувственно говорил Леша Печень. — Больнее укола не придумаешь, разве что сульфазин. Особенно

когда в инфильтрат попадут тупой иглой, хуже пытки не придумаешь!

Теперь вместо уколов Котову всыпали в руки горсть разноцветных таблеток — те же лекарства, только не в уколах. Проглотить все пилюли разом было практически невозможно. В два-три приема больной все же выпивал положенные лекарства, процесс приема которых контролировал дежурный санитар.

— Главное, в первый раз все выпить, чтобы санитар ничего не заметил, — продолжал Печень. — А потом можно под язык и в туалете всю эту гадость, которую нам дают, выплюнуть, а циклодол или сибазон оставить! И не дай Бог, персонал заметит, что таблетки не пьешь, тогда сразу обратно на уколы переведут, в наблюдаловку бросят, да еще побьют в придачу.

— Леша, — памятуя об осведомленности Печеня в истории раннего средневековья, задал вопрос Андрей — а скажи, пожалуйста, почему крестоносцы ушли со Святой земли?

— Очень просто. Историческая наука говорит о нескольких причинах. Первая — это то, что военное превосходство было на стороне арабов. Вторая — это банкротство идеи о построении из Иерусалима города на холме, который бы освещал всех, кто осуществляет паломничество. Разноплеменные воины Христовы никак не могли обрести единство. Крестоносцам иногда проще было договориться с арабами, чем друг с другом. Очень многие, в том числе и твои любимые храмовники, переняли за годы пребывания на Святой земле много привычек от своих врагов, так что к концу пребывания в Палестине крестоносцы охотно водили дружбу с сарацинами. Многие из крестоносцев после падения Иерусалима не стали покидать места обетованные и породнились с арабами, приняв ислам.

— Не может быть! А данные обеты! — смутился Котов.

— Под влиянием мудрости Древнего Востока в мировоззрении вчерашних европейцев прошли большие изменения. Поиск нечто среднего между иудаизмом, исламом и христианством заставил воинов Христовых отказаться от некоторых догматов веры. Попытка создать религию, которая бы объединила все народы, привела лишь к ослаблению рыцарских орденов, за чем и последовала сдача Иерусалима неверным. Но тысячи и тысячи прибывавших из Европы христиан продолжали посещать святые места и после падения государств крестоносцев.

— Ты знаешь, Леша, ко мне перестали приходить рыцари, — расстроенно сообщил Андрей.

— Ну все, на поправку пошел! Галюны это у тебя были. У меня такое тоже было — казалось, люди могут общаться телепатически. А один гад, Копыто, до сих пор может влиять на

мои мысли!

— Это как?

— Просто. Сашка, наверное, сверхчеловек, вот он и пользуется своей силой. Заставляет меня повторять то, что он в своей голове думает, приказы мысленные отдает.

— Нет, — уже немножко разбираясь в проявлениях болезни, сказал Котов, — так быть не может!

— Да я и сам понимаю, что это невозможно, однако этот Копыто свинья редкостная, и у него, наверное, получается влиять на мою голову. Я уже его и по морде бил, и на словах ему объяснял, а он по-прежнему не отстает от меня.

“Да, не только я больной на голову, — думал Кот, — надо же, посмотришь на Печеня и никогда не подумаешь, что он тоже гоняет”.

29

После тихого часа в отделение принесли магнитофон, разбитую однокассетную “Весну”.

— Сейчас будут танцы! — объявил всем санитар и нажал клавишу “Пуск”.

Из единственного динамика кассетника донесся хрипловатый голос Высоцкого.

— Как под это танцевать? Вы нам что-нибудь из “Бони М” или “Аббы” поставьте.

— Не, оставьте этот музон, это же мой двойник, Высоцкий, поет, — обрадованно отозвался Печень.

Санитар повозился с кассетами и выбрал немецкую группу “Чингисхан”. Нехитрые ритмичные звуки диско-группы привели пациентов в радужное настроение.

— А бабы где? Какие без них танцы? — закапризничал Карась.

— Еще чего! Это больница режимная, никаких баб, танцуйте сами!

— Так сами годами, хоть бы на женское лицо взглянуть, к титьке бабьей прикоснуться! — парировал Туз.

Несмотря на отсутствие в отделении особей прекрасной половины, за исключением санитарки и медсестры, танцевать начали почти все ходячие пациенты. В центре образовавшегося круга, отчаянно виляя бедрами, скакали Валька, Танька и Ухо. Ресницы Таньки, как показалось Андрею, были даже подкрашены.

Туз с компанией распили бутылку невесть где взятой водки и теперь оживленно обсуждали танцевальные способности изгоев отделения.

— Ты посмотри, как Танька задом крутит!

— Ну, у него и сранчо!

— Нет, у него настоящее сранчеро!

Медсестры и санитары, не желая отставать от отмечающей праздник страны, заперлись в служебном отделении и пили медицинский спирт, разводя его водой.

Карась со свойственной ему пронырливостью сварганил чифирь, и теперь, расположившись на кровати Печеня, Леша, Андрей и Илья расписывали под чудный напиток “тысячу”. За месяц пребывания в дурдоме Андрей уже освоился с его реалиями и теперь, мелкими глотками попивая густую заварку, пришел к парадоксальному выводу, что человек может привыкнуть практически ко всему:

— Homo Sapiens такая скотинка, что к любым условиям приспособиться может, — говорил Кот. — Нельзя спокойно передвигаться по больнице? Мелочи, лежи себе на кровати, плюй в потолок. Все равно идти некуда. На улицу нельзя выйти? Тоже ерунда, все равно на улице мороз. От галоперидола плохо бывает? Шевелись, крутись, доставай циклодол и сибазон, вон сколько “колес” по рукам в отделении ходит.

Котов, вспоминая первые дни пребывания в “крытке”, только посмеивался, как наивно он все понимал.

— Правильно, Кот, говоришь, — согласился повеселевший от чифиря Карась. — Чем больше человеку дано, тем ему больше хочется. А может, этого “больше” и не надо. Вот сидят же люди в тюрьме десятилетиями, и ничего, живут. А в тюрьме, как и у нас, что человеку нужно? Пачку махры да кружку чифиря!

— Слушай, Илья, ты прав, много человеку не надо, — согласился Леша, — но в дурхате гораздо хуже, чем в тюрьме.

— Да все то же самое, — отозвался Карась, прошедший все жизненные университеты, в том числе и тюрьму.

— Ну, тогда скажи, почему нас на прогулку никогда не выводят?

— Че, в тепле плохо?

— Да просто погулять немного, свежим воздухом подышать. Тут ведь от одного туалета так воняет! Я, когда первый раз в домашний отпуск поехал, чуть на улице в обморок не упал, так у меня голова от свежего воздуха закружилась!

— Ну, посуди, Печень, сам. Если нас прогуливать, то надо одежду теплую, ватники, валенки, зима как-никак. А тут не то что валенок, простых тапочек и пижам не хватает. Второе — больница тюремная, охрану для нас надо нанимать, не дай Бог, сбежит кто. А где на все это деньги взять? Хорошо, хоть не милиция нас охраняет!

Допив чифирь, картежники сделали перерыв и пошли в курилку. Сигаретами угощал Андрей. В руках Котова была пачка

самых дорогих советских сигарет того времени — “Космос”. Этот элемент житейского комфорта сразу поднимал его обладателя на недосягаемую высоту в больничной иерархии. Это значило, что человека не забыли и привозят ему передачки, что было редкостью, на большинство обитателей “крытки” родственники просто плюнули. Поскольку сегодня был праздник, курили по полной сигарете и даже оставили покурить мастевым, пусть и у них будет радость.

Ожидавшие своей очереди опущенные получили по окурку, причем Ухов до конца сигарету не выкурил, затушил фильтр и оставил себе бумажную гильзу.

— Для чего она тебе? — спросил Кот.

— Как для чего? Теперь чинарик для меня мундштуком будет! Иногда ведь как получается, оставляют мне окурок, а он три миллиметра длиной, губы жжет. А я его в фильтр вставлю и нормально покурю. Кроме того, на гильзе написано “Космос”, пусть мне все завидуют!

— Бог ты мой, — только и удивлялся Андрей. — И почему ты, Ухо, такой непутевый, ни сигарет у тебя своих, ни циклодола, ни чая.

— У него в наличии только губы и желание, — зло вставил Карась, — да и нечего его жалеть, помнишь, как он против тебя воду мутил?

— Я вот тоже это вспоминаю и понять не могу, зачем ему это было нужно.

— А он всем новеньким на психику давит. Полгода назад тут больной был, Вася Штукин, так он этому больному втирал, что он, Ухов, — вор в законе. Вася этот поверил, все сигареты ему отдавал и хавку. А Ухов разошелся не на шутку, даже требовал, чтобы Штука у родственников попросил магнитофон, чтобы блатную музыку слушать. Кое-как Туз растолковал Ваське, кто есть Ухов на самом деле, но к тому времени Штука умудрился после Леньки покурить чинарик, и его поставили на положение, хорошо, что этот Штукин был “вольняшка” и вскоре из больницы съехал.

— Ленька, — обращаясь к Ухову, сказал Карась, — что делать будешь, когда выйдешь из больницы? Окурки по тротуарам собирать, что ли? Бутылки пустые подбирать?

— Я блатным буду!

— Не смеши, петух, какой из тебя блатной? С твоим-то прошлым! Это здесь на твой зад претенденты имеются, а на воле баб полно, так что ты там на фиг не будешь нужен.

— У меня среди знакомых авторитеты имеются, они за меня слово замолвят.

— Ухо, не трепись, твоему базару грош цена, — резюмировал Карась, — мало тебе попадало за твою тупость!

На ужине троица сидела вместе. Сидели за отдельным столом, который весь был заставлен деликатесами, которые были привезены Печеню и Котову. Понятное дело, Карася никто не навестил. К столу попытался пристроиться Фикса, но Илья грозно прикрикнул на попрошайку, и Олег, поняв, что может получить в глаз за свою назойливость, ушел несолоно хлебавши. Когда приятели ели полукопченую колбасу, они услышали из-под стола голос:

— Мужики, шкурки от колбасы не выбрасывайте, я их доем!

— Кто там? — страшно рассердился Карась, — кому в ухо давно не доставалось?

— Это я, — выбираясь из-под столешницы, ответил Сухоплюев.

— Чего тебе, Плевок, надо?

— Да я уже сказал, вот шкурки бы мне, да и селедка тут у вас лежит, вы, когда ее съедите, косточки и голову мне оставьте! А я вам зубок чеснока.

— На кой нам твой вонючий чеснок? — смягчившись, спросил Илья.

— А он от всего помогает, от простуды и от авитаминоза.

— Вот и ешь сам. Ишь какие еще слова знает! Авитаминоз!

— Так вы мне доесть за вами оставите?

— Ладно, — ответил за всех Карась. — Радуйся, сегодня праздник, все, что на столе останется, твое!

Сухоплюеву досталось гораздо больше, чем он ожидал. Полупустая банка с майонезом, которую Плевок облизал до блеска и спрятал в карман, обломки печенья, рыбьи кости, шкурка от колбасы и, к вящему восторгу сидельца, два пельменя, которые почему-то не доели ужинавшие.

После приема пищи все отделение стало смотреть телевизор, который для большей безопасности был заключен в металлический короб под потолком таким образом, что переключать каналы можно было только высокому человеку, вставшему на табурет. Впрочем, скакать по каналам в те времена смысла не было, поскольку транслировались только две станции. То, что нужно посмотреть, выбирали заранее, подчеркивая в газетной программе нужную передачу.

Сейчас по ящику показывали передачу “Новый год встречает вся страна”. Заученные тексты, озвучиваемые передовиками производства, перемежались с панорамными видами строек пятилетки; более всего поразил смотревших сюжет о какой-то сибирской электростанции, со стометровой высоты которой падал

огромный поток воды.

— Прямо Ниагарский водопад, — вставил Кирпич. Тему поддержали другие больные.

— Эх, хорошо бы в Штаты съездить! — сказал Копыто.

— А что тебе там делать? — спросил Славик.

— Подлечиться, денег подзаработать!

— Кому ты там нужен?

— А я бы дворником устроился, подметать-то я умею!

— Так там, наверное, все машинами делается, у них же цивилизация!

— Ну, газоны бы подстригать стал, собак чужих выгуливать нанялся.

— Это у нас в СССР безработицы нет, а в Штатах найти работу трудно.

— Все лучше, чем у нас по талонам раз в месяц колбасу покупать да курево из-под полы доставать!

— А я вот смотрел фильм ихний, “Полет над гнездом кукушки”, так представьте, они там, в дурдоме, “Мальборо” курят, а во дворе психбольницы площадка есть, психи на ней в баскетбол играют, и еще у них свой бассейн есть!

— Эх, посидеть бы в такой “дурке”!

— Это что еще за политические разговорчики, ушлепки! — полупьяным голосом пресек мечтания психов санитар Вова. — За такие беседы надо бы вас в наблюдательную запереть, чтобы заткнули свои пердильники. Да и что вы на СССР набросились? Страна вас кормит, поит, лечит, а от вас только говно!

— Да мы ничего, Вова, так только помечтали, нам другой страны, кроме СССР, не надо.

— То-то вот, а то залетите сюда по политической статье, как Гошка Пентагон.

— Это кто такой? — поинтересовался Андрей.

— Да в пятой палате лежит, — ответил Карась. — Его в дурку посадили за то, что он листовки антисоветские расклеивал. Уже восемь лет по больницам. Его и психом-то назвать сложно, рассуждает все по уму, всегда чистится, моется, бреется, аккуратно одет, только замкнутый, ни с кем не общается. Ему что-нибудь скажешь, захочешь, к примеру, с ним поговорить, а он только “да” или “нет” в ответ. Ему и таблеток дают всего ничего, полмиллиграмма трифтазина да на ночь таблетку релашки. Других бы на его месте давно выписали, а этого — нет, вот что значит с властью бороться.

Наступило время приема таблеток. Телевизор выключили, и больные стали выстраиваться в длиннющую очередь за таблетками, дыша в затылок друг другу. Больничный день, а

вернее вечер, а одновременно и год, тихо заканчивались. В то время когда больные пили лекарства, вся страна сидела за праздничными столами. Бутылки с шампанским были еще не раскупорены, на столе стояли пока не тронутые вилками салаты “оливье” и “мимоза”; не подаренные подарки дожидались своей очереди, весь мир встречал самый радостный и в то же время самый семейный праздник, — наступал Новый год.

30

Из-за двери ординаторской через щели в проеме падали лучи света. За одним из столов сидел, подложив руку под голову, человек в белом халате. На столе перед врачом стояла непочатая бутылка молдавского коньяка. “Для всех людей праздник, а я вот здесь кукую, выпало мне дежурство на Новый год, — немного сердился Игорь Николаевич, что именно он волею судеб делил этой ночью место пребывания с пациентами дурдома. — Надо было встать в позу, объяснить главврачу, что я не крайний, чтобы в Новый год дежурить”. Врач нервно перебирал пухлые папки, лежавшие рядом с бутылкой. В каждой папке — история болезни, судьба того или иного пациента. Папок было много, они были сложены в две неравные стопки. В одной стопке, которая была значительно больше, — это документы тех душевнобольных, которым было рекомендовано продолжение принудительного лечения. В другой стопке лежали дела тех, кого вскоре собирались выписывать. Игорь Николаевич специально собрал истории болезней, чтобы спокойно разобраться в положении дел в отделении. Кроме бумаг, бутылки коньяка и горевшей настольной лампы на столе стояла портативная пишущая машинка “Оптима”.

Молодой врач любил собирать в одном месте все необходимое для работы. Эскулап вставил в пишущую машинку закладку, состоявшую из нескольких листов бумаги и копирки. Таким образом, за каждый проход листа “Оптима” выдавала четыре экземпляра текста. Постепенно врач успокоился и перестал сердиться на главного. “В конце концов, за это дежурство я получу два отгула и отдохну по полной. На ночную дискотеку с Семеном сгоняем, в баню схожу, но не как все нормальные люди, тридцать первого декабря, а уже в наступившем году”. Игорь Николаевич еще не успел обзавестись семьей. Два полноценных романа, которые врач пережил, еще будучи студентом, и пара-тройка ни к чему не обязывающих связей не привели к созданию семьи, как тогда было принято говорить, “ячейки советского общества”. Эротические переживания, которые имел в своем жизненном багаже молодой врач, убедили Игоря Николаевича в собственной полной

гетеросексуальности и нормальной мужской силе без всяких патологий, которые будущие психиатры изучали на пятом курсе.

В настоящее время эскулап завел роман с молодой симпатичной учительницей начальных классов Таей, Анастасией. “О, Фрейд, Фрейд, старик, ты был полностью прав”, — размышлял о своем выборе подруги Игорь Николаевич. Тая была похожа на девочку из противоположного класса школы, в которой учился будущий врач, Анечку Одинцову. У Анюты тоже были большие, немного смеющиеся карие глаза, оттененные большими пушистыми ресницами. Так же, как и у первой любви Игоря Николаевича, у Таи были темные, естественно вьющиеся волосы и узкая талия. Игорь Николаевич понял, что неосознанно он искал именно ее, Анечку Одинцову. Тогда, в школьные годы, любовь юноши проявилась только в том, что Игорь каждый день поджидал Анечку у школьного крыльца, не смея подойти к своей избраннице. Провожать предмет своего обожания мальчик не решался, а самым смелым проявлением юношеских чувств было то, что однажды юный Ромео написал большими буквами на снегу: “Аня самая лучшая”.

Отношения с Таей еще только развивались и были подернуты дымкой романтического флера. Несколько свиданий и даже посещение дома возлюбленной были уже позади, телефон подруги теперь был выучен наизусть. Отношения были в той стадии, когда надо было сделать последний шаг, но делать его влюбленные по негласному взаимному решению не торопились. “Сегодня позвоню ей и объяснюсь, — думал молодой врач. –Да, да, наверное, я хочу, чтобы наши отношения были серьезными. Наверное, я все-таки влюблен”. Под влиянием влюбленности Игорь Николаевич в последнее время даже перестал сердиться на многие вещи, которые раньше раздражали его: что на работу надо вставать каждое утро в полседьмого, что в электричке, на которой нужно добираться до богадельни, стоял жуткий холод, что, несмотря на приличную зарплату, врач мало что может себе позволить.

“Итак, — потянувшись к первой папке из маленькой стопки, думал Игорь Николаевич, — Котов Андрей. Консервативное лечение нейролептиками дало хороший результат. Сегодня я ему отменил инъекции и снизил дозу. Можно, конечно, для закрепления эффекта попробовать инсулинотерапию”. Через несколько минут после чтения истории болезни врач поймал себя на мысли: “И что я все с этими дофаминовыми рецепторами и миллиграммами галоперидола? А где же все-таки собственно психотерапия? Чему нас учили? А то получается так: хуже стало пациенту — на десять миллиграмм нейролептика больше,

набедокурил пациент — то же самое. Мы лечим голову, а не душу! А где психотехники, где психоанализ, где, как говорится, то самое слово, которое лечит?”

Настроение у врача снова испортилось. Игорь Николаевич в силу своего возраста был максималист. Ему хотелось сделать свою работу как можно лучше, а богадельню превратить в лечебницу в настоящем смысле этого слова. “В больнице абсолютно неподходящая обстановка для лечения душевнобольных. Где это видано в других заведениях, чтобы в тесных палатах находилось по двадцать–тридцать человек? А питание? Да еще эти тюремные решетки на окнах и высоченный трехметровый забор”. Еще обо многом думал начинающий психиатр, но приходил к одному очень печальному выводу: “В нашей стране, где лечение и отбывание наказания смешиваются друг с другом, невозможно нормально поднимать психически больных людей на ноги. А психотерапевтические способы лечения так и останутся на бумаге. Когда на одного врача приходится до пятидесяти человек, о лечении словом говорить не приходится”.

Стрелки часов приближались к двенадцати. Пора открывать бутылку. Плохая это привычка пить одному, но встретить праздник без алкоголя еще хуже. Игорь Николаевич не очень жаловал спиртные напитки. Медицинский спирт, разведенный водой, опротивел еще в студенчестве; пива было не достать; шампанское эскулапу не нравилось, вот и остановил врач свой выбор на коньяке. Срезав скальпелем алюминиевую крышку, Игорь Николаевич налил четверть граненого стакана. Когда часы начали бой, молодой врач опрокинул в рот благоуханный напиток, в два глотка проглотил спиртное и, отложив в сторону бумаги, начал набирать номер Таи.

31

— Подъем, сволочи! — орал обозленный на всех и вся, еще не протрезвевший от ночного возлияния санитар. Почти что всю ночь Вова, уложив спать больных, даже не снимая белого халата, бражничал с Тузом и Касимом. Больничные авторитеты угощали санитара водкой, закусывая напиток прибалтийскими шпротами. Такой редкий в больнице деликатес Касим просто забрал у Кирпича, объяснив, что передачкой делиться надо, а вклад в общак — святое дело. Верхушка в иерархии душевнобольных просто обирала пациентов, но благодаря тому, что делилась добытым с младшим медицинским персоналом, имела определенные привилегии в дурхате. Например, Тузу разрешали варить чифирь чуть ли не в любое время суток; в бане, в которую обычных пациентов толпой водили раз в две недели, авторитеты, не торопясь, мылись каждое воскресенье. Напившихся главарей в

наблюдательную не запирали и нейролептиками не закалывали. В обмен на свои вольности авторитеты поддерживали в отделении порядок и наказывали вместе с санитарами проштрафившихся.

— Подъем, ушлепки! — орал Вова, колотя по металлической спинке кровати специальным ключом, с помощью которого открывались все больничные двери.

— Могли бы хоть в праздник дать выспаться! — пробасил Сухоплюев.

— Я тебе такой праздник устрою! Ишь расслабились, — визгливо орал санитар, после чего сдернул с кровати Сухаря одеяло, а потом и самого бунтовщика. Сухоплюев ударился головой об пол и заголосил: — Уя-уя! Уя-уя!

— Поори у меня еще, могу за неповиновение и на вязки прификсировать, ты меня знаешь!

— Не-а, не надо, — быстро вскакивая на ноги, просвистел Сухарь, — я уже встал, дядя Вова!

— Спать ночью будешь, — осклабившись, прокомментировал действия санитара Касим и уже с угрозой в голосе добавил: — А будешь с персоналом пререкаться, пистон получишь!

Завтрак и прием таблеток прошел как всегда, но, когда начался перекур, произошел маленький скандальчик. У Сашки Копытова исчезли все яблоки, который ушлый деляга поменял вчера на сигареты.

— Мужики, кто фруктики мои попер? Не может быть, чтобы концов было не найти! — плаксивым голосом говорил Копыто.

— А на кого думаешь? — спросил Касим

— Тут треть отделения под подозрение попасть может, сам знаешь, Касим, крыс у нас хватает, — вставил Карась.

— Фикса, — обратился авторитет к одному из больных, на которых могло пасть подозрение. — Твоих рук дело?

— Не-а, вы че, мужики, б...ю буду, не я!

— А может, знаешь кто?

— Так, наверное, Валька с Танькой, они на такое способны.

— Зови их сюда.

Сидевшие около мусорного ведра изгои поклялись, что в краже невиновны. Прошерстили всех, кого можно было заподозрить в краже, но следов вора так и не нашли. Неудавшийся коммерсант Сашка Копыто призывал на головы своих обидчиков все небесные кары.

— Мужики, меня же пайки лишили! Я ведь сигареты, которых мне бы на неделю могло хватить, за яблочки отдал!

— Впадлу воровать у своих, — вставил Карась, — ты, Копыто, последи еще за мастевыми, но, похоже, фрукты твои уже съедены!

Вскоре скандал тихо сошел на нет.

— Так, собираемся на работу! — объявила медсестра и начала читать список тех, кому врач разрешил работать за пределами отделения. Каждое утро список счастливчиков, которые были выбраны врачом для работы на улице, зачитывался медперсоналом перед строем больных. Попасть в выходную команду значило очень многое. Во-первых, это значило близкий конец лечения, так как выпускали на уличную работу только тех, у кого кризис уже миновал. Во-вторых, в рабочие попадали те больные, кто имел примерное поведение, пользовался доверием врачей и при случае не ударился бы в побег, а такое отношение со стороны эскулапов многого стоило. В-третьих, бригаде счастливчиков выдавали на каждый день по пачке “Беломора”, неслыханное богатство по больничным меркам. Таким образом, на каждого рабочего выходило по четыре-пять папирос. И кроме того, трудившимся больным за обедом дополнительно к скудной пайке добавлялось то вареное яйцо, то ложка творога. Но все это мелочи по сравнению с тем, что работа вне пределов зловонных палат — это уже было счастье, первый глоток воли, преддверие выхода из дурдома.

— Котов! — произнесла медсестра.

У Андрея полезли на лоб глаза, он переспросил:

— Что Котов?

— Что-что, на улицу идешь работать, вот что!

Все еще огорошенный Андрей переглянулся с Ильей.

— Во везет! А меня, сколько я ни просился на улицу, все равно не выпускают! — завистливо произнес Карась.

— Ничего, Илья, если тебе что с улицы пронести надо, я сделаю! — ответил обрадованный Кот.

— Тише ты, персонал услышит! — шикнул на счастливчика Карась.

32

На улице было еще темно. Трескучий мороз пробирался под телогрейки, которые были надеты прямо на больничные пижамы. Спереди и сзади на фуфайках было крупно написано: “ОТДЕЛЕНИЕ № 2”. Вместо шарфов шею украшали вафельные казенные полотенца. Осклизлые, затасканные ушанки служили головными уборами. Ноги больных были обуты в самые дешевые матерчатые ботики с прорезиненной подошвой, все как на подбор одного, сорок четвертого, размера. Чтобы обувь не болталась на ноге, Андрей, по совету Бороды, который был также отряжен на уличную работу, обернул ступни какими-то грязными тряпками, которые валялись в раздевалке.

Сделав несколько шагов по узенькой, протоптанной среди сугробов тропинке, Андрей чуть не упал в снег. Свежий морозный

воздух опьянил больного. Немного запыхавшись с непривычки, Андрей делал неуклюжие шаги в ботах, в которые очень быстро набился снег. Котов остановился и огляделся по сторонам. Позади остались приземистые здания больницы и высоченный забор, впереди маячил сосновый лес. Вековые деревья, как показалось пациенту, упирались вершинами прямо в небо.

— Ну, че встал, двигай батонами! — услышал Андрей окрик старшего в группе, алкаша Бори, который непонятно по какой причине оказался в тюремной больнице.

— Да иду я, иду! — виновато ответил Андрей.

Караван из пяти больных двинулся дальше. Колючий встречный ветер поднимал поземку, снег бил по щекам идущих. Казалось, на теле нет места, в которое бы не проник холод. Следы, которые оставались за больными, быстро исчезали под напором зимней стихии. Сама тропинка представляла собой лишь углубление между снежными сугробами. Оступавшиеся пациенты набирали полные ботинки снега.

Наконец группа остановилась у лесопилки. Запах свежераспиленной древесины щекотал ноздри подневольных. Задача больных была не из легких. Нужно было таскать напиленные доски от пилорамы, около которой они в беспорядке валялись, к большому ангару и складывать их в штабеля. Сначала Андрей по неопытности с азартом принялся за работу и стал быстро хватать доски, волоча их в одиночку по снегу.

— Остынь малеха! — осадил Котова старший. — От работы кони дохнут! Торопиться некуда, хоть ты весь день так будешь упираться, хоть в два раза тише. Нам никакого плана здесь не установлено. Главное, мы здесь присутствуем и немного работаем.

— Понято, — ответил Андрей, мускулы которого после почти месячного вынужденного безделья так и стремились к тяжелой физической работе. Бросив доску на снег, Котов присел. Сердце колотилось.

— Держи твои пять папирос, — протянул Котову “беломорины” Борька из выданной ему сестрой-хозяйкой пачки. Андрей взял горсть табачных изделий и аккуратно положил их во внутренний карман.

— Все, курим пока, — сказал старший.

К обеду больные перетаскали все доски, напиленные до праздника. Поскольку было первое число, новых никто не напилил.

— Если спросят в отделении насчет работы, говорите, что ее еще очень много. А мы после обеда опять пойдем на лесопилку и чифиречек у сторожа заварим, отдохнем, так сказать, культурно.

Че в отделении-то делать? Может, еще и в магазинчик заглянем. Деньги у кого есть?

— Не-а, откуда, — с сожалением ответил Андрей. Денег не было почти что ни у кого в больнице.

— У меня есть пятерка! — неожиданно заявил Борода. — Мне ее Касим дал, чтобы мы Тузу чая купили, а на сдачу разрешил печенья мне взять.

— Ну, это святое дело, сидельцам с воли чай пронести. Ты хоть никому, Стас, больше не сказал?

— Не, ты че, впадлу друзей закладывать!

— Тогда на обратном пути в магазин зайдем, да не все махом, я один зайду, а то на нас сразу внимание обратят. Да еще в больницу настучат, что больные разгуливают по поселку, вместо того, чтобы работать.

Так и поступили. Трое больных остановились у двери деревянной избы, над входом которой было написано: “Продукты”. Боря и Борода, который все-таки настоял на том, что он тоже зайдет в магазин, вошли по обледеневшему крылечку в помещение. Бедность торговой точки была видна по ассортименту товаров, стоявших на полках. Без талонов можно было купить лишь десятка два товаров. Если из этого списка исключить крупы и соль, а также рыбные консервы, то оказывалось, что купить покупатель мог только хлеб, спички и лавровый лист, расфасованный в бумажные пакетики.

— Чай есть? — спросил Борька.

— Что глаза-то продал, не видишь, что ли, что нет? — ответила продавщица, полная блондинка с крашеными волосами.

— А нам говорили, что есть.

— А говорят, что в Москве кур доят, — парировала принцесса прилавка.

— А может, это...

— Что?

— Ну, мы сверху рубль заплатим!

Пергидролевая дама поковыряла в зубах, выдержала паузу и полушепотом сказала:

— Грузинский, 100 грамм, три рубля, “индюшка” в гранулах — пять!

Борька, который был не силен в арифметике, начал медленно соображать. При любом раскладе получалось, что заварка стоила, как минимум, в пять раз дороже госцены. В ухо ему зашептал Борода:

— Борян, нас Касим подозревать будет, что мы на деньги его кинули, скажет, купили за восемьдесят копеек, а на остальное хавки себе купили.

— А если не купим, то мужиков без чифиря оставим!

— Ну, что, покупать будем? — прогремел голос продавщицы.

— Мы это, узнать только хотели, у нас пока денег нет, — ответил за себя и старшего Борода.

— Ну и нечего тогда в магазине делать! Поговорить, что ли, просто так решили? Топайте отсюда!

— Мы после обеда к вам зайдем, — извиняющимся тоном произнес Борька.

33

Что ни говори, а работа открывала для Андрея большие перспективы. Ко всем мелким и большим преимуществам добавилось то, что можно было просто-напросто попросить втихую у родственников деньги и отовариваться в поселковом магазине. Кормили рабочих в отдельном помещении, где никто не стоял над душой с просьбами дать доесть оставшееся в тарелке, и добавки давали, кто сколько съесть мог, да еще премблюдо, которое не доставалось простым обитателям богадельни. Сегодня каждому из “выходной” бригады полагалось по половинке плавленого сырка.

В это время в туалете шел содержательный разговор о покупке чая.

— Лучше “индюшку” бери, — говорил Касим Боряну, который собирался после обеда со своей бригадой снова идти на лесопилку.

— Понято, мы ведь че боялись покупать-то! Ведь на эти деньги не то что чая можно было купить, а пузырь “водяры” пол-литровый.

— А че, кера, что ли, в магазине была? — оживился Касим.

Виктор Смольников

Котов

Повесть

1

Над заснеженным мегаполисом стоял трескучий декабрьский мороз. Дым из выхлопных труб автомобилей и выдыхаемый людьми воздух быстро превращались в пар, который скрадывал истинные размеры предметов и расстояние между ними. Стекла машин и магазинные витрины были причудливо украшены ледяными узорами. Под ногами торопящихся в домашнее тепло прохожих хрустел грязный городской снег, который по старой

российской привычке никто даже не думал убирать. В безветренном зимнем воздухе поблескивали падающие с неба снежинки, отражая разноцветные лучи.

“Рафик” скорой помощи с красными полосами на боку, лихо маневрируя в хитросплетениях городских улиц, даже при выключенной мигалке ехал быстрее положенных для города 60 километров в час. Карета скорой помощи везла в стационар только что госпитализированного больного. Сквозь занавешенные зелеными шторками окна мелькали городские огни и скромные рекламные плакаты последних лет существования СССР. По ним пациент пытался определить маршрут.

Внутри подпрыгивающей на дорожных выбоинах машины находилось несколько человек. Впереди, рядом с водителем, сидел сухощавый, морщинистый фельдшер, что-то тихо говоривший двум санитарам, которые были одеты в серые фуфайки поверх белых, не первой свежести халатов:

— После праздников совсем замучаемся. Упьются все, и вызова пойдут один за другим.

— Иваныч, да лишь бы смена не попала на тридцать первое. В прошлом году в новогоднюю ночь шизика одного ловили, на центральной площади города раздетым ходил. Люди дома шампанское пьют, а мы за полудурком гоняемся! Хоть в этом году праздник дома встретить, — соглашался один из санитаров, ровесник фельдшера.

Иваныч достал из кармана пачку “Родопи”, те самые болгарские доисторические сигареты с длинным фильтром, которых сейчас и в продаже нет. “Неплохо эти деятели живут, вон какая у них куреха”, — подумал стреноженный больной. Фельдшер закурил. Сизые клубы дыма поплыли по машине. Пациент нервно задвигал ноздрями; после того, как не куришь полсуток, любой табачный запах воспринимается как амброзия. “Хоть бы пару затяжек, — сто рублей бы дал за полсигареты”, — думал госпитализируемый.

Больной взглянул в щелку между шторками и отметил, что “рафик” подъезжает к одной из городских окраин. “Куда меня везут? Меня хотят убить, это точно”, — лихорадочно думал пассажир, дрожа всем телом. Опасаясь расправы, он пододвинулся к двери, планируя выпрыгнуть, если что, из машины. Бдительные санитары заметили движение больного, и один из них, цыкнув, грозно сказал:

— Сиди, где сидишь!

Вскоре перестали мелькать городские огни, стало темно, и только фары дальнего света встречных машин вырывали из темноты очертания сосен, которые стояли справа и слева от

шоссе.

“Что эти трое хотят со мной сделать?” — продолжал беспокойно думать пациент, молодой человек двадцати трех лет, руки и ноги которого были крепко связаны простынями. Конечности, туго перетянутые и не имевшие притока крови, сильно мерзли и почти онемели.

— Вот взять хотя бы этого, — со знанием дела рассуждал о госпитализируемом фельдшер. — Наверняка ведь либо перепил, хотя на белую горячку не похоже, либо анаши обкурился.

— А кто вызвал бригаду?

— Соседи, кто же еще. Говорят, пришел к ним в квартиру, одетый в простыню, а на груди крест какой-то красный нацепил. А когда над ним засмеялись, в драку полез.

— А родных-то у него что, нет, что ли?

— Да наверняка есть, не один же он в трехкомнатной живет. Мы на столе записку оставили с телефонным номером больницы. Придут, позвонят. Да и соседи скажут, что психбригада приезжала. Тогда без всякой записки ясно будет, где их отпрыска искать.

— Где твои родные? — обращаясь к больному, спросил один из санитаров.

Пациент, пригнув голову, молчал.

— Че, анаши обкурился? Или, может, барбитуратов обожрался? — обращаясь к нему, спросил фельдшер.

“Ничего я им не скажу, сейчас что ни скажи, только хуже будет, — думал стреноженный больной. — Да и не поймут они ничего; вот соседям пытался объяснить, что я рыцарь Храма, а они меня избили, да еще этих вызвали. Наверное, меня везут в тюрьму, все больницы уже проехали. Но за что? За то, что я соседу по морде заехал?”

— Че молчишь? — снова спросил санитар пациента. — Ну, ничего, в больнице разговоришься. Может, он просто ширанулся?

— Нет, — тоном знатока сказал фельдшер. — Наверное, транквилизаторов объелся, вены у него нормальные.

“За наркомана меня принимают, какие это врачи? Но куда меня все-таки везут?” — думал несчастный. В этот момент машина догнала какой-то грузовик. Пациент взглянул на красные стоп-сигналы впереди едущего транспортного средства и стал привычным для себя образом, напрягая и расслабляя зрачок глаза, медитировать. Вскоре из потока света прорисовались знакомые контуры рыцаря-тамплиера, скачущего на мощном коне. Восьмиконечный красный крест на груди, меч и копье в руках. Вечно скачущий к небесному Иерусалиму паломник сказал больному: “Не бойся, я с тобой”.

Больной сразу расслабился. “Небесное братство не бросило меня, теперь я спокоен”, — подумал он.

2

“Рафик” притормозил у деревянных ворот, посигналил, постоял несколько минут, после чего ворота медленно отворились, и машина, переваливаясь с боку на бок, въехала в огороженный высоченным забором двор. Где-то вдалеке брехала собака.

— Выходи, — подхватывая за руки больного, сказали санитары.

Больной заупрямился, пытаясь своими телодвижениями затруднить работу медперсонала. Получив пару ударов в солнечное сплетение, пациент обмяк, и санитары потащили его к длинному приземистому одноэтажному дому с мощными металлическими решетками на всех окнах. Над входом висела вывеска “Отделение № 2”. Пациента провели по длинному коридору в довольно большой кабинет. Вскоре в помещение, аккуратно закрыв за собою дверь, вошел молодой, интеллигентного вида светло-русый мужчина с большими очками в металлической оправе на длинном носу.

— Что у него? — спросил вошедший.

— Вот, здесь все написано, предположительно наркотическое опьянение. Пришел к соседям, обмотавшись простынями, что-то начал требовать, потом драку устроил, все про каких-то тамплиеров говорил, сказал, что он знает какого-то Гогу Болдина и что он ему пожалуется.

— Это что, криминальный авторитет, что ли? — спросил врач.

— Не Болдина, а Болдуина, и не Гогу, а Гуго де Пейена, — вмешался оскорбленный пациент.

— А кто это такие? — сильно смягчив интонацию, спросил врач.

— Болдуин — король Иерусалимского королевства, а Гуго де Пейен — основатель и первый гроссмейстер ордена Рыцарей Храма, — многозначительно сказал вновь прибывший.

— Во как! — с трудом сдерживая улыбку, ухмыльнулся Иваныч.

— А где вы с этими уважаемыми людьми познакомились и кем они вам приходятся?

Пациент сильно смутился, потому как и сам не знал, кем именно приходятся ему жившие девятьсот лет назад легендарный борец за освобождение Гроба Господня и первый командор ордена тамплиеров, а также как можно водить дружбу с покойниками. Одно пациент знал точно — что души обоих исторических

персонажей живы и он может с ними общаться.

Заметив замешательство вновь прибывшего, врач быстро сменил тему:

— Давайте знакомиться, — мягко предложил он.

— Меня зовут Андрей — ответил пациент.

— Вот и хорошо, а меня Игорь Николаевич. Давайте измерим вам давление и взвесимся.

Пока Андрей проходил все необходимые процедуры, врач быстро писал в истории болезни: “Давление в норме, пациент сильно истощен, на правом предплечье и на скуле кровоподтеки, бригаду “скорой” вызвали соседи, сверхценная идея о рыцарях-тамплиерах…”

— В психиатрической больнице лежали когда-нибудь?

— Нет! — возмутился пациент.

— А родственники?

— Нет! А я что, в психиатрической больнице?

— Как бы вам сказать, в общем — да, но если вам наша больница не понадобится, мы вас сразу выпишем, — попытался успокоить больного Игорь Николаевич.

— Отпустите меня домой, я ни в чем не виноват, — чуть не плача попросил пациент.

— А вас никто ни в чем и не обвиняет. Давайте переночуйте у нас, а наш разговор отложим до завтра, — заканчивая беседу, сказал врач.

Через несколько минут за больным пришел здоровенный санитар и спросил у Игоря Николаевича:

— Куда его?

— В наблюдательную.

— Там все койки заняты.

— Переведите кого-нибудь, кто поспокойнее, в другую палату, а на его место поместите этого.

— Ну, пошли, — обращаясь к дрожащему всем телом пациенту, гаркнул санитар.

— У меня руки и ноги связаны, я не могу идти, — сказал пациент.

— Развяжите его, — распорядился врач, — но только к вам, Андрей, просьба: ведите себя спокойно, иначе вас снова могут связать.

3

Больного повели по полутемному извилистому коридору, стены которого были покрашены грязно-зеленой, местами облупившейся краской. Когда санитар специальным ключом открыл дверь в отделение, в нос Андрею ударил специфический запах. Спертый воздух, характерный для места, где обитает много

немытых людей, дополнялся запахом общественного туалета и дымом дешевых сигарет. Андрей, озираясь по сторонам, увидел странных, одинаково одетых людей. Больные с осунувшимися лицами были одеты в полосатые пижамы и, как показалось новичку, абсолютно бесцельно двигались в жуткой тесноте. Их нечесаные волосы и обросшие физиономии, а также поведение сильно напугали новичка.

“Неужели я буду таким же? — скорбно подумал Андрей. — Наверное, меня оставят здесь на всю жизнь. Но за что? За то, что я могу общаться с душами покойных рыцарей?”

Пациента привели в палату, которая, в отличие от других, имела еще одну дверь, возле которой постоянно дежурил санитар.

— Миша, — обращаясь к сидящему около палаты санитару, сказал конвоировавший новичка, — вот тебе новый кадр, привязывать пока не надо, но если что, не стесняйся, за четыре точки прификсируй!

— Вот твое место, здесь будешь обитать, — сказал Андрею Миша, показывая на свободную кровать, и захлопнул дверь наблюдательной палаты.

Андрей осмотрелся по сторонам. В помещении, которое освещалось тусклой лампочкой, находилось около пятнадцати человек. Некоторые лежали на кроватях, кое-кто был к ним привязан. Двое больных мерили шагами то небольшое пространство, которое было между двумя рядами коек. При этом обитатели даже не обратили внимания на вновь прибывшего.

“Меня хотят превратить в идиота или даже убить, — лихорадочно думал Андрей, — вот лекарствами какими-нибудь накачают, а потом заявят, что я — псих. Нужно срочно бежать отсюда!” Пациент подошел к маленькому, без форточки, подслеповатому окну, за решетками которого виднелись снежные сугробы и высоченный забор. “Разве это больница? Это же тюрьма! — ощупывая толстенные прутья на окнах, думал Андрей. — Что же я такого совершил? За что меня сюда? Если это тюрьма, то ведь сначала должен быть суд!”

— Тебя как звать, пацан? — вздрогнув от звука человеческого голоса, услышал Андрей и оглянулся. На кровати приподнялся небритый мужик лет сорока, с хитроватым выражением лица.

— Меня — Андрюха.

— А меня — Илья, погоняло Карась.

— А что такое погоняло?

— Ну, кличка, значит. А у тебя какая кликуха?

— Не знаю.

— Но фамилия-то у тебя есть? — ухмыльнулся Карась.

— Котов, — неуверенно ответил новичок.

— Вот, будешь Котом, значит.

— Ну ладно, я не против.

— За что тебя сюда? Что натворил-то?

— Да соседу по морде надавал.

— За это тебя бы в КПЗ посадили, а ты в психушке. Значит, что-то с головой у тебя. Ну да ладно, мне все равно. Здесь надо осторожно, ты же, я вижу, в первый раз здесь?

— Да.

— Тут надо знать, с кем и как общаться.

— Но нормальные-то здесь есть?

— Если честно, то мало. Уж в этой палате их точно нет. Либо больные на всю голову, либо петухи.

— А что за петухи такие?

— Ну ты даешь! Тебе сколько лет-то?

— Двадцать два.

— И что, не знаешь, кто такие петухи?

— Нет.

— Ну дырявые, значит, проткнутые, те, кого в зад имеют, либо кому в рот выдают.

— А зачем?

— Ну, это я точно не скажу. Кто-то по статье нехорошей попал, и опустили его, кто-то, может, скрысил что-то и наказан таким образом, а кому-то это просто нравится.

— А как определить, опущенный или нет?

— А ты в курилке все увидишь, петухи, они вместе держатся, окурки из помойного ведра таскают, после всех докуривают. Ты, главное, после них не кури и не пей, а то на неприятности нарвешься.

— На какие?

— Ну, в двух словах, это почти что самому стать петухом. После тебя курить никто не будет, чай с тобой пить никто не будет, хуже не придумаешь, полы в туалете заставят мыть. Вот Саня Бык, покурил после петуха и чаю после опущенного попил, теперь блатным трусы стирает.

От такого количества полученной информации у новичка голова пошла кругом. Жизненный опыт, полученный Андреем, был далек от знания тюремных законов. Ни в престижной школе, ни в вузе, ни в аспирантуре, вступительные экзамены в которую только что он сдал, ему не приходилось сталкиваться с жизнью по тюремным понятиям. Новичку вдруг опять сделалось страшно. Как же так, если это больница, то почему контингент тюремный, почему на окнах решетки? Возникла ужасная мысль, а может, он, Андрей, какому-то важному человеку перешел дорожку и его без

всякого суда и следствия запихнули в это странное место? Мысль металась в поисках ответа на вопрос: “Почему я здесь?” — и не оставляла вновь прибывшего.

Успокоился Андрей, только вспомнив о том, что обещавший ему защиту рыцарь-тамплиер не оставит его. Новичок прилег на кровать, привычным способом начал, прищурившись, долго смотреть на едва светящуюся лампочку. Наконец из луча, вышедшего из лампы, показалось мужественное лицо рыцаря, затем показался конь, несший седока по просторам вселенной. Рыцарь дружеским жестом пригласил Андрея сесть к нему в седло, но больной отрицательно покрутил головой, после чего рыцарь скрылся в луче падающего света.

4

Внезапно во всем отделении замигали, а потом и вовсе погасли все лампы. Окутавший Андрея мрак парализовал волю новичка, от страха больному хотелось закричать. Он взглянул в окно. В прозрачном декабрьском воздухе дрожали звезды. Яркая полная луна низко висела над землей, посылая на больницу света достаточно для того, чтобы различить сугробы снега и черный забор. Где-то вдалеке лаяли собаки. Андрей попытался заснуть, но не мог. “Ведь никто из моих родственников и знакомых не знает, где я, — думал пациент. — Как меня сейчас они найдут? Кто объяснит этим костоломам в белых халатах, что я абсолютно нормален? И как же аспирантура, ведь мне надо завтра идти в институт, у меня важный эксперимент. Все удивятся, что я не пришел на работу. Не дай Бог, отчислят!”

В это время в дверном проеме появились две фигуры, лица которых было трудно различить. Один, санитар, держал в руках свечу. Второй, медбрат, нес шприц.

— Что ему назначили?

— Два куба аминазина, пусть выспится.

Они подошли к кровати Андрея. В голове больного пронеслось: “Что такое аминазин? Они хотят убить меня, в шприце наверняка яд. Господи, а я так хочу жить, мне рано умирать. Мне надо было согласиться с рыцарем и уехать отсюда!”

— Не убивайте меня, я ни в чем не виноват! — заплакал Андрей. Но санитар привычными движениями перевернул больного на живот, а медбрат тем временем поставил укол в ягодицу и насмешливо сказал: “Живи пока!”

Первое время после инъекции Андрей с бьющимся сердцем ожидал наступления смерти. Но вместо этого по телу растеклась волна спокойствия и умиротворения. Измученный трехсуточной бессонницей организм пациента впервые почувствовал, что пора бы и поспать. Сладко зевнув, новичок положил руку под голову и

заснул. Во сне к Андрею опять пришел рыцарь и сказал: “Если ты вытерпишь это испытание, мы посвятим тебя в рыцари, и ты поселишься в Тампле”.

Во всем отделении установилась тишина. Были слышны даже ходики, висевшие в дальнем конце отделения. Иногда кто-нибудь всхрапывал или разражался бредовой тирадой. В комнате медсестер персонал мужского пола отчаянно резался в “тысячу”.

5

Наутро отчаянно болело все тело, было слышно, как пульсирует кровь в голове. Андрей попытался встать с кровати, но ноги и руки плохо подчинялись своему хозяину. Наконец, встав с лежанки, новичок огляделся по сторонам. Впервые почувствовав на себе действие психотропных лекарств, Андрей подумал, что то, что он выжил после ночной инъекции, уже хорошо.

Несмотря на то, что было уже около девяти часов утра, за окном было так же темно, как вчера. Стоваттная лампочка, единственный источник света, была подвешена так, что достать ее, даже встав на кровать, было невозможно. Неяркий подрагивающий свет от заключенного в коробку из металлической проволоки светильника выхватывал из полумрака около дюжины металлических кроватей и столько же пациентов в мятых и грязных полосатых пижамах.

Почти все в палате уже проснулись. Вчерашний знакомый, Карась, поприветствовал Андрея:

— Ну, что, поздравляю! Как прошла твоя первая ночь в дурке?

— Так-сяк. Илья, скажи мне, где мы находимся?

— Как где, в крытке, где же еще?

— А что такое крытка?

— Ну, дурхата, тюремная психбольница!

— Как так! — прокричал новичок.

— Тихо ты, не ори, — приказал Андрею Карась.

— Так ведь, чтобы сюда попасть, надо что-то совершить! — не унимался новичок.

— Я тебя вчера и спрашивал, что тебе предъявляют.

— Подрался я.

— За это сюда не отправляют. Вот у меня, например, статья за кражу со взломом. Судили, но, поскольку я был в невменяемом состоянии в момент преступления, тюрьму заменили принудительным лечением. Да может, ты скрываешь и за тобой что-нибудь нехорошее есть?

— Да ничего за мной нет, ошибка какая-то вышла, честное слово, — растерянно произнес Андрей.

— Ну, смотри, здесь все равно все становится известным.

Новичок еще раз осмотрелся по сторонам. Стены с обсыпавшейся местами до дранки штукатуркой были выкрашены в грязно-синий цвет. Низкий, давно не беленный потолок нависал над металлическими, тоже облупленными, кроватями. На некоторых кроватях не было ни наволочек, ни простыней. Темно-зеленые одеяла лежали прямо на порыжевших от многократного ночного недержания пациентов матрасах. Новичку отчаянно захотелось вернуться домой.

— Карась, а как мне из этой больницы выйти-то?

— Из этой больницы, чтобы ты знал, все хотят выйти. Но беда в том, что из нее не выходят, из нее выписывают! Да и то, как правило, только по решению суда. Есть деятели, которые третий десяток здесь находятся!

— А в город можно съездить? У меня вот сигарет нет.

— Ну ты даешь! Ишь чего захотел, — засмеявшись от наивности нового приятеля, ответил Карась. — Не только в город, но даже просто на улицу погулять нельзя выйти. Да даже и на толкан сходить, нужду справить, и то надо разрешения у санитара спрашивать!

— Врешь!

— А чего мне врать-то, проверь сам. Видишь дверь в палату?

— Ну, вижу, — уставившись на сваренную из толстенных прутьев арматуры дверь, сказал Котов.

— Так вот, сейчас она закрыта на ключ, пойди попробуй выйди отсюда!

Андрей, восприняв слова нового знакомого всерьез, подошел к двери и начал дергать ее. В ответ услышал от санитара:

— Ты че, ушлепок, дергаешься? К кровати тебя привязать, что ли?

Новичок, испугавшись, отошел к кровати Карася.

— Ну, что, понял? — смеялся Илья. — Вот привыкай, здесь все так: шаг вправо, шаг влево — либо на вязки отправят, либо сульфы полный шприц вкатят.

— А что делать? — чуть не плача, спросил Андрей. — Я курить хочу, сил нет терпеть, где здесь курево-то можно достать?

— С куревом здесь вообще страшная напряженка. Только то, что из города привозят, то и курим. Да я на первое время дам тебе сигарету, потом сам ищи.

— Понятно, а где здесь курилка?

— А курилка, она же и сортир, за дверями. Так что жди. Выход из палаты только по часам, с разрешения санитара. Но ты потерпи, скоро завтрак, а потом всю наблюдательную в сортир поведут.

Вошел санитар, пересчитал больных в палате, сделал пометку

в какойто бумаге, уточнил у Андрея, что он новенький, и поставил в бумаге номер кровати, на которой обосновался новичок. Затем отвязал привязанных и крикнул:

— На завтрак!

Двенадцать немытых и небритых больных с перьями от подушек в волосах с неожиданной для Андрея прытью бросились в открывшуюся дверь. Один из пациентов, рванувшийся раньше других, упал в проходе на пол, и теперь другие постояльцы наступали прямо на неудачника, прорываясь к хавке. Столы для завтрака были накрыты прямо в коридоре отделения. Есть новичок не хотел, да и вид комковатой, с желтым оттенком манной каши аппетита не вызывал. К каше прилагался стакан светло-желтой теплой жидкости, которую все называли чаем. К удивлению Андрея, этот, с позволения сказать, завтрак больные наворачивали так, что мышцы на спине буграми ходили.

— Ты че, кашу-то не будешь? — спросил у вновь прибывшего худющий больной со сломанными очками на носу, которые держались с помощью резинки, обвитой вокруг головы хозяина.

— Нет, — ответил новичок. — Ешь, если хочешь.

Обладатель сломанных очков по имени Олег, по кличке Фикса стал быстро выгребать ложкой из тарелки манку. Затем он передал чашку другому больному, который уже без всякой ложки, с помощью языка вылизал тарелку до блеска.

— Андрюха, ты кашу-то мог на сигарету выменять! — сказал наблюдавший за всем Илья и продолжил: — В этой больнице ничего просто так не делается: кашу на сигарету, пачку сигарет за пачку чая и так далее. А то без всего останешься. Учись, пока я жив!

6

— Наблюдательная, на таблетки! — прокричал санитар.

Уже без того энтузиазма, с которым шли на завтрак, больные выстроились в затылок друг другу. Пациенты называли свой номер и получали в руку лекарства. Рядом со столом раздачи лекарств стояла санитарка по имени Венера, которая контролировала, как больные пили таблетки.

— Открывай рот! — орала санитарка на Чомбу, засовывая больному в рот длиннющий металлический шпатель для того, чтобы проверить, выпил больной таблетки или положил их за щеку.

— Вот гад, опять под языком лекарства спрятал! Люба! — обращаясь к молоденькой симпатичной медсестре, кричала санитарка. — Набирай галоперидол в шприц, этот козел Чомба опять таблетки не пьет.

— Нет проблем, сейчас сделаем, — ответила Люба и,

обращаясь к проштрафившемуся, добавила: — Еще и врачу скажем, чтобы тебя в наблюдательную отправили.

Пойманный с поличным Чомба только подвывал:

— Я буду пить, честное слово, только не ставьте мне галоперидол! Или хоть таблетку циклодола дайте, меня же скует!

— Обойдешься, в следующий раз будешь знать, как персонал обманывать! — заявила Венера.

Когда дошла очередь до Андрея, медсестра спросила его:

— Новенький?

— Да.

— Твой номер будет 36, называй его, когда таблетки пьешь. Но сегодня тебе только укол, заходи, шприц уже набран.

— А как вас зовут?

— Ишь какой любопытный! Меня здесь все только по имени-отчеству кличут — Любовь Адамовна. Давай поживей, укольчик тебе поставлю.

— А какой укол? — с параноидальной интонацией спросил Андрей.

— Много будешь знать, плохо будешь спать!

Новичок зашел в сестринскую, затравленно озираясь по сторонам, ожидая чего-нибудь ужасного.

— Ну, че встал, снимай штаны.

Андрей, оголив зад, скрипя зубами, вытерпел очень болезненный укол, поставленный стеклянным многоразовым шприцем. Напомним, все происходило в последние годы существования СССР, и одноразовых шприцев, одноразовой посуды и упаковки в нашей стране еще не было.

Зажав проспиртованной ваткой место инъекции, новичок вышел из кабинета. Голову после процедуры начало немного кружить. Держась за стенку, Андрей кое-как побрел к туалету. К Котову подбежал Фикса и хрипловатым голосом попросил:

— Дай ватку спиртом подышать!

— Да бери, жалко, что ли, — ответил Котов.

Фикса умудрился выжать из ватки каплю спирта, которую тут же слизнул большим красным языком, после чего стал жадно вдыхать спиртовый запах. Андрей тем временем, все более чувствуя парализующее действие укола, шатаясь, пошел в отхожее место.

Больничный туалет было вернее назвать грязным сортиром. Пробитые в бетонном полу отверстия нависали прямо над выгребной ямой, поэтому запах в помещении был ужасный. Все очки были сейчас заняты мучавшимися запорами пациентами. Туалет был в то же время и курилкой, и местом для умывания. В противоположной от отверстий стороне находились две

металлические раковины, когда-то имевшие белый цвет, а сейчас почти полностью покрытые бурыми подтеками. Вода в кранах была только холодная, причем ни одного чистящего зубы или умывающегося в туалете не было.

Вдоль оставшихся двух стен сортира расположились больные, которые жадно дымили, причем одна сигарета приходилась на три-четыре человека. Чинарик гоняли по кругу, выкуривая его до того, пока терпели пальцы и губы. Сигареты курили компанией, в которую попасть новичку было практически невозможно. Несколько человек сидели около помойного ведра и дожидались, чтобы в него кто-нибудь бросил подходящий окурок.

“Это, наверное, и есть петухи”, — вспоминая наставления Карася, подумал Андрей. Очень хотелось курить, но пристраиваться к какой-нибудь группе новичок не решался. В сортир зашел Илья.

— Ну что, уши, наверное, пухнут без курева? — спросил он у Котова.

— Сил нет. Ты мне сигарету обещал, дай, пожалуйста, я больше суток не курил!

— Так и быть, угощу, только, когда к тебе приедут, поделиться передачкой не забудь, — ответил ушлый Карась.

Андрей принял сигарету и, к удивлению, заметил, что его руки сильно трясутся, причем унять дрожь усилием воли он не может. Карась заметил:

— Нейролептиками тебя лечат, вот и дрожь у тебя, врачи это тремором называют, бывает, так колотит, что сигарету прикурить не можешь.

Андрей глубоко затянулся термоядерной “Астрой” без фильтра. Длительное никотиновое голодание и действие нейролептиков сделали свое дело. После второй затяжки все поплыло перед глазами. Больной попытался схватиться руками за стену, и от падения на грязный, заплеванный пол его удержал только Илья, который схватил Андрея под мышки. К великому сожалению вновь прибывшего, сигарета, которую он курил, упала на пол. В этот же момент к чинарику бросились несколько человек. Завязалась небольшая потасовка, победителем в которой оказался вертлявый долговязый пациент Леня Ухов.

— Ну что, Ухо, повезло тебе?— спросил начавшего дымить окурком больного Илья.

— Угу, вы же не заберете чинарик обратно? — ответил обладатель окурка.

— Вподляк после петуха курить, — с издевкой в голосе ответил Карась.

— Ухо, оставь покурить! — набросились на везунчика

несколько больных, составлявших низшую касту пациентов.

— А вы мне оставляли? Сам курить буду, отвяньте!

— Ну выбрасывать-то будешь, тогда дай докурить!

— Я не буду выбрасывать, я забычкую, после обеда покурю! — отбрил всех Ухо.

Андрей, который с трудом справлялся с головокружением, прислонился к стене и спросил:

— Карась, здесь что, всегда так?

— Это еще что, иногда носы друг другу разбивают, петушня поганая! Окурок готовы изо рта вырвать, чинарик из любого помойного ведра вытащат!

— Котов, — прокричал санитар, — к врачу!

7

Услышав свою фамилию, Андрей вздрогнул. “Ну, наконец то к врачу, я ему все объясню, я докажу, что держать меня здесь никто не имеет права, скажу, если что, я пожалуюсь тамплиерам, и всю эту тюрьму разнесут по бревнышкам”. Новенького провели в кабинет врача, причем все время его за рукав придерживал санитар. К этой специфической форме передвижения в больнице Андрею еще было необходимо привыкнуть.

— Доброе утро, — поприветствовал Андрея Игорь Николаевич.

Андрей не ответил на приветствие и уставился в пол. “Пусть почувствует свою вину передо мной: чем я больше буду молчать, тем лучше!” — думал пациент.

— Ну, не хотите говорить, молчите, — дружелюбно сказал врач.

— Вы не имеете права держать меня в тюрьме! — не выдержал больной.

— Это не тюрьма, а больница.

“Да, — подумал врач, — на самом деле первое впечатление от нашей богадельни именно такое и может сложиться. Я сам, когда впервые сюда приехал, первым делом подумал, что заведение на тюрьму сильно смахивает. Почти что все больные так и воспринимают больницу. Объяснить обостренным пациентам, что их привозят сюда для лечения, а не отбывания срока, практически невозможно”.

В этот момент Андрей посмотрел на лампочку, стоявшую на столе, и увидел в ее свете обветренное, мужественное лицо командора. Рыцарь протягивал руку, в ответ больной стал протягивать свою.

— Вы хотите обменяться со мной рукопожатиями? — спросил Игорь Николаевич.

Рыцарь исчез, и раздосадованный больной ответил врачу:

“Нет!”

— Вы кого-нибудь видите еще в комнате? — спросил начавший что-то быстро писать Игорь Николаевич.

— Нет.

“Так, у пациента наверняка зрительные галлюцинации, думаю, и “голоса” еще есть. При этом скрытность бреда, такое сплошь и рядом случается на начальном этапе болезни. Завтра надо собрать комиссию для освидетельствования, но диагноз уже ясен, шизофрения”, — думал врач.

— Скажите, могу я съездить домой? — тихо спросил больной.

— Нет, пока нет.

— А позвонить близким я хотя бы могу?

— Я сам позвоню вашим родственникам, скажите, по какому телефону.

Пациент назвал номер. На этом первая беседа закончилась. Врач вызвал санитара Мишу, и тот повел Андрея в наблюдательную палату. По пути в отделение больной попытался рвануться к выходу, но опытный санитар быстро выкрутил пациенту руку и сказал:

— Будешь так прыгать, из больницы не выйдешь!

— Вы не имеете права! — закричал Андрей, но санитар еще подвернул больному руку, и пациент застонал от боли.

8

В палате Андрея впервые в жизни привязали к койке. Наказание одно из самых обычных в психиатрической больнице, но абсолютно дикое для того, кто попадает сюда впервые. Когда конечности пациента стали обвивать лямками, больной попытался сопротивляться. На помощь санитару пришел Ухо. Предатель держал Андрея за руки, в то время как санитар накидывал на голову новичка наволочку. Придушив сопротивлявшегося, Миша уселся на больного и прочно привязал Андрея к металлической кровати.

— Будешь трое суток лежать, — запыхавшись от борьбы с пациентом, сказал санитар, — по смене передам, чтобы тебя не отвязывали. А тебе, Ухо, за помощь на, держи, — с этими словами Миша вытащил папиросу из пачки. Ухо схватил беломорину и сразу засунул ее куда-то в штаны.

Тугие матерчатые вязки врезались в ноги и руки проштрафившегося; в таком состоянии не то что приподняться, даже головой и то подвигать было большой проблемой.

— Ну что, попался? — с сочувствием спросил Карась.

— Какое право они имеют меня бить и привязывать? — негодующе произнес Андрей.

— Они здесь все права имеют, а ты для них овца

бессловесная, букашка. Тебя и привязать могут, и лекарствами заколоть до растительного состояния имеют право.

— Я пожалуюсь на них!

— Кому?

— В милицию!

— Ха-ха-ха. Помнишь песню покойничка Высоцкого про Канатчикову дачу: “Если вы не разберетесь, мы напишем в спортлото!”

— У меня еще есть кому словечко замолвить!

— Кому?

— Иногда ко мне приходит командор, рыцарь ордена тамплиеров, он за меня заступится!

— А, теперь понятно, не зря тебя сюда привезли!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да галюны у тебя, вот что. Галоперидолом тебя, наверное, лечить будут, “галушкой” по-нашему!

— А что такое “галушка”?

— Нейролептик, вот что. Сначала тебя сковывать будет, потом медленно все делать будешь, будешь как робот, заторможенным. Да что говорить, посмотри вон на других: у них вся дорога — до туалета и обратно. И так до тех пор, пока ты сам не скажешь врачам, что твои мысли об этих, как ты их назвал, “тарплиерах”, — бред, и что ты сам считаешь, что болеешь.

— Я не болею, храмовники живы!

— Да, надолго ты здесь.

В это время на соседней кровати двое больных вытряхивали из собранных в мусорном ведре чинариков крупинки табака. Один из них, долговязый Славик Кирпичников по кличке Кирпич, беседовал с бедолагой Вовой Сухоплюевым, у которого по причине сложной фамилии было два погоняла: Сухарь и Плевок.

— Ты у новенького-то суп за обедом попроси, а я попрошу второе! — обращался к Плевку Славик. — Я видел, он сегодня от завтрака отказался, так Олег Фикса все сожрал.

— А вдруг он сам есть будет?

— Не, он же вольняшка, ему передачку скоро привезут, вот увидишь.

Новичку стало муторно от этих разговоров. Кроме того, в голове начало гудеть, сказывалось действие нейролептиков. Андрей попытался заснуть, но вместо этого впал в полузабытье и, казалось, грезил наяву. Больной опять увидел брата-рыцаря, который вел свой отряд, состоявший из воинов Храма и пилигримов, долгой дорогой от Антиохии к Иерусалиму для поклонения Гробу Господню.

Разномастные паломники со всей Европы наводнили Геную. С той поры как Папа Урбан Второй провозгласил первый крестовый поход, вся Европа ринулась в поддерживаемое истовыми молитвами паломничество на Святую землю. Много разговоров было и о братстве рыцарей Храма, которое не только боролось с неверными, но также помогало всем паломникам передвигаться к Святой земле. Французы и фламандцы, венгры и немцы, итальянцы и англичане — вся христианская Европа хотела посетить святые места. Из порта Генуи с помощью расторопных местных купцов и судовладельцев, не без помощи тамплиеров начинался долгий путь пилигримов. Сначала морем до одного из ближневосточных портов, затем по суше, по узкой полосе вдоль Средиземного моря до Иерусалима.

Собирая с паломников звонкое золото, отчеканенное по всей Европе, судовладельцы окупали свои расходы на транспортировку верующих к Святой земле в три-четыре раза. Дукаты и флорины, экю и ливры лились полноводной рекой в карманы тех, кто организовывал путешествие на Святую землю и защиту христиан от иноверцев. Банковские конторы рыцарей Храма, расположенные в каждом более или менее крупном населенном пункте по пути к Иерусалиму, позволяли легко осуществлять конвертацию чеков, которые тамплиеры выдавали в обмен на наличные, обратно в деньги. Авторитет ордена и военная сила, которой обладали храмовники, делали путь к Святой земле менее опасным и более предсказуемым.

Корабль, везший одну из таких групп пилигримов, после двухмесячного плавания по Средиземному морю бросил якорь вблизи Антиохии. Многоязычная, разношерстно одетая толпа паломников высадилась в порту, который был морскими воротами христианского княжества, подчиненного Иерусалимскому Королевству. Среди пилигримов были не только мужчины, но также набожные монахини и монахи, а также несколько симпатичных молодых христианок, присутствие которых в составе группы сильно смущало рыцарей, хозяев города.

Трудная монашеская жизнь с множеством ограничений не включала в себя такой жизненный аспект, как общение с прекрасным полом. Но рыцари оставались мужчинами и, подчиняясь своей земной природе, заглядывались на приезжих красавиц. “Интересно, как будет выглядеть та белокурая нормандка, которая сейчас пьет из кувшина, когда она ложится спать”, — мелькнула нехорошая мысль в голове Роллана Мондидье, брата-рыцаря ордена, которому выпал жребий руководить отрядом воинов для охраны христиан от набегов сарацин и защиты от произвола разбойников. Сверхусилием воли рыцарь попытался изгнать из своего сознания обольстительную христианку. “Это ты, враг рода человеческого, искушаешь меня, навевая греховные помыслы! — сердился на лукавого Роллан. — Придется исповедоваться сегодня в греховных мыслях капеллану”.

Среди паломников было два десятка французов, соотечественников командора. С обычной для своих соотечественников живостью пилигримы интересовались у рыцаря подробностями предстоящего пути. Родная речь была для командора как бальзам на раны. За двадцать лет своего пребывания на святых местах Мондидье выучил несколько европейских языков, мог объясняться даже с пленными сарацинами, прекрасно знал латынь, язык богослужений, но каждый раз, встречая своих соотечественников, радовался, особенно когда говорили на его, шампанском, наречии.

В группе пилигримов выделялся высокий худой юноша с горящим взором, постоянно читающий про себя молитвы. Во время путешествия по Средиземному морю он ни с кем не разговаривал, постоянно стоял на носу корабля и лишь иногда спрашивал у рулевого:

— Ну, когда же?

— Скоро, ветер попутный, через сутки доплывем.

“Ходить по земле, на которой жил и проповедовал Спаситель, побывать на месте, где Господь принял крестные муки и смерть, а потом воскрес и вознесся на небеса! Что может быть в жизни лучше этого! Ради этого можно отдать не только состояние, но и саму жизнь!” — думал юный паломник.

Когда на горизонте показался долгожданный берег, юноша даже хотел спрыгнуть в море, чтобы быстрее добраться до него, но его удержали пара монахов, упрекая молодого Роже в нетерпеливости и горячности.

Сейчас, глядя на этого отпрыска довольно знатной аристократической фамилии, Мондидье узнавал себя в молодости. Двадцать лет назад юный барон покинул зеленые

долины родной Шампани. Отписав свой родовой замок ордену и организовав на его месте командорство, юный рыцарь пустился в опасное путешествие к Святой земле. Дававший будущему защитнику Гроба Господня благословение местный епископ сказал:

— Тебе предстоит самый славный путь, который может достаться человеку, не потеряй на этом тернистом пути чести твоих предков! Per Aspera ad Astra Per!

10

Очнулся Андрей от толчков в бок. Новичок выругался про себя, кляня тех, кто помешал созерцать жизнь и приключения крестоносца-храмовника. Возвращение в действительность было для пациента ушатом холодной воды.

Около его кровати стояла санитарка с тарелкой супа:

— Обед, поешь немного.

— Я не хочу есть.

— Надо, что значит “не хочу”? Вон худющий какой, кожа да кости, — с этими словами Венера поднесла ложку с абсолютно безвкусным постным супом ко рту привязанного.

— Я не буду!

— Через зонд кормить будем, — пригрозила санитарка. Новичок не знал, что такое зонд, но, поняв, что придется уступить, нехотя проглотил несколько ложек.

— Дайте я доем за него — закричал только что поевший Плевок.

— Ты сколько можешь жрать-то! — зло сказала Венера. — Добавку на обеде съел, еще просишь, а потом с очка не слазишь!

— Что вам, жалко, что ли, все равно выливать будете.

— А палату помоешь?

— Помою, — жадно хватая протянутую ему тарелку, пробасил Сухоплюев. Затем без ложки выпил все содержимое тарелки и, довольный, спросил: — А второе?

— Ну ты наглец, Вова, — только и могла ответить санитарка.

— Второе мне, — закричал Фикса. — Я тоже палату помыть могу!

— Ты, Олег, иди из-под Чомбы матрац достань, он, кажется, обделался.

С необыкновенной прытью Фикса вытащил обгаженный матрац и сказал:

— Готово!

— На, держи, — подавая помощнику тарелку с перловой кашей, произнесла санитарка.

Андрей, несмотря на то, что последние три дня ничего не ел, голода не испытывал, единственное, чего он хотел, — покурить. В

палату вошел Карась.

— Хороший был сегодня обед, и каши дали полную поварешку, — довольно рыгая, сказал он и продолжил: — Сейчас таблетки, а потом покурить разрешат.

— Илья, дай мне еще сигаретку, я тебе потом пачку отдам!

— Вот это разговор, только не забудь, что пообещал; как к тебе приедут, первым делом мне долг верни, — протягивая сигаретку “Астры” Андрею, сказал Карась.

— А как я курить-то буду, я же привязан!

— А ты санитару скажи, что по-большому хочешь, может, он тебя и отвяжет.

— А как его зовут?

— Женя.

— Женя! — закричал Андрей. — Я в туалет хочу!

— Фикса, — ответил санитар, принеси утку этому, как его звать-то, ну, в общем, новенькому!

— Я по-большому хочу!

— Толька, неси ему судно.

— Отвяжите меня!

— Обойдешься! По смене передали, чтобы не отвязывали, ты буйный.

— Пошел ты на … — выругался на Женю новичок.

— Ты мне поговори еще, вообще не отвяжем, полежишь недельку на вязках, тогда будешь знать, как с персоналом надо обращаться! — зло сплюнув прямо на пол, ответил санитар.

В это время в палату с приготовленным шприцем вошла Любовь Адамовна. Молодая женщина, с которой Андрей уже успел познакомиться утром, обладала приятными для мужского глаза формами, которые хорошо демонстрировал приталенный халатик. Медсестра явно притягивала к себе взгляды годами не видевших женщин больных и пользовалась большим успехом среди обитателей желтого дома.

— Котов, тебе укольчик, готовься, — пропела она грудным голосом.

— А куда ставить будете, я же привязан!

— Ничего, в бедро уколем, — оголяя часть ноги Андрея, сказала медсестра. Тупая металлическая игла вошла под кожу, и уверенным движением рук Любовь Адамовна быстро вогнала пациенту все содержимое шприца. Еще во время инъекции руки и ноги Андрея начали сильно дрожать, а голова затуманилась. Мысли потеряли свою относительную ясность, и у новичка появилось такое ощущение, что он проваливается в какую-то бездну.

Игорь Николаевич всего год назад окончил мединститут. Рутинная и во многом неблагодарная работа врача-психиатра еще не успела загасить некоторую одержимость, с которой молодой врач взялся за работу. Еще в момент выбора будущей специальности Игорь Николаевич, тогда просто Игорь, заинтересовался психоаналитикой по Фрейду, метод в то время еще мало распространенный, а также работами одного из родоначальников психиатрии, Ломброзо. Молодого студента также интересовали некоторые особенности психически больных людей и их поведение. Будучи на практике в психиатрической клинике, Игорь сам пытался ставить диагнозы больным, потом сверялся с записями в истории болезни и получал истинное удовольствие, когда его диагноз совпадал с заключением практикующего психиатра.

Игорь Николаевич не был меркантильным человеком, и хотя психиатрам времен СССР полагались существенные доплаты и льготы, при выборе специальности это не играло особой роли. С юношеским рвением будущий психиатр штудировал монографии и специальную литературу. С распределением юному доктору не очень повезло. Жребий, который выпал вчерашнему студенту, — быть терапевтом в лечебнице для больных, совершивших уголовные преступления. Лечить бывших уголовников было делом непростым, поневоле приходилось изучать привычки и ментальность бывших зэков. Игорь Николаевич осилил даже блатную феню.

Был один нюанс. Не все попадавшие в эту больницу люди преступили закон. Все районы миллионного города были поделены между обычными гражданскими психиатрическими лечебницами. Но вот для одного района места в этих богадельнях не нашлось. Пациентов этой части города везли в больницу, где лечились бывшие зэки, что для обычного гражданина было сродни помещению в тюрьму. Каждому больному, которому так не повезло с местом жительства, Игорь Николаевич старался уделить больше внимания и как мог объяснял, что для них это не место исправления, а лечебница. Бывшие уголовники называли таких больных “вольняшками”.

“Итак, Котов Андрей, — думал молодой психиатр, — двадцать три года, первое поступление. Почти что мой ровесник. Может, даже на одни дискотеки и в кинотеатры ходили. Симптоматика типичная для приступа шизофрении. Зрительные галлюцинации есть, это точно, голоса — не факт. Необходимо поговорить с родственниками, выяснить поведение перед госпитализацией. Какую же выбрать терапию? Посмотрим, как на него подействует галоперидол. Сколько я ему назначил? —

перепроверяя себя, Игорь Николаевич посмотрел в журнал назначений. — Так, все верно, по двадцать миллиграмм подкожно три раза в день. На ночь — аминазин. Что поделаешь, в больнице очень скудный выбор лекарственных средств. Практически только четыре препарата, трифтазин, галоперидол, аминазин и циклодол, и этими средствами приходится лечить весь спектр психических заболеваний. Каменный век, да и только! Как только у Котова начнется сильный тремор, надо будет циклодол назначить, после завтрака и обеда.

Интересно, откуда он вычитал про тамплиеров? Кстати, кто это такие? — Игорь Николаевич напряг мысль и не сразу, но вспомнил, — Да, кажется, это из произведений французского романиста Мориса Дрюона. Там, кажется, сожгли главного рыцаря, как же его имя? Да, вспомнил, Жак де Моле. Его по приказу короля казнили. Все правильно, известная такая книжка, на сданную макулатуру можно было получить. На завтра надо будет назначить комиссию, — продолжал думать врач, — пусть его и другие врачи посмотрят, может, что посоветуют. Хорошо бы, и родственники побыстрее приехали, а то ведь больной и впрямь думает, что в тюрьме находится. Как пойдет на поправку, домой в отпуск надо будет отпустить, но это не раньше чем через месяц. Как только немного отойдет, надо будет какую-нибудь легкую работу ему найти, хотя бы и снег разгребать. И понаблюдать надо, чтобы уголовники Котова не зашпыняли, они это могут. И все же кто такие тамплиеры?”

12

Отряд рыцарей Храма уже вторые сутки медленно передвигался, сопровождая паломников на Святую землю. Сухая каменистая дорога, вымощенная туфовыми плитами, местами становилась грунтовой и сужалась до размеров тропинки, виляя между невысокими холмами, лишенными всякой растительности. Палящее солнце доводило некоторых паломников до полуобморочного состояния. Никакой живности вокруг, только мелькающие в каменистой почве стремительные ящерицы и зарывшиеся в песок черепахи. Песок скрипел на зубах, шлейф пыли, который поднимали копыта коней и мулов, закрывал арьергард отряда плотным облаком. Лишь иногда попадались небольшие оазисы с источниками питьевой воды. Бескрайние пространства Малой Азии были совсем не похожи на зеленые плодородные долины родной Франции.

Довольно часто отряд останавливался по требованию аббата, призывавшего странников к молитве. Роже, юноша, который обратил на себя внимание Мондидье, отличался тем, что читал молитвы не только по призыву священника, но и в продолжение

всего пути. “Совсем еще ребенок, — думал храмовник, — а уже такая набожность. Надо приглядеть за ним и, если что, предложить остаться на Святой земле. Ордену Храма нужны истинно верующие люди для пополнения рядов рыцарства”.

Ближе к вечеру пилигримам стали попадаться возделанные поля, на которых работали крестьяне; на холмах паслись многочисленные стада овец и коров. Встречные колонисты приветствовали караван, снимая шляпы. Переселенцы из Европы, осевшие поблизости от укреплений крестоносцев, возделывали свои нивы, кормя рыцарей и многочисленных паломников.

Отряд подходил к одной из самых мощных крепостей христиан, Маргабу. Возведенное для защиты от сарацин укрепление своими мощными бастионами давало понять иноверцам, что отныне окрестности Маргаба — христианская земля и попытавшийся опровергнуть это обломает свои зубы о камни твердыни. “Охранять путь к Гробу Господню — это ли не самая достойная цель для крестоносца!” — думал Мондидье.

Высланный Ролланом гонец уже сообщил о прибытии каравана. Приблизившись к крепости, пилигримы увидели мощные, высотой до двадцати метров, толстые зубчатые стены, два раза опоясывавшие крепость. На башнях развевались штандарты различных орденов крестоносцев. Из-за стен крепости были видны островерхие крыши донжона и собора. Навстречу путникам вышли два брата-сержанта, которым был передан список паломников.

— Приветствую вас на территории сей крепости! Здесь вы найдете кров и еду, наберетесь сил для дальнейшего путешествия! — сказал один из них и продолжил: — Есть ли среди вас больные или те, кому нужна какая-нибудь помощь?

— Нет, — ответил за всех аббат. — Все, что нам необходимо, нам дают достойные рыцари Храма.

Пройдя через подвесной мост, отряд оказался во внутреннем дворе крепости. Спешившись и умывшись, пилигримы по призыву аббата пошли молиться в храм, рядом с которым стояла часовня; на ее крыше был водружен не обычный, а восьмиконечный крест храмовников.

Вытесанный из больших кусков известняка собор с мощными контрфорсами и высоченными стрельчатыми окнами поражал своими размерами. Храм Божий имел крестообразную форму, которую ему придавало пересечение трансепта с центральным нефом. Продольный корпус заканчивался полукруглой апсидой. Над средокрестием нефов и над входом находились две мощные башни; их-то и видели из-за стен крепости паломники. Фасад молитвенного здания был, как и положено, обращен на запад. На

бронзовых дверях входа были изображены отлитые в металле Адам и Ева, идущие друг к другу, а также сцена убийства Авеля Каином. На тимпане, под полукруглой аркой портала, была изображена изваянная из камня сцена Страшного суда; под фреской на мраморе было высечено:

“Non nobuis, Domine, non nobis, set tuo nomini da gloriam!” (Не нам, Господи, не нам, но имени твоему ниспошли славу!)

С религиозным трепетом паломники вошли в храм. Справа и слева до самого алтаря стояли колонны, на которые опирался сводчатый потолок. На высоте около двух метров от основания колонны превращались в скульптуры апостолов Господа и канонизированных святых. У основания колонн располагались изваяния драконов, химер и кентавров. На капителях были высечены парящие ангелы.

Из окон под потолком через цветные стекла витража на молившихся падали мягкие, успокаивающие потоки света, настраивая верующих излить Богу свою душу. Горящие перед золотым алтарем свечи подчеркивали бренность жизни и величие вечности, для которой человек что песчинка, а его жизнь — это жизнь мотылька-однодневки, который летит к свету.

13

Короткий декабрьский день подходил к концу. Солнце зашло, и на необъятном декабрьском антрацитовом небе высыпали звезды. Андрей очнулся оттого, что кто-то трясет его за руку. Больной открыл глаза и увидел Илью.

— Хватит спать, что ночью делать будешь? — спросил Карась.

— Илья, ты мне такой сон обломал! — сердито ответил Котов.

— А че снилось?

— Да как тебе сказать, ну, ты этого не поймешь.

— Че, баба голая, что ли?

— Нет, слушай, ко мне во сне опять приходил брат-рыцарь и рассказывал про тамплиеров. Ты мне веришь?

— Верю. Ты мне уже говорил, это у тебя гон такой.

— Да не гон это.

— Не, гон самый настоящий. Здесь одному кажется, что на него какие-то люди влияют, другому, Леше Печеню из пятой палаты, например, кажется, что он двойник Владимира Высоцкого, Сухоплюев иногда говорит, что он марсианин. Да в общем, тут у каждого второго бредятина есть.

— Так ты зачем меня разбудил-то?

— Тобою тут блатные интересовались, кто ты по жизни. Гоша Туз, он смотрящий за этой “крыткой”, спрашивал о тебе, чем ты живешь. Ну, я ответил, что мужик ты нормальный, да и вообще,

ты “вольняшка”. Месяц-другой полежал здесь — и домой. А кто по статье, так и несколько лет здесь проводит, а вот некоторые, например Юмба, — и Карась показал на лежащего рядом с окном толстяка, — так тот уже третий десяток лет здесь обитает.

— А кто такой этот Гоша?

— Он здесь в авторитете. Из тюрьмы его сюда отправили, за убийство сидел.

Андрей попытался занять более удобное положение, но не смог. Вязки были сделаны профессионально. “Худшей пытки не придумаешь, — думал Андрей, которого начало охватывать чувство клаустрофобии, — такое изощренное издевательство еще придумать надо!” Клаустрофобия переросла в панику, и срывающимся голосом новичок спросил у Ильи:

— Карась, а ты меня можешь отвязать?

— Не, ты че, меня сразу на галоперидол и сульфазин переведут и так же, как и тебя, привяжут.

— Так никто же не узнает, что ты отвязал!

— Ты думаешь, здесь стукачей нет? За таблетку циклодола мать родную продадут, не то что меня! Так что терпи.

Весь их разговор слышал толстяк Юмба, который сказал привязанному:

— Хочешь, отвяжу?

— Конечно!

— А у тебя курево есть?

— Нет, — ответил Андрей, но потом вспомнил, что сигарету, которую ему в долг дал Карась, он еще не успел выкурить, и сказал: — Есть сигарета одна!

— Давай я тебя отвяжу, а ты мне табачок.

Юмба, которому было все равно, что его самого могут привязать, за годы пребывания в психбольнице насмотрелся на всякое и воспринимал богадельню как дом родной. Андрей, обрадовавшись от одной мысли, что с него снимут опротивевшие вязки, радостно воскликнул:

— Идет!

— Только ты меня не закладывай, — развязывая новичка, сказал толстяк, — если что, скажи, что сам отвязался.

— Само собой!

Через пять минут, сбросив с себя путы, Андрей попытался встать. Тело плохо повиновалось, нейролептики парализующе действовали на способность двигаться. Долгое время пережатые вязками ступни не чувствовали ничего. Кое-как, держась за спинку кровати, Андрей все же поднялся.

— На ужин, на ужин, — раздался в коридоре голос буфетчицы. Санитар, отперев дверь в наблюдательную,

прокричал: — Подъем, сволочи, жрать идите!

Ужин для наблюдательной накрывали в коридоре, отдельно от “сознательных” больных. Голодные пациенты, толкая друг друга и ругаясь из-за места за столами, рассаживались по табуреткам. Неаппетитная с виду больничная каша пользовалась среди пациентов большим успехом. Больные, чтобы усилить аппетит, вслух вспоминали те яства, которые им когда-либо приходилось пробовать:

— Ах, вот сейчас бы плов, чтобы мясо было мелкими кусочками и с изюмом и рисом рассыпчатым. Я, когда в Средней Азии был, ел такой, пальчики оближешь! — с восторгом говорил Ухо.

— А я вот, вспоминаю, в ресторане “Уральские пельмени” был, так там такие пельмени, и порции на всю тарелку! И с горчичкой, и со сметанкой, одно объедение! — подзадоривал себя и других Фикса.

Слюноотделение от воспоминания деликатесов усилилось до такой степени, что пациенты начали с большим энтузиазмом наворачивать жидкую овсянку. Через две минуты тарелки были пусты, и обитатели желтого дома чуть не в голос стали просить добавку. Воспользовавшись тем, что санитар ушел с поста, а в палате никого нет, Андрей, которого в наказание не стали кормить ужином, выскользнул в коридор и под общий стук ложек пробрался в сортир. В туалете пациент подошел к окну, попробовав заграждение металлических решеток на прочность. “Бесполезно, — подумал Андрей, — такую преграду не осилить, все продумано”.

В сортир ввалилась парочка больных. Один, низенький, коротко остриженный суетливый тип с монголоидным опухшим лицом, Касимов, по кличке Касим. Другой роста выше среднего, с большим родимым пятном на лице, носил кличку Горбачев. Коротышка, увидев новенького, спросил:

— Кто такой, как тебя зовут?

— Андрей.

— А кто по жизни?

Андрей, не знавший, что значит быть кем-то по жизни, ответил:

— Аспирант, в Академии наук работаю.

— Я тебя не за то спрашиваю, ты скажи, у тебя как с прошлым, все нормально?

— Да все более-менее. В школе учился, потом в институте.

— А вот скажи, пику в глаз или пи...с?

— Отстань от него, Касим, — сказал вошедший в туалет Карась, — он нормальный пацан, вольняшка, погоняло у него Кот.

14

К тому, что разговоры на тему однополой любви занимают среди его новых знакомых очень много времени, Андрею еще надо было привыкать. “Неужели им не нравятся женщины? Как им не противен противоестественный секс?” И тут Котов впервые вспомнил о девушке, с которой дружил последние полгода. Лене было двадцать три, она была приятной девушкой, красивой, как бывают красивы девушки ее возраста. Стройная, спортивная фигура и упругая грудь, которая волновала мужские взгляды, подпрыгивала, когда Лена шла быстрой походкой. У подруги Андрея было миловидное славянское лицо с выразительными серыми глазами. В общем, девушка, каких много на богатых женской красотой просторах России.

Подруга Андрея работала в одном из проектных институтов. С Котовым она познакомилась на дискотеке. С удовольствием Лена отметила, что одетый в настоящие “Wrangler” парень подошел к ней во время медленного танца и пригласил ее. Незатейливый короткий разговор, во время которого парочка успела познакомиться, кончился тем, что Лена получила предложение от юноши проводить ее домой. С удивлением Андрей узнал, что провожать новую знакомую надо на остановку электрички, — избранница жила в пригороде.

“Что Ленка сейчас делает, помнит ли обо мне? Приедет ли сюда? — думал пациент. — Нет, лучше пусть не приезжает, что она обо мне подумает? Наверное, после того, как я попал сюда, она не захочет со мной дела иметь”.

Лене тоже нравились свидания со своим возлюбленным. Надо было выходить замуж: все-таки, страшно подумать, третий десяток, большинство подружек уже создали семьи. Связывать себя узами брака с каким-нибудь парнем из пригорода, в котором она жила, девушка не хотела. Ей страстно хотелось стать полноценной гражданкой мегаполиса, в который приходилось каждый день целый час ехать на электричке. Андрей казался подходящей для Лены парой. “Квартира в городе, не алкаш и не наркоман, в аспирантуру вот поступил, человек с будущим, — думала Лена, когда встречалась с Андреем. — Внимательный, цветы дарит, да и сам из себя ничего, не красавец, конечно, но и не урод”.

Лена позволяла Андрею в постели практически все, кроме самого естественного способа любви. “Низя, — детским голоском кокетливо говорила она уже измученному невозможностью закончить ласки естественным способом партнеру, — после свадьбы”. С таким ортодоксальным отношением к сексу Андрей сталкивался впервые в жизни, но продекларированная его

подругой девственность и категорический отказ расставаться с ней до свадьбы придавали отношениям влюбленных особый романтический привкус.

Во время последних встреч Лена обратила внимание на то, что ее возлюбленный уже не так пылко добивается взаимности. “Может, дать ему, а то ведь уйдет”, — думала девушка. Но Андрей все меньше интересовался сексом и начал сбивчиво говорить про каких-то рыцарей с непонятным названием тамплиеры. “Понимаешь, они управляют всем миром, они как бы и живые, и мертвые одновременно!” — воодушевленно говорил ничего не понимающей подруге Андрей. Во время последней встречи Лена, посмотрев на своего избранника, озабоченно сказала:

— У тебя больные глаза, с тобой что-то не так!

— Все так, ты знаешь, я могу общаться с душами покойных рыцарей!

“Он безумен!” — подумала Лена.

Андрей ни тогда, ни сейчас не понимал, что он тяжело болен, и воспоминание о своих романтических отношениях еще больше ввергало пациента в тоску. “Почему было все так хорошо и вдруг стало все так плохо?” — думал юноша и, не находя всему случившемуся объяснения, мысленно продолжал спорить со своей избранницей. “Почему она не поверила мне, что души умерших рыцарей живут и что я могу с ними общаться? Почему ушла с последнего свидания, как-то странно смотря на меня? Нет, сейчас лучше лечь спать, во сне ко мне придет тамплиер и все мне объяснит”.

Впервые в жизни Андрей страстно хотел, чтобы ему побыстрее поставили снотворное. Несколько часов от ужина до сончаса тянулись бесконечно; не хотелось ни с кем разговаривать, ничего делать. Почти все разлеглись по своим кроватям. Кто спал, кто играл в шахматы, кто просто разговаривал. Новичок, укутавшись одеялом, пытался поскорее заснуть.

Настоящий сон пришел к больному только после инъекции аминазина. Сначала в мозгу вертелись какие-то неясные образы, затем пациенту показалось, что на него нападет Ухо; но вот наконец пришел долгожданный рыцарь-храмовник, который приставил к горлу нападавшего меч.

15

Всю ночь Андрею снились яркие, в деталях, сны о приключениях паломников. Рыцарь, являвшийся и раньше, разговаривал с пациентом, успокаивая по поводу пребывания в больнице. “Главное — это терпение, — говорил тамплиер, — научившийся обуздывать свою плоть становится совершеннее. Ни

у кого ничего не проси, — продолжал вразумлять Андрея храмовник, — все необходимое ты получишь и так. Человеческое тело — это прах земной. Научившийся служить не телу, но Богу войдет в рай".

Пробуждение было не из приятных. В голове шумело, руки дрожали, и все то же окружение: неопрятные пациенты, лежавшие на ржавых кроватях, и облупленные стены палаты. Сидевшие на одной кровати Ухо и Фикса вели содержательную беседу.

— Сегодня всю ночь на Юмбу дрочил! — сообщал довольный Фикса. — Такой кайф! Три раза кончил!

— О, наши руки не для скуки! — поддержал его Ухо.

В разговор вмешался Карась:

— Ну, ты, Фикса, совсем с головой не дружишь! Как ты со своими голубыми наклонностями на воле жить будешь? Юмбу в жены, что ли, возьмешь! Подрочил бы на Любовь Адамовну.

— А ей голоса скажут, она доктору пожалуется, и он мне сульфазин назначит.

— Тебе его давно пора назначить!

Обращаясь к Андрею, Карась с горькой усмешкой сказал:

— Вот видишь, Кот, до чего люди в дурках доходят, им уже и бабы не надо. Слышал, Фикса про голоса говорил, у тебя их нет?

— А что это такое, голоса?

— Ну, это, например, так: ты один в комнате, а тебе кажется, что с тобой кто-то разговаривает.

— Да вроде бы нет. Только я с рыцарем во сне, а иногда и наяву общаюсь. Этот рыцарь, ну как тебе сказать, он живой, только он существует по-особому! Он может появиться где угодно и когда угодно!

— А сейчас ты его видишь?

— Сейчас нет, но всю ночь он мне рассказывал о путешествии в Иерусалим!

В двери замка наблюдательной палаты проскрипел ключ, и санитар громко крикнул:

— Кто курить хочет, выходи!

К двери бросилась толпа, расталкивая друг друга и ругаясь. Вова, санитар, сменивший Женю на дежурстве, посмотрев на вторично связанного после ужина Котова, пожалел бедолагу и сказал:

— Вот, отвязываю тебя, но смотри у меня, чтобы больше персонал на три буквы не посылал!

— Я больше ни-ни, — обрадованный тем, что его освободят от пут, прокричал Котов.

В туалете было не продохнуть от дыма, даже запах нечистот на время уступил место табачным ароматам. Илья сказал Андрею:

— Покурю и тебе оставлю, только ты сам дыми, не отдавай никому!

Новичок присел на корточки рядом с Карасем и с нетерпеньем дожидался своей очереди. В противоположном углу кучковались больничные изгои: Вася-Фофан, Валька и Танька. Какие у них были настоящие имена, уже никто не помнил. Вася был крупным, широкомордым пациентом. За долгие годы пребывания в дурке он, несмотря на плохое питание, набрал приличный вес, и теперь выставлявшийся вперед живот и двойной подбородок свидетельствовали о том, что их хозяин неплохо адаптировался к больничной жизни. Другой представитель низшего сословия, Валька, был в одной майке; на предплечье у него была вытатуирована тюремная наколка — черт, обнимающий девушку, свидетельство нехорошего петушиного прошлого. Танька, шустрый кудрявый молодой блондинчик с голубыми глазами, был на том же положении, что и его приятели. В данный момент все трое внимательно следили за тем, не бросит ли кто-нибудь окурок в ведро.

Андрей задумался, как могут люди так низко пасть. “Ну, пусть условия плохие, с куревом плохо, но есть же такое понятие, как самоуважение, гордость какая-нибудь”. В это время один из больных бросил в ведро окурок. Валька быстро среагировал и схватил чинарик еще на лету. Танька попытался выхватить вожделенную почти выкуренную сигарету и получил внушительный толчок от обладателя позорной наколки. К всеобщей радости, завязалась маленькая потасовка. Скучное течение больничной жизни было нарушено, пациенты подбадривали не на шутку разошедшихся изгоев. Больные разделились на две группы, каждая из которых поддерживала соперников.

— В глаз ему, Танька!

— Валька, мордой его об пол, под дых ему, под дых!

Наконец, Валька уложил Таньку на лопатки и уселся ему на грудь.

— Ну что, понял, петух, как не за свое хвататься!

— А сам-то ты кто? — ответил лежавший на грязном полу Танька. — Тоже ведь мастевый!

— Это я-то опущенный? Да я тебе за такие слова все зубы выбью! — С этими словами Валька снова начал наносить удары блондинчику по лицу.

— Вы че, собакой за голову укушенные, что ли? — пробасил Фофан и попытался остановить драку.

Но дерущиеся разошлись не на шутку. Танька порвал майку на теле Вальки; тот, в свою очередь, пытался макнуть соперника

лицом в очко. С большим трудом Фофан растащил наносящих друг другу удары изгоев. Предмет спора, маленький бычок, из-за которого произошла потасовка, во время драки был потерян. Стоявшие рядом пациенты, расстроенные быстрым окончанием драки, пытались снова стравить дуэлянтов.

— Ну, что, Валька, уделал ты голубоглазого? — поинтересовался Ухо.

— Порвал как Тузик грелку! — надуваясь от гордости, ответил Валька.

— Молодец, держи чинарик, тут еще на две затяжки хватит, — поощряя победителя, сказал Леня.

Валька вставил окурок размером в несколько миллиметров в обрывок газетной бумаги и начал затягиваться во всю мощь своих легких. Танька, поняв, что ему ничего не светит, переключил свое внимание на Лешу Печеня, который сворачивал себе гигантских размеров “козью ножку”.

— Леня, оставь покурить, — попрошайничал Танька.

— Не приставай к человеку, — прикрикнул Карась на мастевого. И, обратившись к Андрею, добавил: — Вот Леша — нормальный мужик, после него и курить можно, и пить. Кстати, он тоже вольняшка, человек умный, университет закончил, исторический факультет, кажется. С ним можно на любую тему поговорить, он даже и про твоих тамплиеров наверняка знает что-нибудь.

В ответ Леша покивал головой и сказал:

— Как же, как же, это эпоха крестовых походов, борьба за освобождение Гроба Господня.

Андрей был потрясен. Встретить в этой богадельне человека, который хоть что-то знает про “Нищих рыцарей Христовых”, было большой удачей.

Печень тем временем продолжал, подтверждая свою компетентность в данном вопросе.

— Все началось с призывов ныне канонизированного Петра Пустынника, который, посетив Святую землю, был возмущен тем, как мусульмане относятся к христианским паломникам. Именно под руководством этой известной личности был предпринят первый крестовый поход. А сам орден храмовников был основан решением собора в Труа. Я на эту тему курсовую писал, пятерку получил!

16

В день святителя Илирия 14 января 1128 года собор под руководством кардинала-легата Матвея Альбанского объявил о создании нового христианского ордена “Pauperi commilitiones Christi Templicue Salomoniacis” — “Бедные соратники Христа и

Соломонова Храма”. Вдохновителем вновь образованного братства был св. Бернар Клервоский — организатор второго крестового похода, сторонник непримиримой борьбы с неверными и полного освобождения Святой земли от мусульман.

— Христиане! — говорил Бернар. — Нам предстоит большая и кровопролитная борьба до полного изгнания иноверцев с территории Палестины! По воле Бога сегодня мы создаем новое братство, которое поможет праведным христианам совершить паломничество к Гробу Господню и окончательно прогонит неверных с территории Святой земли. Предлагаю назначить магистром ордена славного рыцаря и добропорядочного христианина Гуго де Пейена. Своими подвигами на Святой земле он снискал себе подлинное уважение всех верующих, а его мужество спасло многих паломников от неминуемой гибели от рук сарацин!

Своды величественного собора огласились многократно усиленными благодаря хорошей акустике восторженными возгласами. Летавшие под куполом храма ласточки спрятались в сводчатых арках. Друзья и последователи святого бурно реагировали на призыв Бернара. Единогласно собравшиеся выбрали Гуго де Пейена первым магистром славного ордена тамплиеров.

Обветренное и опаленное ветрами пустыни лицо вновь избранного магистра тронула благодарная улыбка. “Не зря. Не зря я потратил свою жизнь и силы на освобождение Гроба Господня. Сколько раз моя жизнь висела на волоске, сколько раз я оказывался в смертельной опасности! Но провиденью Господа было угодно оставить меня в живых и возглавить братьев-рыцарей для борьбы с неверными”.

Св. Бернар написал устав рыцарей храмовников, обязывая каждого взявшегося за нелегкий труд отстаивания веры соблюдать многие строгие правила. Рыцари братства отказывались от земных благ, брали обеты безбрачия и бедности. Несмотря на строгие правила жизни, вменяемые братьям-рыцарям, а также на требования благородного происхождения, число храмовников быстро росло.

В каждой французской провинции организовывались командорства ордена, в каждой дворянской семье хотя бы один член семьи вступал в ряды славных тамплиеров. Молодые аристократы бросали свои увлечения псовой охотой и травлей крестьянских посевов и записывались в ряды братьев-рыцарей. Не участвующий в крестовых походах предавался общественному презрению и бесчестью.

— Каждому пролившему кровь за освобождение Гроба

Господня прощаются все грехи! Каждый омывший лицо в Иордане наследует Царство Небесное! — эти обещания повергали в трепет истово верующих христиан всех сословий и воодушевляли пожертвовать свою жизнь и имущество ради святого дела. Число желающих двинуться на Святую землю быстро росло.

С большим числом своих последователей и кандидатов к вступлению во вновь созданный орден Гуго де Пейен вернулся в Палестину. С благословения короля Иерусалимского Болдуина новоиспеченному братству был выделен кусок территории на Храмовой горе, на месте бывшей мечети Аль-Акса. Когда-то давно на этом месте блистал Храм царя Соломона. Примыкавшая к церкви Гроба Господня бывшая святыня мусульман стала основой для строительства резиденции храмовников.

С первых дней строительства своего Храма “Нищие рыцари” стали натыкаться на предметы, которые относились еще к дохристианской эпохе. То тут, то там крестоносцы обнаруживали находки, разобраться в предназначении которых не могли. Пейену докладывали о найденных вещах, которые, по всей видимости, служили для проведения древних богослужений. Кроме того, часто попадались пергаментные свитки с надписями на латыни и на иврите. Со временем строительство постепенно заменилось раскопками.

Магистр распорядился, чтобы дальнейшие земляные работы вели только проверенные братья, которые умели молчать. Для расшифровки текстов Гуго пригласил несколько иудеев. Переводчики трудились день и ночь. В конце концов результатом их трудов стало то, что в руках у тамплиеров оказались древние знания, воплощение самой мудрости. Вавилонские звездочеты и египетские жрецы рассказывали со страниц старинного учения о всем мире и о месте человека в нем.

Из латинских источников стало ясно, что под Храмовой горой спрятаны сокровища Храма Соломона, закопанные римскими легионерами. И рукописи с древними премудростями, и указание на наличие сокровищ являлось большой тайной ордена. Только несколько братьев-рыцарей знали о находках и их значении. Братьям-послушникам, которые являлись на первых порах основной рабочей силой, не полагалось знать вообще ничего. Полную же картину событий мог составить только магистр, к которому стекалась вся информация.

Особую смекалку при раскопе древних строений проявил молодой паломник брат Мондидье. “Ora et labora”. — “Молись и трудись”. С утра до ночи, не покладая рук, разбирал пилигрим под руководством тамплиеров каменные завалы и, не переставая, молился. Работать приходилось все светлое время суток. Если

утром и вечером условия были еще сносные, то полуденная жара сводила с ума. Соленый пот застилал глаза, руки до волдырей стерты от работы кайлой, но впереди благая цель — построить новый храм. Одержимому Роллану в руки первому попали старинные рукописи, так повлиявшие впоследствии на мировоззрение “Нищих рыцарей Христовых”.

Вскоре каменщикам попали в руки первые золотые монеты, которые указывали, что находка спрятанных сокровищ Храма не за горами. Дальнейшие раскопки тамплиеры проводили в строжайшей тайне, скрывая их даже от иерусалимского короля, не говоря уже о братьях-госпитальерах. Все найденное на Храмовой горе свидетельствовало о том, что тамплиеры напали на золотую жилу. Что касается Мондидье, то он знал слишком много для простого брата-послушника. Собравшийся капитул из девяти высших братьев-рыцарей стоял перед дилеммой: либо сделать находки достоянием всеобщей гласности, и такое может случиться, если послушники раскроют рот, либо умертвить тех, кто слишком много знал.

— Негоже начинать богоугодное дело со смерти ни в чем не повинных братьев-послушников, — говорил брат-рыцарь Андрэ.

— Мы не можем полагаться на неокрепшую молодежь, — спорил с ним храмовник Годфруа, — наша тайна принадлежит только нам, а желторотые юнцы не смогут ее сохранить.

— Предлагаю отправить всех послушников на бой с сарацинами, смертельная схватка покажет, кто чего стоит, — предложил старый Эйнан.

— Но ведь мы пошлем молодежь на верную смерть, — усомнился Андрэ.

— Все мы когда-нибудь умрем. Умереть с мечом в руке — лучшая доля для рыцаря, — ответил Годфруа и продолжил: — Освобождение от земных уз, от рабства своему телу богоугодное дело.

— Пусть наши братья докажут, что имеют право на нашу тайну, отправьте их к Дамаску, пусть своими подвигами убедят нас, что они достойны звания рыцаря Храма, — резюмировал Пейен.

17

— Котов! Где Котов? — раздался голос медсестры за дверями сортира.

Андрей очнулся. Рядом никого не было, все давно вышли из туалета. В руках торчал погасший бычок.

— Здесь я, — прокричал Андрей и начал растирать щеки ладонями, чтобы прийти в себя. “А где же братья-рыцари? — думал он. — И где этот Печень, который получил пятерку за

курсовую о крестоносцах?”

— После завтрака на комиссию! — снова донеслись до больного слова медсестры.

На завтраке Андрей не стал есть кашу и обменял ее на сигарету у больного по кличке Ус, который, несмотря на свою худобу, ел больше, чем его более плотные товарищи по несчастью. Себе новичок оставил только кусок хлеба, который, при известных обстоятельствах, тоже мог пригодиться в больничном товарообмене.

После завтрака новичка посадили около входа в отделение, велев ждать, когда его позовут врачи. Мысль пациента лихорадочно работала. “Как мне доказать комиссии, что ко мне действительно приходят рыцари-тамплиеры и общаются со мной? Ведь я уже видел их несколько раз. Откуда у меня в голове такие подробности о крестоносцах, ведь я никогда не был на Святой земле? Их мог мне сообщить только храмовник, кто же еще? Итак, я здоров и потребую у врачей признать этот очевидный факт. А если эти коновалы не согласятся со мной, я пригрожу, что подам заявление в суд!”

Согласно заведенным среди психиатров правилам, поставить диагноз впервые попавшему в больницу для душевнобольных можно было только коллегиально. Таким образом с врачей снималась вина за, допустим, неправильно поставленный диагноз. Для освидетельствования новичка собралась комиссия из трех эскулапов. Андрея вывели из отделения и провели к кабинету заведующего.

— Андрей, входите, — пригласил пациента Игорь Николаевич. Санитар подтолкнул больного в спину, и, оглядываясь по сторонам, Андрей вошел в уже знакомый кабинет.

— Присаживайтесь, — продолжал лечащий врач.

Табуретка, на которую предлагали сесть пациенту, стояла посереди большого просторного помещения. В кабинете стояло три стола, за которыми сейчас сидели врачи. Окна в кабинете были зарешечены так же, как и во всей больнице. Сквозь не очень прозрачные стекла в помещение проникали лучи неяркого декабрьского солнца.

Психиатры поочередно задавали пациенту вопросы. Сначала один врач, толстый дядька с блестящей лысиной и глубоко посаженными глазами, все допытывался, не кажется ли пациенту, что он какой-то особенный. Андрей ответил:

— Конечно, кажется!

— А почему?

— Я могу общаться с душами покойных рыцарей.

— А что это за рыцари?

— Это рыцари ордена Храма.

— Простите, кто это такие?

— “Бедные рыцари Христовы”, тамплиеры, борцы за освобождение Гроба Господня!

— Видели ли вы их? Или только, так сказать, общались с их душами?

— Да, видел!

После этих слов пациента толстяк удовлетворенно закивал головой, не задавая больше вопросов.

— А где вы их видели? — вопрос Игоря Николаевича поставил пациента в тупик.

— Они выходят из потока света, — многозначительно сообщил комиссии больной, — а также приходят ко мне во сне.

— А вы можете с ними общаться, разговаривать, например?

— С тамплиерами? Да, могу.

— И вы слышите их голоса?

— Да, я же разговариваю с ними.

— А сейчас слышите?

— Сейчас нет. Рыцари сами выбирают время, когда говорить со мной. Они приходит ко мне и рассказывают о своем паломничестве на Святую землю.

— Скажите, Андрей, а давно ли вы стали, так сказать, общаться с крестоносцами? — спросил худощавый, высокий, темноволосый врач, при этом на его лице промелькнула улыбка.

Пациент возмутился недоверчивым отношением психиатра к своему рассказу и с вызовом ответил:

— Недавно, но это ничего не значит.

— И все-таки когда вам стало ясно, что эти тамплиеры живы? — продолжал спрашивать брюнет.

— Недели две назад. Однажды ночью, когда я долго не мог заснуть, из лампочки появился рыцарь, я даже знаю, как его зовут.

— Значит, последние ночи вы не спали?

— Да, сейчас, когда я удостоен чести общаться с “Нищими рыцарями Христовыми”, мне это ни к чему.

— Все ясно, Андрей, можете дальше не продолжать.

“Диагноз ясен, шизофрения, есть и голоса, психоз “а-ля Дон Кихот”, — думал Игорь Николаевич, — рыцарские бредни, которыми увлекались в детстве почти что все мальчишки, играя в “Трех мушкетеров”. Надо будет назначить жесткую терапию, думаю, за пару месяцев можно будет поднять больного на ноги”.

— Вы считаете, что вы здоровы? — спросил толстяк.

— Да, я абсолютно здоров! И требую, чтобы меня немедленно выпустили из дурдома! — попытавшись вскочить со стула,

выкрикнул Андрей. Жесткая рука санитара легла на плечо новичка и не позволила делать какие-нибудь движения.

— Выпускают, Андрей, из тюрьмы, а вы находитесь в лечебнице! — мягким тоном сказал Игорь Николаевич.

— А почему почти все ваши пациенты в наколках? В какой это лечебнице лежат одни зэки?

— Ну, не только зэки, есть и гражданские больные. Да вы, Андрей, не обращайте на это внимания. А бывших зэков тоже лечить надо, так что относитесь к ним как к обычным пациентам.

— Я ни в чем не виновен! Мне не за что сидеть в вашей тюрьме!

— А вам кажется, что вас в чем-то обвиняют?

— Но ведь поместили же меня в вашу психушку!

— Для вас это не тюрьма, а лечебница, где вам помогут. Кстати, мы дозвонились до ваших родственников, они скоро приедут. Вы можете идти в отделение.

— Вставай, пошли, — сказал санитар.

Андрей нехотя поднялся и, вспомнив Фофана, Касима и Туза, содрогнулся от мысли, что ему придется делить с ними крышу еще неизвестно сколько времени.

Когда врачи остались одни, они, не сговариваясь заранее, поставили диагноз: шизофрения приступообразная, вопрос о наличии паранойи пока открыт, по ходу лечения будет ясно, как пациент реагирует на нейролептики, если улучшения не будет, попробовать лечение инсулином.

18

Андрея снова привели в палату.

— Ну что, как с врачами поговорил? — спросил Карась.

— Да никак, все что-то выспрашивали, я им всю правду и рассказал.

— Про своих тамплиеров?

— Да, но они, похоже, не поверили. Но ты-то, Илья, веришь мне, что храмовники на самом деле существуют?

— Я же тебе говорил, что даже не знаю, кто это такие. Ты лучше с Печенем на эту общайся. Да брось ты гонять за своих рыцарей, лучше подумай, как курево достать, у меня последняя пачка. А приедут ко мне неизвестно когда.

— У меня есть одна сигаретка, у Уса на кашу выменял, — ответил Андрей. — Пошли покурим!

— Во молодец, сразу врубился за больничную тему, понял, что здесь все дашь на дашь делается! Но ты забыл, что ты в наблюдаловке, только через полчаса санитар выпустит.

— А если с ним поговорить?

— Фига с два, не выйдет, вот если бы Мишина смена была,

тогда шансы бы были, а с сегодняшним санитаром придется терпеть.

— Может, здесь покурим?

— Ухо сдаст, для него в порядке вещей стучать. Он этим и живет, за это его персонал подкармливает и куревом подогревает.

— Давай побьем его!

— На вязки попадем, он орать начнет, и нам же и достанется. Кстати, я тут с мужиками договорился, скоро нам в палату чифирь зашлют, пробовал когда-нибудь?

— Нет, а что это такое?

— Тот же чай, только очень крепкий, ты сразу кайф словишь.

— С сахаром?

— Ты че, сахар у чифиря весь вкус портит. Если только карамельку вприкуску пить, так где ее, карамельку, взять.

— И как чифирь действует?

— Сначала с непривычки тебе блевать станет охота, ты это перетерпи, а потом станет так легко, все покажется таким классным, сразу жить охота станет. Вот, кстати, и Борода. Ну что, Вася, принес?

Борода вытащил из-под полы больничного халата граненый двухсотграммовый стакан, наполовину заполненный темно-коричневой густой жидкостью. По палате разнесся приятный чайный запах. Не дремавший Ухов, сидевший через две кровати от компании, задвигал ноздрями и сразу стал просить:

— Мужики, оставьте мне нифеля!

— Ты, петушина, на нас стучишь, санитарам уши греешь, обойдешься, гребень! — ответил за всех Карась.

— Ну пожалуйста! Я на вас стучать больше не буду!

— Какая вера может быть к проткнутому?

— Меня по беспределу опустили!

— Знаем мы твой беспредел, за кулек пряников в рот взял!

— Это что, правда, Карась? — спросил потрясенный Андрей.

— Абсолютная! Да ты тут еще многого не знаешь, иногда волосы дыбом встают, до чего петушня дойти может.

Андрей, еще не подозревавший, что это за божественная штука чифирь, решил, что только попробует глоток, а потом, если не понравится, откажется.

— Ну, давай, по два хапка, — передавая Котову стакан, пробасил Илья.

Андрей осторожно отпил. Вяжущий вкус крепкой чайной заварки вызвал рвотный рефлекс. Только усилием воли новичок сдержал готовый вывернуться наружу желудок. Карась, видя, что Андрею не по себе, сказал:

— Погоди немного, сейчас у тебя это пройдет, здесь все

отделение на чифире и циклодоле, тебе тоже привыкать надо!

Через некоторое время первое отторжение чифира прошло, и Андрей сделал еще глоток. Через пару минут приятели выпили всю жидкость из стакана. Внезапно Андрею сделалось очень легко, больничная обстановка перестала угнетающе действовать, и даже захотелось смеяться. Андрей почувствовал, как сердце усиленно забилось в грудной клетке, разгоняя по телу кровь. Новичку даже захотелось поиздеваться над придурком Уховым и напинать ему под зад за то, что помогал санитару связывать Андрея. Карась, видя подъем душевных сил у своего приятеля, авторитетно сказал:

— Ну что, понял, в чем тут кайф?

— Ага, классная штука!

— Когда к тебе приедут, проси привезти заварки. За чай в этой больнице все, что угодно, можно сделать. Только есть одна закавыка.

— Какая?

— Официально чифирь здесь пить нельзя, поэтому как-нибудь объясни своим, когда приедут, чтобы чай тебе передавали незаметно от медсестры.

— А при чем здесь медсестра?

— На любой свиданке присутствует кто-нибудь из персонала. Здесь же тюремные правила. Поэтому пронести чай большая проблема. Либо надо медсестре что-нибудь дать, ну, например, коробку конфет, чтобы молчала, либо тайком пронести.

— Заметано!

На дне стакана, из которого товарищи пили чай, оставались разбухшие чайные листья, так называемые нифеля.

— Кирпич, это тебе, — сказал сидевшему рядом Славику Илья. Слава, недолго думая, вытряхнул содержимое стакана в рот и, к большому удивлению Андрея, стал жевать чайные листья.

— Понял, Андрей, в какой цене здесь чай! — спросил не переставшего удивляться новичка Карась.

В этот момент из коридора донеслось:

— Котов, на свидание, к тебе приехали!

От радости сердце больного забилось еще быстрее. Поблагодарив Карася за чай, Андрей стремглав выскочил из палаты.

19

Комната для свиданий представляла из себя небольшое помещение с маленьким окном. Посереди стоял стол и несколько табуреток для посетителей. На отдельном стуле сидела медицинская сестра Людмила Михайловна по кличке Чикота, тучная женщина за сорок, с неравномерно покрашенными в

малиновый цвет волосами. Медицинскому персоналу вменялось в обязанность наблюдать за свиданием пациентов с родственниками. Из-за таких правил поговорить о чем-либо с больным с глазу на глаз было невозможно. Кроме того, присутствовавший при встрече медицинский работник должен проверять содержимое передачек. Чикота, дежурившая сегодня на свиданиях, отличалась тем, что особенно рьяно искала недозволенные к проносу в отделение предметы. Она внимательно осматривала каждую емкость с напитками, все продукты, ощупывала личные вещи, включая даже трусы. Пронести в отделение в ее смену чай, не говоря уже о водке, было невозможно. За свою въедивость Людмила Михайловна и получила кличку, производное от фамилии известного маньяка Чикатило.

Родители, приехавшие на свидание с сыном, привезли несколько мешков с продуктами, зубную щетку и мыло, полотенце, а также смену белья. Все привезенное было тщательно досмотрено.

— Здравствуй, Андрюша! Здравствуй, дорогой! — увидев сына, сказала мать, пытаясь обнять своего отпрыска.

— Заберите меня отсюда! — не поздоровавшись, выкрикнул Андрей.

— Ну, как мы можем тебя забрать? — спросила женщина.

— Заберите, и все, вы же не считаете меня больным?

— Заболеть может каждый, — начал сердиться отец, — если врачи считают, что надо лечиться, то, значит, надо.

— Я не болен! — продолжал упорствовать пациент.

— Сынок, ты ведь, наверное, голоден,— переводя разговор в другую плоскость, заметила мать и продолжила: — Поешь немного. Вот тут пельмени, какие ты любишь, горячие еще, — говорила она, гладя сына по голове.

Андрей впервые за последнюю неделю захотел есть. Попытавшись поддеть пельмень из горшка, больной выронил вилку. Руки отчаянно дрожали и не подчинялись хозяину.

— Давай я тебя покормлю, — вытирая вилку платком, сказала мать.

— Вот видишь, как меня лечат, скоро я и ходить не смогу! Тут из меня идиота сделать хотят!

— Андрюша, подумай, ну кому нужно делать тебя идиотом?

— Врагам Христова воинства!

— Далось тебе это Христово воинство! А насчет дрожания рук я уже переговорила с врачом, он сказал, что это тремор, побочное действие лекарств. После твоего выздоровления все это прекратится.

— Так ты уже побеседовать с врачом успела?

— Да, он сказал, что у тебя та болезнь, которой переболели многие великие люди. Еще он добавил, что твоей учебе в аспирантуре это не повредит.

— А на работе знают, что я в дурдоме?

— Нет, я позвонила в твой институт и просто сказала, что ты заболел. Да ты не беспокойся, люди там понимающие, они, кстати, тебе привет передают.

— А Ленка звонила?

— Нет, ты, наверное, ее напугал, в последние дни все про своих “Нищих рыцарей Христовых” говорил.

— Ленке ни в коем случае про болезнь не говорите, если что, скажите, что на конференцию в другой город уехал. А курево привезли? — разбирая привезенные продукты, поинтересовался отпрыск.

— Привезли, по талонам выкупили в магазине, восемь пачек “Кометы”, отец длиннющую очередь выстоял.

— А почитать что-нибудь? — успокоившись от положительного ответа, спросил Андрей.

— Ой, забыли. Что тебе принести? Может, детективы?

— Нет, привезите книжки Мориса Дрюона.

— Хорошо, только не потеряй их здесь.

— А когда вы в следующий раз приедете?

— Тут все по расписанию, приехать можно только два раза в неделю, в четверг и воскресенье. Так что через четыре дня.

— Все, свидание закончено, — грозно сказала Людмила Михайловна.

— Но можно еще немножко поговорить? — попросил Андрей.

— Нет, сказано нет, значит, нет. Свои порядки дома у себя устанавливай.

Андрей с набитыми продуктами карманами нехотя отправился в палату.

20

— Угости чем-нибудь, угости! — послышались со всех сторон возгласы обитателей дурхаты, как только Андрей зашел обратно в отделение. Новичка окружили человек пять или шесть, которые наперебой просили поделиться с ними:

— Ну, пожалуйста, хоть пряник или конфету! К нам приедут, мы тоже тебя угостим!

Андрей не выдержал напора попрошаек, которые буквально висели на нем, хватая его за рукава халата, и угостил сначала одного, потом другого. Вскоре больные просто стали бесцеремонно вырывать у неопытного новичка съестное прямо из рук, а Ухо залез даже в карман. К тому времени, когда Андрей

дошел до Ильи, у новичка уже ничего не осталось.

— Ну, что, есть у тебя что-нибудь пожевать? — спросил, предвкушая трапезу, Карась.

— Илья, извини, у меня, кажется, с собой ничего не осталось…

— Раздал, что ли?

— Ага.

— Ну ты даешь! Я тебе и курево, и чифирь, а ты все свое каким-то петухам скормил.

— Так они на меня набросились, дай да дай!

— В следующий раз умнее будешь. Один раз тебя раздраконили, теперь не отстанут. Они ведь чувствуют, у кого слабый характер, кого можно грабануть, все растащат и спасибо не скажут.

— Илья, у меня же передачка еще есть, вечером поедим.

— А ты больше никому не обещал?

— Нет.

— Вот и лады. Че хоть тебе привезли?

— Ну, там конфет, яблок, печенья. В общем, двоим поесть хватит.

— На обед пойдешь? — продолжал разговор Карась. Сидевшие рядом Фикса и Сухарь навострили уши.

— Нет, ты что, я и так на свиданке объелся.

— Тогда скажи санитарке, чтобы твою порцию мне отдала.

Обед прошел как обычно, во время еды в отделении наступило время почти полной тишины. Пациенты, увлеченные поглощением обеда, разом все замолчали, и только стук ложек о тарелки свидетельствовал о том, что жизнь в отделении идет своим чередом. Закончив еду, больные по заведенной привычке выстроились в длинную очередь за лекарствами. Стоявшие в очередь Фикса и Сухарь вполголоса говорили:

— Этот Карась совсем оборзел, у новенького весь обед захапал, даже ни с кем не поделился, — заявил Вова.

— Точно, и чифирь только с этим Котом пил, — сказал неприязненным тоном Олег.

— Это Илья потому такой наглый, что с блатными знается. И этот, новенький, тоже хорош.

— Точно, только приехал, уже ему и чифирь, и сигареты! — с завистью сказал Фикса.

— И приехали к нему сразу, тут месяцами свиданки ждешь, а этот двух дней не успел пролежать, как к нему приехали.

Слышавший этот разговор Ухо подлил масла в огонь:

— Сегодня и вчера новенького к врачу вызывали. Неспроста это, наверняка этот Кот стукач!

— Может, побить его? — осенило Сухаря.

— За него Карась заступится и все блатные, потому как у Ильи с блатными все чики-чики, — отозвался Фикса.

— А мы замутим тему, что этот Андрей сдает нас всех медперсоналу, тут блатные и сами ему навешают, — продолжал интриговать Ухо.

— Вот ты и замути, — предложил Лене Сухарь.

— Меня блатные слушать не будут, лучше вы, — ответил Ухов.

— А если выяснится, что это не так, то мы огребем по полной, — засомневался Сухарь.

— Тебе-то, Ухо, терять нечего, потому как ты петух. А нам свои задницы беречь надо, — резюмировал Фикса.

Ничего не подозревавший о кознях, которые против него строила троица, Андрей тем временем, прикусив губу, терпел боль от поставленного ему укола. Кроме укола на этот раз ему полагалась маленькая таблетка. Как объяснил позже Карась, эта таблетка и есть вожделенный циклодол, официально применяемый при лечении душевнобольных наркотик. Минут через десять после его приема у новичка сильно захорошело в голове, краски стали ярче, все показалось таким легким и радужным, что Андрей даже удивился, что еще несколько минут назад он пребывал в страшной тоске. Новичок, чтобы не терять кайф, улегся на свою кровать и стал смотреть на лампочку, которая горела в палате день и ночь. На этот раз из света лампы вышло сразу несколько храмовников, конный отряд тамплиеров направлялся к Дамаску. Воины Христовы сошлись в неравной схватке с превосходившими силами сарацин. В воспаленном мозгу Котова прорисовывались все детали битвы, больной даже слышал удары мечей и вскрики раненых. Мондидье в этом ристалище поразил своим мужеством даже видавших виды крестоносцев.

21

Действие циклодола ослабло, и видение, которое было перед глазами Андрея, исчезло. Рядом на кровати сидел Карась, который тайком от персонала играл в карты с Юмбой. Несмотря на то, что в колоде не хватало нескольких карт, парочка с азартом играла в подкидного на сигареты. Ушлый Карась уже выиграл у медлительного Юмбы десять штук. Впрочем, проиграй Юмба и сто, и двести сигарет, отдавать проигрыш Карасю он бы не стал по той простой причине, что своего курева у него никогда не было.

— Ну че, Кот, поиграть в карты не хочешь?

— Можно, только я бы лучше еще циклодола хапнул!

— Вот видишь, Андрюха, как быстро на эту беду подсаживаются!

— Да не, я не подсел, — заупрямился Котов, — просто мне так хорошо стало, может, это и не от циклы вовсе.

— От нее, родимой, от нее! В больнице циклодол, как и чай, — главная валюта. Если он у тебя есть, все остальное ты получишь!

— А как его достать?

— Ну, во-первых, тебе его давать будут. Чтобы давали больше, скажи врачу, что тебя сковывает, для правдивости изобрази, что нога или рука у тебя не сгибается.

— А что во-вторых?

— Во-вторых, договорись с кем-нибудь, только не с мастевым, чтобы таблетки тебе отдавали.

— А что взамен?

— Куревом или чаем рассчитывайся. Из передачки что-нибудь отдай. Как уж сам договоришься. А обычно такса такая — четыре сигареты за таблетку. А с некоторыми и на кашу можно договориться, вот с Юмбой, например.

Услышавший свое имя Юмба подал голос:

— Мне циклодола только две таблетки дают.

— А я тебе за них кашу за ужином и обедом отдаю, идет? — предложил Котов.

— Заметано, только у меня уговор с Фиксой был, я ему всю неделю циклодол отдавать должен.

— Чего это ты ему так много задолжал? — спросил Карась.

— Он мне сигаретку целую отдал.

— Ну, этот Фикса совсем оборзел! У Кота за просто так кашу забрал, а тут за какую-то сигу тебя без циклы оставил, — возмутился Илья. — Решим так: Кот отдает Фиксе сигарету, которую ты должен этому очконавту, а ты, Юмба, всю циклу отдаешь за хавку нам с Андреем.

— Идет! — ответил толстяк.

— Понял, Фикса? — обращаясь к обладателю очков на резинке, сказал Карась.

Очкарик, понявший, что его выгодной больничной коммерции пришел конец, жалобно затянул:

— Дайте хотя бы две, я ведь на эти колеса мог целую пачку курева выменять!

— Закрой свой пердильник! — прикрикнул Илья и, обратившись к Андрею, добавил: — Кот, отдай ему сигарету!

Котов, которому все эти больничные обмены были в диковинку, неуверенно протянул неудачливому коммерсанту сигарету. Фикса схватил добычу и спрятал ее в трусы.

— На ужин! — раздалось в коридоре.

У Юмбы начался праздник желудка. Прием двойной порции пшенной каши толстяк растянул на пятнадцать минут, пока шел ужин, и уже последним отнес две вылизанные шлемки на стол для грязной посуды. Тем временем Кот угощал Карася передачкой, которую ему привезли родители. Илья почти целиком съел курицу-гриль, причем кости тоже не пропадали, их вместе с хрящом разгрызал Ухо, не подпуская никого из своей компании к поеданию такого деликатеса. Попытки нахально растащить передачку Илья пресек на корню, дав пинка Таньке и Вальке и отогнав других претендентов на получение халявной хавки.

После приема скудной больничной пайки пациенты, покурив в сортире, рассредоточились по своим палатам. За больничным зарешеченным окном стало совсем темно, наступил тягучий вечер. Делать было нечего, при свете стоваттной лампы даже в карты играть было трудно. Илья начал рассуждать о жизни:

— Самое главное в жизни — не мешать жить другим. Ты не будешь мешать — тебе никто мешать не будет. Зарабатывай тихо себе на жизнь и не зарься на чужое.

— А как же, Илья, быть с тем, что сам ты на кражу пошел? Позарился?

— Ты, прямо как следак в ментовке, рассуждаешь. Тот тоже мне все на психику давил, обещал за чистосердечное признание срок скостить. А сам мне все втирал, что это у меня не первая кража, что если сознаюсь в других, то мне же лучше будет. Хотел на меня чужие дела повесить. И ведь если бы повесил, то куковать мне в этой дурхате до смерти.

— Но ведь кража-то была.

— Опять ты, как мент, рассуждаешь! — рассердился Карась. — Ты бы видел, что за квадрат была та квартира, которую я ошманал! Три телевизора, два музыкальных центра, все японское. А в холодильнике! Брат ты мой, икра черная, икра красная, балык лежит полметра длиною! И выпивка, какой я никогда не видал, виски, пиво баночное. Ну, я и попал, ведь три дня не жрамши и не пимши! А тут еще голоса у меня начались, говорят, мол, это специально для тебя приготовлено, бабий голос такой, ну я и набросился на еду. Нажрался по горло, на радостях виски начал пить. А голоса говорят, пей, пока всю бутылку не выпьешь, не уходи. А виски-то в голову шарахнуло! Заснул я, а проснулся оттого, что кто-то мне в харю ботинком пнул. Открываю глаза — менты стоят и хозяин, у него рожа больше моей раза в два, живот из штанов вываливается, зубы все золотые. Он-то меня и пнул, так что кровь изо рта пошла. Будь я трезвым и встреться я с ним

один на один, так я бы ему физию попортил бы. А так что, подниматься я стал, а он меня еще в живот ногою. Дыханье у меня сорвалось, я опять свалился. В общем, попинал он меня, а менты потом еще добавили.

— Да, за бутылку виски и хавку мотать срок обидно, — согласился Котов.

— Вот сейчас ты рассуждаешь как человек. Я больше тебе скажу, Кот, у меня, кроме пенсии, другого заработка нет. А ее задержали на три месяца. Попробуй проживи без денег хотя бы неделю! Да и что моя пенсия! Сам знаешь, что в магазинах, кроме соли и спичек, ничего нет. А с рук брать, так моего пособия хватит только на двадцать пачек “Примы”. А ведь надо еще жрать на что-то!

Расстроенный неприятными воспоминаниями Карась замолчал. За дверями палаты раздалось:

— На аминазин подходим, придурки!

Котов нехотя поднялся и, заранее представляя болезненный укол, весь съежился. Медсестра с засученными рукавами халата заученным движением делала инъекции, вводя в оголенные зады пациентов снотворное. Уже в палате Карась, продолжая начатый разговор, заметил:

— Вот точно, жадность губит людей побольше любой другой напасти! Вот не стал бы я тогда пить, а вынес бы из хаты магнитофоны и телевизоры, год бы безбедно жил, а так… Уж и не знаю, когда теперь на воле окажусь.

— А на черта она, эта воля! — прервал монолог Ухо. — Здесь хоть кормят, и крыша над головой, а на воле — с голоду умирать, что ли?

— Ты, масть позорная, молчи уж лучше, — рассердился Карась, — ты за хавку удавиться готов.

— У вас, наверное, в городе есть где жить, а мне вот, например, податься некуда, — подлил масла в огонь спора Чомба.

— А куда у тебя жилье-то делось?

— Да никуда, тетка моя взяла на себя опекунство надо мной и сразу в дурдом отправила, а в моей квартире, что от матери мне досталась, живет сейчас ее дочь. И уж точно я там никому не нужен.

— Ну, у тебя другое дело, а у этого Ухова наверняка дом есть, — смягчился Илья.

— Нет у меня жилья, — ударился в слезы Леня. — Детдомовский я, всю жизнь по казенным домам, ни отца ни матери не видел!

— Че расчувствовался-то? Ты петухом-то стал что, потому что в детдоме жил?

— У нас там был такой Слава Рябоконь, погоняло Ряба, он на два года старше был, заводил нас в туалет и там… Вот с этого и пошло.

— Ну, а сейчас-то почему от своей петушиной профессии не отказываешься?

— А что толку, все равно ведь все знают…

— Все правильно, — резюмировал Карась, — как говорится, береги честь смолоду!

Андрей не дослушал окончания разговора о жестокости судьбы обитателей дурхаты и заснул. Яркие цветные сны, которые снились Андрею, несмотря на свою нереальность, переживались больным так сильно, как если бы все происходило наяву. Свою роль здесь играл аминазин. Это снотворное обладало наркотическим эффектом и вызывало возникновение в голове у пациента красочных образов и картин. Котову казалось, что он лежа, связанный по рукам и ногам, едет в каком-то фургоне. Колеса телеги постоянно ударялись о камни, из чего связанный сделал вывод о том, что дорога, по которой двигается экипаж, явно плохо вымощена.

Рядом с юношей, у изголовья лежанки, сидел монах-цистерцианец в белом облачении и, перебирая четки, тихо молился.

— Ну, что, Роже, ты очнулся?

22

Юный француз, оглянувшись по сторонам, тихо попросил воды. После этого, явно не понимая, почему он связан попросил ослабить веревки. Только что с небывалой четкостью Роже видел себя в каком то помещении, окруженный какими то неопрятно одетыми, обросшими людьми. “Что это было? — думал он. — И почему я связан? В каком времени я нахожусь?”

— Развяжите меня! — попросил Роже.

— А вдруг ты опять будешь буянить? — спросил монах.

— А я что, буянил?

— А как же, чуть без воды и хлеба нас не оставил. Все говорил, что голос какой-то слышишь.

— А я ничего не помню…

— Ничего, через пару часов мы подъедем к крепости Крак, там тебе помогут, братья-иоанниты поднимают на ноги даже расслабленных!

Когда за последней телегой каравана поднялся подвесной мост и закрылись тяжелые, кованные железом ворота, Роллан подошел к фургону, где везли Роже. Рыцарь откинул занавеску и приказал цистерцианцу:

— Развяжи его!

Монах, с трудом распутывая узлы веревок, освободил юного безумца. Брат-рыцарь, смягчив как можно больше интонацию, обратился к Роже:

— Ну, вот, приехали, здесь тебе помогут!

Потирая затекшие руки, Роже спросил у брата-рыцаря:

— А когда же я попаду в Иерусалим?

— Подлечись немного. Я скоро поведу новый караван и возьму тебя с собой, это будет дней через десять.

— Обещаете?

— Обещаю. Если сам в живых буду. Здесь ведь так, сегодня жив, а завтра Богу душу отдашь!

Юношу отвели в большое серое здание, которое являлось богадельней.

Брат-госпитальер, опытный врач, поговорил юношей и пришел к выводу, что пациент время от времени бредит. Брат-сержант приготовил по рецепту врача темно-коричневую настойку и подал больному. Роже пить не хотел и себя больным не считал. Пришлось вливать юноше снадобье насильно. Через некоторое время после приема лекарства пилигриму стало очень хорошо и захотелось спать. Юношу проводили к его кровати. Рядом с новичком лежали страдавший падучей брат-рыцарь и византийский монах по имени Константин, у которого было кровотечение из внутренних органов.

Молодой француз проснулся через сутки. Караван, с которым он следовал, уже уехал. Роже сильно захотел есть. Брат-госпитальер, увидев, что юноша проснулся, спросил:

— Ну, что, легче стало?

— Все нормально, только голова кружится.

— Это от лекарства и истощения. Сейчас я принесу тебе поесть!

От принесенного на подносе ужина у больного потекли слюнки. Кусок баранины, приготовленный на огне и посыпанный пряностями, издавал дразнящие ароматы. Помолившись перед едой, пилигрим впился зубами в сочный кусок мяса. Потом, вспомнив свой призыв к посту, сильно смутился.

— Ешь, ешь, — говорил госпитальер. — На больных пост не распространяется, твоя болезнь уже серьезное испытание, не требующее дополнительных ограничений.

Константинопольский монах, который, несмотря на свою болезнь, от скоромного отказался, заметил:

— Физическое страдание ничто, оно лечит душу. Не надо идти на поводу у собственной плоти!

Страдавший от падучей брат-рыцарь Луи заметил:

— Тысячи не соблюдают пост, и ничего!

— Ты, брат-рыцарь, ведь монах, а говоришь такие вещи!

— Я лишь хочу сказать, что больному можно сделать послабление!

— Вы, братья-крестоносцы, постоянно нарушаете те обеты, которые вы обязаны соблюдать. Что говорит одна из заповедей? Не убий! А вы, сражаясь с неверными, постоянно проливаете кровь!

— Убить неверного — богоугодное дело! И что делать, если на твой дом напал грабитель? Позволить ему разорять твое жилище?

— Спаситель сказал: “Ударят по правой щеке, подставь левую!” У нас в Византии воинов, а не то что монахов, на пять лет отлучают от причастия, если они убьют в бою хоть одного турка!

— И кто вас будет тогда защищать от сарацинов?

— На все воля Всевышнего! Дело монаха молиться, а не воевать. Нам даже запрещено защищаться мечом от разбойников!

— Это не воля Всевышнего, это ваше неумение защитить свою веру!

Спорщики уже забыли, что было причиной спора, и отчаянно продолжали, сыпля аргументами, взахлеб ругая друг друга.

— Далее, — говорил византиец, — братья-храмовники дают деньги в рост. Это противно христианскому учению.

— Божье — Богу, кесарю — кесарево. Если не считать деньги, то все рухнет, кроме того, лично для себя ни один рыцарь Храма не взял ни дуката! Деньги ордена принадлежат Богу!

— Но золото-то лежит в ваших замках!

— Брат-византиец! Не следует тебе осуждать других, ведь Христос сказал: “Не судите, да не судимы будете!” — вступился за крестоносца Роже и добавил: — Благодать Божья распространяется на каждого, кто верит в Святое Воскресение, любви Христовой хватит на всех!

— Мудрые не по годам слова говоришь, отрок, — одобрительно отозвался брат-рыцарь.

Польщенный похвалой бывалого воина Роже продолжал спор:

— Почему вы, восточные христиане, отрицаете то, что сама Дева Мария родилась в результате непорочного зачатия? Ведь очевидно, что Богомладенца Христа не могла родить простая земная женщина!

— Мы признаем только непорочное зачатие самого Христа, на это есть указание в Евангелии!

— А как же быть с устной традицией? — возмутился Луи. — Ведь не случайно десятки тысяч западных христиан думают так же, как я и Роже? Отрицать божественную природу появления самой Матери Божьей это фарисейство, слепое следование букве

закона! — Рыцарю захотелось еще что-то сказать, но тут черты лица его исказились, руки стали загребать воздух, и несчастного начало трясти. К эпилептику подбежали несколько братьев-иоаннитов и схватили бьющегося за руки, одновременно вставив в рот больного обернутую тряпкой ложку.

Константин уже пожалел, что невольно стал причиной страданий крестоносца, и тихо молился на греческом языке. Роже тем временем обтирал пену с губ больного падучей, а также прикладывал мокрую тряпку к темени брата-рыцаря.

23

Карась, только что хохмивший над Уховым, валялся в проходе между кроватями и бился головой об пол.

— Это у него припадок, — закричал Чомба, — надо позвать врача!

Испуганный Андрей подбежал к двери и, барабаня в нее кулаками, звал на помощь санитара. Михеич, находившийся около палаты, неторопливо открыл дверь и недовольно проворчал:

— Что тут у вас?

— Человеку плохо! — заорал Андрей.

— Мне вот тоже, может быть, не очень хорошо, — съязвил санитар, — однако на уши никого не поднимаю! Сейчас придет медсестра, разберемся.

Больные сами подняли Илью на кровать. Светлана Павловна, чья смена попала на сегодняшний день, вкатила Карасю укол, после чего больной постепенно успокоился.

Пришедший в себя через несколько минут Карась, которого санитар с помощью Ухова прочно привязал к кровати, спросил:

— Что со мною было?

— Да затрясло тебя, мы медсестру и вызвали! — ответил за всех Котов.

— Нет худа без добра, хоть релашку на халяву поставили, и то хорошо! — вымученно произнес Илья и продолжил: — Со мной такое иногда бывает, трясет меня. Кроме шизухи, еще и эпилепсия. Падучая у меня началась после того, как меня нейролептиками лечить стали… Перед приступом так хорошо становится, а потом как замыкает в мозгу, и больше ничего не помню.

— Напугал ты меня, — сознался Андрей, — я еще ни разу в жизни эпилептического припадка не видел. Сначала мне показалось, что ты просто так это, а как на пол упал, думал: все, хана тебе пришла.

— Ты, Кот, раньше времени меня не хорони, я всех в этой палате переживу! — попытался улыбнуться Илья.

— От психических болезней еще никто не умер, — ввязался в разговор Ухов, — это тебе не рак и не инсульт.

— О, какие ты слова-то знаешь, Ухо, даром что петух первостатейный, — отозвался Карась.

— Я еще не то знаю, — сказал польщенный гомосексуалист.

— А что, например?

— Знаю, из чего лекарства делаются, которыми нас лечат.

— Ну и из чего?

— Из голов крупного рогатого скота, коров то есть. Вытряхивают мозги из черепа и спиртом разводят, а потом нам под видом таблеток дают.

— Ты какую-то ахинею несешь, — заметил Карась, — если бы так было, то таблетки наши спиртом бы пахли, а они ничем не пахнут, и безвкусные еще в придачу.

— Ну, это я не знаю, а что так таблетки готовят, так мне это один санитар сказал, а он не врал никогда.

— Это ты по своей непроходимой тупости шутку от правды отличить не можешь.

— Всем спать, — приказал Михеич, — кто будет разговаривать, того сразу на вязки!

Неугомонные пациенты разбрелись по своим кроватям. Через пять минут храп нескольких глоток начал выводить незамысловатую мелодию, под аккомпанемент которой заснул и Андрей. Ночью ему впервые приснились не храмовники, а Лена. Во сне подруга Андрея ласкала Котова и, раздевшись, прижималась к своему избраннику. Когда ласки достигли кульминации, девушка встала и, скривив физиономию, громко сказала Котову:

— Ты шизик, от тебя не будет нормального потомства, я ухожу от тебя!

Андрей проснулся. Оглядевшись по сторонам в поисках Лены, Котов увидел лишь спящих соседей. Новичку отчаянно захотелось выйти из больницы и спросить у своей подруги, почему она так жестоко отнеслась к нему. “Да что я так забеспокоился? Ведь это только сон. Да и даже если бы она решила бросить меня, на ней свет клином не сошелся, есть и другие девушки. А все-таки приедет она ко мне или нет?” Андрея охватило отчаяние. “А вдруг мне всю жизнь придется провести здесь, например, как Юмба. И никакой личной жизни. А ведь я еще так молод! Я так многого хочу, у меня вся жизнь впереди!”

Котов перевернулся на другой бок и постарался заснуть. Череда неясных, расплывчатых образов пронеслась в голове страдальца, и наконец наступил долгожданный сон.

Утром Котов проснулся оттого, что Фикса орал на всю палату на Ухова:

— Это ты стащил мою зажигалку!

— Не, ты че, Толя, б...ю буду! Это, наверное, Кот стащил, — переводил на Андрея стрелки Ухо.

— Кот, ты не брал зажигалку?

Андрей, еще не совсем понимая, о чем идет речь, произнес сонным голосом:

— Фикса, тебе что, делать нечего?

— А вот есть свидетели, что ты зажигалку мою ночью сп...л!

— И кто это такой умный? — возмутился Андрей.

— Ухов, подтверди! — брызгая слюной, орал Толя.

— Точно он! — просипел Ухо, обнаглевший от того, что его вечный враг Карась привязан к кровати, и продолжил: — Обыскать его надо! Выворачивай карманы, говори, куда зажигалку спрятал!

Андрей понял, что сложилась ситуация, когда сам виноватый в краже громче других кричит “держите вора!”.

Тем не менее подозреваемый вывернул все карманы.

— Ты кровать свою покажи! Наверняка под подушкой спрятал, — неистовствовал Фикса. После того как парочка обыскала всю кровать, недовольный Олег сказал:

— Ну, ты и крыса, Кот, сп...л зажигалку и так спрятал, что найти невозможно. Я объяву делаю, что Котов крыса!

— А вот за то, что ты, Кот, скрысил зажигалку, тебе знаешь, что по зоновским законам полагается? — строя из себя многоопытного зэка, поинтересовался Ухо.

— А вот пусть он за воровство отдаст тебе, Фикса, всю передачку. У тебя осталось что-нибудь от передачки?

Андрей, возмущенный клеветой, не выдержал и треснул мастевого по морде. Не ожидавший такого ответа Ухо упал на пол, при этом из него выпала та самая зажигалка, из-за которой чуть не пострадал новичок.

— Так это, Ухо, ты, оказывается, крыса! — вскричали обитатели наблюдательной палаты и толпой набросились на петуха. Интригану досталось по полной. Сидя после экзекуции на своей кровати и утирая разбитый возмущенными пациентами нос, Ухо высказал в адрес Андрея угрозы:

— Я все врачам расскажу, про других не скажу, а про тебя все расскажу, что ты мне нос разбил и что других на меня натравил! Пусть тебя на галоперидол посадят. И будешь ты в этой больнице до старости сидеть, а тебя все колоть будут!

— Ты мало получил, что ли? — спросил возмущенный Андрей, вставая со своей кровати, чтобы добавить наглому

петуху.

— Михеич! — заорал во всю глотку Ухов.

— Что случилось? — открывая дверь палаты, спросил санитар.

— Тут этот, новенький, избил меня! Привяжите его, он мне нос разбил!

— Ты че, молодой, тут свои порядки устанавливаешь? — грозно спросил Андрея Михеич. — Руки, что ли, чешутся, так я тебя сейчас враз привяжу, будешь со своим другом Карасем сутки лежать, и никто тебя не отвяжет!

— Все правильно, дядя Слава, давай его привяжем! — радостно заголосил Ухо.

— Ложись на кровать, — скомандовал Котову санитар и обратился к Ухову: — Леня, неси вязки, сейчас прификсируем драчуна.

— Я сейчас! — радостно воскликнул мастевый и быстро принес длинные веревки, которыми обычно привязывают буйных больных. Андрей попытался сопротивляться, но здоровенный санитар вместе с подлым Ленькой привязали новичка за руки и за ноги да еще пропустили веревку под головой.

Завтраком Карася и Котова кормила старая медсестра, Полина Николаевна. Кормя Андрея, она все выговаривала ему:

— И что тебе спокойно не лежится, зачем драку затеял?

— Да это не я, это сам Ухов начал!

— А почему Михеич тебя привязал, а не его?

— Этот Котов мне в нос дал! — сообщил довольный Леня. — Хорошо, хоть Илья привязанным был, а то бы они вдвоем меня до смерти избили!

— Зачем, Андрей, дерешься? Мы ведь все врачам должны докладывать. Что прикажешь о тебе сказать?

Андрей, поняв, что все, что бы он ни сообщил, будет истолковано против него, замолчал. Полина Николаевна, накормив связанных, вышла из палаты.

— Ну, Кот, теперь я наконец-то могу с тобой разобраться! — воскликнул довольный Ухов. — Пока ты привязанный, я тебе всю физию разукрашу! — с этими словами подлый Ленька стал бить по лицу Андрея.

— Это тебе за разбитый нос, это тебе за то, что передачкой со мной не поделился, — зло ругаясь, наносил удары Ухов, — че, думаешь, с Карасем скентовался, так тебе и все можно?

— Я, когда с меня вязки снимут, тебе всю дыню расшибу, — сказал разъяренный Андрей. Это замечание стоило Котову еще нескольких ударов. Вскоре лицо новичка представляло из себя один сплошной синяк.

— Так-то вот, — сказал утомленный избиением связанного Ухов, — а будешь еще ко мне приставать, так я прямо врачу про тебя скажу, Игорь Николаевич тебе таких уколов назначит, что точно полным дураком будешь!

— Ну, все, Ухо, сегодня ночью ты получишь, — сказал наблюдавший за всем Карась.

— А ты-то что, Илья? Я ведь не тебе по морде надавал! — просипел Ухов.

— Я еще блатным скажу, а у них разговор короткий. Давно тебя в зад не трахали?

— Я мужик! — неуверенно вставил Леня.

— Ты такой же мужик, как я балерина! — ответил Карась. — Готовь свое очко, или ты в рот предпочитаешь?

— Пошел ты на х… — зло выругался Ухо. Интриган и сам понимал, что явно перегнул палку, но уж так ему хотелось оторваться хоть на ком-нибудь. Кто мог подумать, что за этого новенького будут мужики заступаться? Прикидывая неизбежную расправу со стороны больничных авторитетов, изгой еще больше возненавидел Котова.

Андрей тем временем постепенно забыл про недавний инцидент и остался наедине со своими мыслями. “Неужели вести себя нельзя по-человечески? Зачем в таких ужасных условиях еще ухудшать атмосферу? На кой черт Ухо обвинил меня в воровстве? Зачем ему это? Откуда у него такая ненависть?” Котов в своих размышлениях был немного наивен. Во всех казенных домах, в которых местные изгои провели большую часть своей жизни, отношения строились на постоянных интригах и беспримерной жестокости. Натерпевшись на своей шкуре, обиженные старались хотя бы на небольшое мгновение почувствовать себя на вершине социальной лестницы и попугать кого-нибудь. Такой стиль поведения на старых обитателях “крытки” не прошел бы. А вот отыграться на новеньких и хоть немного утешить свое уязвленное самолюбие — это было вполне возможно.

Вскоре Андрей поймал себя на мысли о своей подруге. “Что она сейчас делает? Будет ли ждать меня? Или, может, уже с кем-нибудь другим дружбу водит?”

25

Лена сидела в своем институте за бюро, на котором были аккуратно разложены такие скучные и малопонятные документы. В середине стола стояла фарфоровая вазочка. В нее девушка довольно часто ставила цветы, которые ей приносил Андрей. Ленка и раньше-то не очень жаловала свою работу, а теперь, когда в личной жизни произошла драма, и вовсе не хотела приниматься за нее. Автоматически, без всякого смысла девушка

перебирала папки с бумагами, пытаясь восстановить душевное равновесие.

“Что произошло с Андреем? — думала Ленка, вспоминая последнее свидание влюбленных. — Молол какую-то чепуху про рыцарей, говорил, что может общаться с загробным миром. Что все это значило?” Либо он наркоман, либо у него крыша поехала. И то и другое исключало возможность достойной перспективы отношений.

“И почему он не звонит? Уже четыре дня прошло после последней встречи. Раньше по нескольку раз в день по телефону разговаривали, а тут полное молчание. Позвонить, что ли, самой? Для начала в академию, в которой он работает, а потом, если что, ему домой”.

Девушка набрала номер и стала ждать. Трубку взял один из сотрудников института, в котором работал Андрей.

— Нет, на работе его нет, — ответил он и пояснил: — Он на больничном.

— А что с ним случилось? — спросила Лена.

— Не знаем, нам позвонили его родственники и сказали, что у него что-то со здоровьем.

На этом разговор закончился.

“Позвоню ему домой, может, там мне объяснят, что случилось. Но уже точно ясно, что Котов заболел. Чем?” Разговор с родственниками Котова у Лены не сложился. Ей сказали, что Андрей в больнице, на вопрос, что произошло с ее возлюбленным, замолчали и через несколько минут паузы ответили, что у него воспаление легких. На вопрос, в какой именно лечебнице находится Котов, родители Андрея ей не ответили. “Точно, с Котовым случилось что-то нехорошее, — интуитивно понимала девушка, — но что именно? Почему мне не говорят, в какой больнице он лежит? Значит, что-то скрывают. Неужели и точно у него что-то с головой? Вдруг у него шизофрения какая-нибудь? Хорошо, что я девственность сохранила. Развелось сейчас мужиков, которые на халяву с женщиной переспать готовы. За все надо платить. А с этим Котовым надо завязывать. Не хватало еще с инвалидом жизнь связывать”.

— Привет, Ленок! — поздоровался с девушкой Паша, вертлявый мужичок из соседнего отдела, известный тем, что не пропускал ни одной юбки. — Как дела на личном фронте?

— Все нормально, — соврала девушка, — лучше не бывает!

— А на дачу ко мне не хочешь съездить?

— А что мы там будем делать?

— В баньке попаришься, музыку послушаем, пивка попьем! — отвечал Пашка, предлагая стандартный набор увеселений,

которые от него слышали почти все женщины института возрастом до тридцати лет.

— А как же твоя жена?

— А зачем нам моя жена? Мы и вдвоем неплохо время проведем!

Лене очень хотелось и в баньку, и пивка попить, но, памятуя о своей концепции отношений между мужчиной и женщиной, она детским голоском пропела:

— Низя!

— Ну, низя, так низя, — ехидно ответил Паша и отошел к другой представительнице прекрасного пола.

26

— Ну что, стукач, петушина позорный, ты зачем на нормальных мужиков бочку катишь? — спросил Ухова Туз.

— Мужики, простите! Этот Кот — сам стукач! — плаксиво оправдывался Леня.

— За базар отвечаешь?

— Он к врачу ходит и все рассказывает, что в отделении происходит! — пустив слезу, оправдывался Ухо.

— Кто дырявому поверит! Ты сейчас все, что угодно, придумаешь. То, что ты мастер стрелки на других переводить, мы и раньше знали. А то, что обещал врачу на Кота настучать, так это вся палата слышала. Так что это ты, а не он, закладываешь нас. Теперь понятно, почему врач о всей движухе в отделении знает, — ощерив беззубый рот, сказал Туз.

— Точно, на прошлой неделе кто-то навел медперсонал на нашу дорогу, по которой водку проносили. Тогда Кота в больнице еще не было! — зло улыбаясь, просипел Касим.

— Валька, — обращаясь к другому больничному изгою, сказал Туз, — где твои женские трусы?

— В сердечко или в полосочку? — услужливо спросил мастевый.

— В сердечко! Отдай их Ухову, пусть наденет, чтобы сиянс получился путевый.

Ухова заставили переодеться и приказали вилять задницей в такт, который отбивали ладонями пациенты.

— О, какую герлу нам в отделение приписали!

— Посмотрите, да он как всю жизнь стриптиз танцевал!

— Кот, ты когда-нибудь мастевого трахал? — спросил Туз.

— Нет.

— А попробовать хочешь? Он же против тебя дело мутил!

— Нет.

— Ну, все правильно, тебя через пару месяцев на волю отпустят, там с нормальной бабой дело поимеешь!

Андрей вышел из туалета, чтобы не быть свидетелем экзекуции. Зла на недалекого Ухова он уже не держал, а реалии тюремной больницы были такими, что волосы дыбом вставали. Вместе с Котовым из туалета вышел Илья. Андрея мутило.

— Илья, мне кажется, что зря Ухо так наказали.

— Это метод воспитания, порядки здесь такие. Ты пойми, люди здесь кто годами, кто десятилетиями живут, бабы нормальной не видят. Кроме того, надо же как-то наказывать стукачей!

— А если кто безвинно под подозрение попадет? Вот, например, если бы Ухову поверили, что я стукач?

— Кто же ему поверит?

— Ну, а если?

— Ты че, так спрашиваешь или за себя боишься?

— Если честно, то боюсь.

— Не бойся, нормального мужика сразу видно. Как только тебя в палату привели, я сразу понял, что ты пацан нормальный, поэтому тебе поддержку оказал.

— Зря все-таки так с Уховым.

— Да че ты так переживаешь, ему все это не в новость, он по жизни обиженный, один раз больше, один меньше, ему это все равно. А вот что сейчас себя будет вести тише воды, ниже травы — это как пить дать.

— Мужики, — обратился к Илье с Андреем Леша Печень, — мне тут чифирю заварили, — давайте попьем!

— Вот Леша — настоящий человек. Мог ведь в одного выпить, а он нам предложил. На этом в больнице отношения и строятся. Ты мне хорошее — я тебе хорошее, ты мне плохое — я тебе в два раза плохого больше сделаю. Понял, Кот?

— Понял, — обрадованный предвкушением распития чифиря, ответил Андрей.

Троица уселась на кровати Печеня и вприкуску с кусками рафинада молча выпила напиток жизни. Андрей, уже привыкший к вкусу терпкой заварки и чувству легкой тошноты, возникающей после первых глотков, наслаждался тем, как возникает радостное ощущение полноты жизни и уходит депрессия. Предусмотрительный Карась вдобавок к чаю дал каждому из компании по паре таблеток циклодола. Где ушлый сиделец достал вожделенные таблетки, никто не знал. Но то, что у Карася постоянно водятся чай и “колеса”, было очевидно. Ударная доза циклодола развязала компании язык, и уже через пять минут счастливые чифиристы стояли в курилке и, смеясь, обсуждали произошедшую с Уховым неприятность. Леша, упредив расспросы Андрея о тамплиерах, спросил у Котова:

— Откуда у тебя такой интерес к храмовникам?

— Понимаешь, Леша, однажды ночью я посмотрел на лампочку уличного фонаря, и из нее ну натурально вышел рыцарь с восьмиконечным красным крестом на груди и щите, — отвечал Андрей. — Я и сейчас, особенно после циклодола, если напрягу зрачок и буду долго смотреть на лампу или даже на звезду, в конце концов увижу рыцаря, выходящего из потока света!

— А кто-нибудь другой, кроме рыцаря, к тебе приходит?

— Нет, только рыцарь. А когда я сплю, я вижу такие яркие цветные сны, и действующие лица в них — тамплиеры.

— Ну, то, что ты такие сны видишь, в этом нет ничего удивительного, тебе же на ночь аминазин колют.

— Да, а при чем здесь лекарство?

— А при том, что все, кому колют этот укол, такие сказочные сны видят, что даже просыпаться не хочется. Да в этом ничего такого нет, хоть какой-то кайф ловить от лекарств, и то хорош! — резюмировал Печень.

Андрей не стал спорить о том, что его видения лишь результат расстроенных нервов и действия лекарств. Он настолько искренне полагал, что визуальные образы — это реальность, что даже не стал спорить об этом.

27

Наступило время послеобеденного приема лекарств. Дошла очередь и до Котова. Напротив его фамилии в журнале назначений значилась инъекция галоперидола. Как всегда, в момент введения этого лекарства у Котова начало выворачивать суставы, кроме того, вдруг начались судороги. Андрей потерял сознание и рухнул на пол процедурки. Медсестра, которой не впервой приходилось откачивать больных от действия нейролептиков, быстро сунула под нос пациенту ватку, смоченную нашатырным спиртом. Резкий запах аммиака вернул сознание Котову, но тело продолжало бить судорогами.

— На, держи таблетку, положи под язык и рассасывай ее, — подавая больному вожделенный циклодол, сказала Полина Николаевна.

Вскоре Андрей пришел в себя.

— Че ты такой нежный? — спрашивала медсестра пострадавшего. — Всего-то два кубика тебе ввела, а ты сразу на пол падать!

— А нельзя ли мне отменить это лекарство? — спросил оглушенный действием нейролептика Котов.

— Ишь чего придумал, галушка — это самое главное лекарство при твоей болезни! — отреагировала Полина Николаевна. — Хочешь отсюда побыстрей выйти?

— Конечно, хочу!

— Тогда терпи. Чем сильнее лекарство действует, тем быстрее дома окажешься.

— Дайте мне еще циклодола, — попросил Котов.

— Хватит тебе, еще привыкнешь. Вон сколько больных наркоманами стали, без циклы вообще не могут!

В отделении наступил тихий час. В голове Котова путались мысли. На автопилоте больной отвечал на замечания собратьев по несчастью. Недели на три сознание Андрея почти что отключилось. Лишь нехотя отзываясь на реплики Ильи и Леши Печеня, Котов игнорировал остальных обитателей палаты.

Карась сочувственно говорил:

— Вот, еще одного нормального пацана в овощ превратили!

Печень, обращаясь к зомбированному нейролептиками новичку, успокаивал:

— Это состояние у тебя пройдет сразу, как отменят галоперидол!

Андрею же было все равно, галоперидол так галоперидол. Лишь на боль, которую Котову доставляли болезненные инъекции, он ругался матом. Временами сознание оставляло Андрея, и он мешком падал на пол. Валяющегося на полу пациента никто не торопился поднимать, обитатели дома скорби и персонал просто перешагивали через Котова или обходили его. Когда дурнота проходила, Андрей сам, опираясь на руки, подползал к стене и уже потом с неимоверным трудом приводил себя в гвертикальное положение.

Карась как мог помогал своему приятелю, иногда делясь с ним циклодолом и чифирем. Эти допинги лишь на полчаса-час снимали заторможенность, а потом становилось еще хуже. Пустая голова, и мыслей ноль. Приезжавшие родственники уже так не радовали больного, но, спасибо им, привозили сигареты и хавку, которые в богадельне были на вес золота.

Но больше всего угнетало Андрея то, что к нему перестал приходить рыцарь Храма и его сподвижники. Что же стало с Роже, Мондидье и другими крестоносцами?

28

Близился Новый год. Засыпанные снегом чуть не по самую крышу корпуса тюремной больницы издали напоминали медвежьи берлоги. Только пар, подымавшийся над приземистым корпусом, свидетельствовал о том, что здесь живут люди. Погода свирепствовала, тридцатиградусные морозы изводили людей своей лютостью и непрерывностью. Стекла в отделении все покрылись изморозью, замысловатые фигуры из кристаллов льда плохо пропускали свет скоротечного зимнего дня и не позволяли

рассмотреть то, что происходило за пределами отделения. В помещение богадельни санитары принесли мохнатую, пушистую красавицу, верхушка которой достигала потолка. Запах мороза и хвои пьяняще действовал на пациентов. Олег Фикса даже оторвал маленькую веточку и стал жадно жевать. Свои действия он комментировал так:

— В иголках вся сила и есть! Витамины сплошные, даром, что ли, елка в лесу растет? И во рту приятно, как будто тюбик зубной пасты проглотил!

— Вечно ты, Фикса, в рот всякую дрянь тащишь! А потом с очка не слезаешь и слабительное просишь! — ругалась медсестра.

Команда из нескольких психбольных под руководством Светланы Павловны стала наряжать елку. Откуда-то были принесены мишура и скромные игрушки, изображающие зверюшек. Сашка-Копыто, один из постоянно прописанных в дурдоме пациентов, занимался самой квалифицированной работой: под наблюдением санитара больной ножницами вырезал бумажные снежинки. Вскоре вся елка была усыпана делом Сашкиных рук. Но Копытов разошелся не на шутку:

— Светлана Павловна! Дайте еще бумаги, я дверь в туалет тоже хочу снежинками украсить!

— Хватит, Сашка, и так бумаги полпачки извели.

— Так я и из газет могу вырезать, такой праздник раз в году бывает!

— Ну, хорошо, бери, только не газету с программой.

Ободренный согласием медсестры Копыто развернул “Правду” и начал методично вырезать что-то невообразимое, размером в развернутую газету. Обрезки бумаги так и летели на пол, и через десять минут в руках у Сашки был лист, изрезанный различными геометрическими фигурками. Свое творение Копыто прилепил лейкопластырем на туалетную дверь и с металлом в голосе сообщил всем, что тот, кто сорвет эту суперснежинку, получит в глаз лично от него.

Из-за предновогодней суеты время, которое в больнице тянулось как густой сироп, пошло быстрее. Даже совсем заколотые нейролептиками больные о чем-то судачили и строили планы. Ровно под тридцать первое декабря Андрея вызвал к себе Игорь Николаевич. Удовлетворенно заметив, что у пациента исчез лихорадочный блеск глаз и суетливость, молодой эскулап начал беседу.

— Видите ли вы сейчас храмовников? Или, может, вы по-прежнему слышите их голоса?

— К большому сожалению, нет, — огорченно выдохнув, ответил Котов.

Игорь Николаевич довольно потер руки.

— Как вы относитесь к тому, что с вами происходило? — продолжал спрашивать врач.

— Все, что я слышал и видел, было как на самом деле, так же точно, как я вижу и слышу вас! Я даже видел крепость крестоносцев с высоты птичьего полета. То, что мне казалось, так походило на правду!

— Ну, вот, вы встали на путь выздоровления. Теперь вы уже начинаете понимать, что ваши переживания были очень похожими на правду, но не были правдой, то есть были болезненными. Сегодня я отменю вам инъекции и уменьшу дозу лекарств, надеюсь, не за горами и домашний отпуск. Кроме того, я перевожу вас из наблюдательной палаты в обычную.

“Господи, неужели? Неужели меня отпустят домой? А я-то ведь всерьез думал, что я здесь навсегда! — радостно думал Котов. — Надо Карасю сказать, может, чего ему привезти из города надо!”

— Илья, мне уколы отменили и переводят в общую палату! — восторженно сообщил Карасю Андрей.

Илья, почесав затылок, заметил:

— Везет же вольняшкам, мало того что лечение всего два месяца длится, так и из наблюдаловки быстро выводят! Единственно, что плохо в других палатах, что холодно там. Вон Колька Филин специально из общей палаты попросился в этот гадюшник, так он замерзал там.

— Это еще не все! Игорь Николаевич обещал меня скоро в домашний отпуск отправить!

— Врешь! — недоверчиво сказал Илья.

— А что мне врать? За что купил, за то и продаю.

— Во дела! А я здесь уже второй год кукую. И никто меня в домашний отпуск не отправлял. Представляешь, какая несправедливость!

— Так ты же, Илья, на принудительном лечении, а Кот просто больной, — отозвался Леша Печень. — Я вот тоже, хоть и лежу полгода, уже три раза дома был.

Илья минуты две помолчал, усваивая полученную информацию. Затем смекнув, что к чему, отозвал Котова подальше от лишних ушей для конфиденциального разговора. Зайдя в пустой туалет, Карась зашептал на ухо Андрею:

— Ты слышь, Кот, привези мне из города водки пару бутылок.

— А как я их пронесу в отделение? Меня же обыскивать будут.

— А это не твоя забота! Как привезешь, поставишь горилку в сугроб у входа, снежком так запороши, ну, чтобы не видно было.

— А что потом?

— А потом все просто. По утрам Вова, дворник из больных, выйдет на улицу снег чистить и пронесет водку в отделение, дворников здесь пока еще не обыскивают.

— А, понято.

— Это еще не все, — продолжал Карась.

— Еще чего-нибудь привезти?

— Нет. Ты к моей телке в городе зайди, напомни обо мне!

— А что мне ей сказать?

— Скажи, так, мол, и так, все у него нормально. Спроси, почему забыла обо мне. Вотри ей, чтобы обязательно приехала!

— А адрес у нее какой?

— Я тебе на бумажке напишу, но попоздней. А лучше запомни на слух. Улица Заводская, дом три, квартира пятьдесят пять. В третьем подъезде, на втором этаже. Запомнил?

— Нет, у меня от этих лекарств с памятью плохо стало, — с сожалением констатировал Котов.

— Тогда перед твоим отпуском я тебе на ладони напишу. А то бумажку-то и потерять недолго, да и в чужие руки, не дай Бог, попадет.

— Хорошо, Карась, только я думаю, давно тебя забыла твоя подружка!

Илья нахмурился и, выпустив струю дыма из носа, сказал:

— Не скажи! У нас с ней все было тики-тики. На Восьмое марта, на день рождения я ей цветы дарил. В Ялту вместе ездили.

— А она знает, что ты болеешь?

— Во-первых, я не болею. Во-вторых, у нас такая любовь была, что ты и не поверишь, такого она забыть не могла.

“Как же, как же, я вот тоже так считал, что если любовь — так это навсегда”, — подумал Андрей и сказал:

— Моя зазноба вот ко мне так и не приехала, а я здесь скоро как месяц пребываю.

— Что такое месяц? Тьфу!

— Не скажи, за месяц можно все узнать, где, как и так далее. Давно бы приехала, если бы хотела.

— Да что месяц! Я вот здесь второй год кукую, а надежду не теряю!

— А твоя-то хоть знает, что ты здесь? — спросил Андрей.

— Думаю, что нет. Иначе бы точно приехала. Так вот, ты Тамаре, зовут так мою подругу, и скажи, где я. И главное, чтобы она знала, как сюда добраться. А уж как узнает, что я здесь загораю, так, поверь, полные сумки таскать будет. Я ведь, когда выйду отсюда, жениться на ней думаю.

Андрей весьма скептически отнесся к словам Ильи, но огорчать своими сомнениями не стал, надежда — это то последнее, что остается у человека, находящегося на излечении в желтом доме. Докурив одну сигарету на двоих, приятели вышли из туалета.

В это время дежурные из больных, что поздоровее, накрывали стол. Обед был праздничным. Кроме незамысловатой больничной каши и полутора кусков хлеба каждому пациенту выдавали по яблоку. Месяцами не видевшие не то что яблока, а простой ириски больные возбужденно обсуждали произошедшее. Тут же возник вполне прозаичный вопрос: по какому курсу в больничном товарообмене можно обменять желтый, пахнущий летом плод, например, на циклодол. Принимая во внимание беспрецедентность такой торговой операции, пациенты даже организовали маленькое обсуждение. Сошлись на том, что яблоко меняется на четыре сигареты или на таблетку наркотика. Сашка Копыто, известный своей предприимчивостью и которому недавно сильно подфартило — мать привезла сорок пачек “Примы”, быстро стал обладателем двух килограммов ароматных яблок. Набив свою подушку фруктами, Копыто не отходил от тайника, охраняя свое добро от бесшабашных обитателей дома скорби.

Впервые с того момента, как Андрей очутился в дурдоме, ему не ставили уколы. Да и правду сказать, зад пациента превратился в сплошной синяк. Следами от инъекций были испещерены все ягодицы Котова. К моменту отмены от уколов больной почти не мог сидеть, а подниматься и спускаться на постель мог только с помощью рук, постепенно приподнимая или опуская свое тело с кровати. Когда наступало время приема пищи, Котов даже не присаживался, а ел стоя. Хуже всего было справлять нужду. Сжав зубы от боли, больной медленно садился на очко, иногда чуть не теряя сознание.

— Это все аминазин, — сочувственно говорил Леша Печень. — Больнее укола не придумаешь, разве что сульфазин. Особенно когда в инфильтрат попадут тупой иглой, хуже пытки не придумаешь!

Теперь вместо уколов Котову всыпали в руки горсть разноцветных таблеток — те же лекарства, только не в уколах. Проглотить все пилюли разом было практически невозможно. В два-три приема больной все же выпивал положенные лекарства, процесс приема которых контролировал дежурный санитар.

— Главное, в первый раз все выпить, чтобы санитар ничего не заметил, — продолжал Печень. — А потом можно под язык и в туалете всю эту гадость, которую нам дают, выплюнуть, а циклодол или сибазон оставить! И не дай Бог, персонал заметит, что таблетки не пьешь, тогда сразу обратно на уколы переведут, в наблюдаловку бросят, да еще побьют в придачу.

— Леша, — памятуя об осведомленности Печеня в истории раннего средневековья, задал вопрос Андрей — а скажи, пожалуйста, почему крестоносцы ушли со Святой земли?

— Очень просто. Историческая наука говорит о нескольких причинах. Первая — это то, что военное превосходство было на стороне арабов. Вторая — это банкротство идеи о построении из Иерусалима города на холме, который бы освещал всех, кто осуществляет паломничество. Разноплеменные воины Христовы никак не могли обрести единство. Крестоносцам иногда проще было договориться с арабами, чем друг с другом. Очень многие, в том числе и твои любимые храмовники, переняли за годы пребывания на Святой земле много привычек от своих врагов, так что к концу пребывания в Палестине крестоносцы охотно водили дружбу с сарацинами. Многие из крестоносцев после падения Иерусалима не стали покидать места обетованные и породнились с арабами, приняв ислам.

— Не может быть! А данные обеты! — смутился Котов.

— Под влиянием мудрости Древнего Востока в мировоззрении вчерашних европейцев прошли большие изменения. Поиск нечто среднего между иудаизмом, исламом и христианством заставил воинов Христовых отказаться от некоторых догматов веры. Попытка создать религию, которая бы объединила все народы, привела лишь к ослаблению рыцарских орденов, за чем и последовала сдача Иерусалима неверным. Но тысячи и тысячи прибывавших из Европы христиан продолжали посещать святые места и после падения государств крестоносцев.

— Ты знаешь, Леша, ко мне перестали приходить рыцари, — расстроенно сообщил Андрей.

— Ну все, на поправку пошел! Галюны это у тебя были. У меня такое тоже было — казалось, люди могут общаться телепатически. А один гад, Копыто, до сих пор может влиять на мои мысли!

— Это как?

— Просто. Сашка, наверное, сверхчеловек, вот он и пользуется своей силой. Заставляет меня повторять то, что он в своей голове думает, приказы мысленные отдает.

— Нет, — уже немножко разбираясь в проявлениях болезни, сказал Котов, — так быть не может!

— Да я и сам понимаю, что это невозможно, однако этот Копыто свинья редкостная, и у него, наверное, получается влиять на мою голову. Я уже его и по морде бил, и на словах ему объяснял, а он по-прежнему не отстает от меня.

“Да, не только я больной на голову, — думал Кот, — надо же, посмотришь на Печеня и никогда не подумаешь, что он тоже гоняет”.

29

После тихого часа в отделение принесли магнитофон, разбитую однокассетную “Весну”.

— Сейчас будут танцы! — объявил всем санитар и нажал клавишу “Пуск”.

Из единственного динамика кассетника донесся хрипловатый голос Высоцкого.

— Как под это танцевать? Вы нам что-нибудь из “Бони М” или “Аббы” поставьте.

— Не, оставьте этот музон, это же мой двойник, Высоцкий, поет, — обрадованно отозвался Печень.

Санитар повозился с кассетами и выбрал немецкую группу “Чингисхан”. Нехитрые ритмичные звуки диско-группы привели пациентов в радужное настроение.

— А бабы где? Какие без них танцы? — закапризничал Карась.

— Еще чего! Это больница режимная, никаких баб, танцуйте сами!

— Так сами годами, хоть бы на женское лицо взглянуть, к титьке бабьей прикоснуться! — парировал Туз.

Несмотря на отсутствие в отделении особей прекрасной половины, за исключением санитарки и медсестры, танцевать начали почти все ходячие пациенты. В центре образовавшегося круга, отчаянно виляя бедрами, скакали Валька, Танька и Ухо. Ресницы Таньки, как показалось Андрею, были даже подкрашены.

Туз с компанией распили бутылку невесть где взятой водки и теперь оживленно обсуждали танцевальные способности изгоев отделения.

— Ты посмотри, как Танька задом крутит!

— Ну, у него и сранчо!

— Нет, у него настоящее сранчеро!

Медсестры и санитары, не желая отставать от отмечающей

праздник страны, заперлись в служебном отделении и пили медицинский спирт, разводя его водой.

Карась со свойственной ему пронырливостью сварганил чифирь, и теперь, расположившись на кровати Печеня, Леша, Андрей и Илья расписывали под чудный напиток “тысячу”. За месяц пребывания в дурдоме Андрей уже освоился с его реалиями и теперь, мелкими глотками попивая густую заварку, пришел к парадоксальному выводу, что человек может привыкнуть практически ко всему:

— Homo Sapiens такая скотинка, что к любым условиям приспособиться может, — говорил Кот. — Нельзя спокойно передвигаться по больнице? Мелочи, лежи себе на кровати, плюй в потолок. Все равно идти некуда. На улицу нельзя выйти? Тоже ерунда, все равно на улице мороз. От галоперидола плохо бывает? Шевелись, крутись, доставай циклодол и сибазон, вон сколько “колес” по рукам в отделении ходит.

Котов, вспоминая первые дни пребывания в “крытке”, только посмеивался, как наивно он все понимал.

— Правильно, Кот, говоришь, — согласился повеселевший от чифиря Карась. — Чем больше человеку дано, тем ему больше хочется. А может, этого “больше” и не надо. Вот сидят же люди в тюрьме десятилетиями, и ничего, живут. А в тюрьме, как и у нас, что человеку нужно? Пачку махры да кружку чифиря!

— Слушай, Илья, ты прав, много человеку не надо, — согласился Леша, — но в дурхате гораздо хуже, чем в тюрьме.

— Да все то же самое, — отозвался Карась, прошедший все жизненные университеты, в том числе и тюрьму.

— Ну, тогда скажи, почему нас на прогулку никогда не выводят?

— Че, в тепле плохо?

— Да просто погулять немного, свежим воздухом подышать. Тут ведь от одного туалета так воняет! Я, когда первый раз в домашний отпуск поехал, чуть на улице в обморок не упал, так у меня голова от свежего воздуха закружилась!

— Ну, посуди, Печень, сам. Если нас прогуливать, то надо одежду теплую, ватники, валенки, зима как-никак. А тут не то что валенок, простых тапочек и пижам не хватает. Второе — больница тюремная, охрану для нас надо нанимать, не дай Бог, сбежит кто. А где на все это деньги взять? Хорошо, хоть не милиция нас охраняет!

Допив чифирь, картежники сделали перерыв и пошли в курилку. Сигаретами угощал Андрей. В руках Котова была пачка самых дорогих советских сигарет того времени — “Космос”. Этот элемент житейского комфорта сразу поднимал его обладателя на

недосягаемую высоту в больничной иерархии. Это значило, что человека не забыли и привозят ему передачки, что было редкостью, на большинство обитателей “крытки” родственники просто плюнули. Поскольку сегодня был праздник, курили по полной сигарете и даже оставили покурить мастевым, пусть и у них будет радость.

Ожидавшие своей очереди опущенные получили по окурку, причем Ухов до конца сигарету не выкурил, затушил фильтр и оставил себе бумажную гильзу.

— Для чего она тебе? — спросил Кот.

— Как для чего? Теперь чинарик для меня мундштуком будет! Иногда ведь как получается, оставляют мне окурок, а он три миллиметра длиной, губы жжет. А я его в фильтр вставлю и нормально покурю. Кроме того, на гильзе написано “Космос”, пусть мне все завидуют!

— Бог ты мой, — только и удивлялся Андрей. — И почему ты, Ухо, такой непутевый, ни сигарет у тебя своих, ни циклодола, ни чая.

— У него в наличии только губы и желание, — зло вставил Карась, — да и нечего его жалеть, помнишь, как он против тебя воду мутил?

— Я вот тоже это вспоминаю и понять не могу, зачем ему это было нужно.

— А он всем новеньким на психику давит. Полгода назад тут больной был, Вася Штукин, так он этому больному втирал, что он, Ухов, — вор в законе. Вася этот поверил, все сигареты ему отдавал и хавку. А Ухов разошелся не на шутку, даже требовал, чтобы Штука у родственников попросил магнитофон, чтобы блатную музыку слушать. Кое-как Туз растолковал Ваське, кто есть Ухов на самом деле, но к тому времени Штука умудрился после Леньки покурить чинарик, и его поставили на положение, хорошо, что этот Штукин был “вольняшка” и вскоре из больницы съехал.

— Ленька, — обращаясь к Ухову, сказал Карась, — что делать будешь, когда выйдешь из больницы? Окурки по тротуарам собирать, что ли? Бутылки пустые подбирать?

— Я блатным буду!

— Не смеши, петух, какой из тебя блатной? С твоим-то прошлым! Это здесь на твой зад претенденты имеются, а на воле баб полно, так что ты там на фиг не будешь нужен.

— У меня среди знакомых авторитеты имеются, они за меня слово замолвят.

— Ухо, не трепись, твоему базару грош цена, — резюмировал Карась, — мало тебе попадало за твою тупость!

На ужине троица сидела вместе. Сидели за отдельным столом, который весь был заставлен деликатесами, которые были привезены Печеню и Котову. Понятное дело, Карася никто не навестил. К столу попытался пристроиться Фикса, но Илья грозно прикрикнул на попрошайку, и Олег, поняв, что может получить в глаз за свою назойливость, ушел несолоно хлебавши. Когда приятели ели полукопченую колбасу, они услышали из-под стола голос:

— Мужики, шкурки от колбасы не выбрасывайте, я их доем!

— Кто там? — страшно рассердился Карась, — кому в ухо давно не доставалось?

— Это я, — выбираясь из-под столешницы, ответил Сухоплюев.

— Чего тебе, Плевок, надо?

— Да я уже сказал, вот шкурки бы мне, да и селедка тут у вас лежит, вы, когда ее съедите, косточки и голову мне оставьте! А я вам зубок чеснока.

— На кой нам твой вонючий чеснок? — смягчившись, спросил Илья.

— А он от всего помогает, от простуды и от авитаминоза.

— Вот и ешь сам. Ишь какие еще слова знает! Авитаминоз!

— Так вы мне доесть за вами оставите?

— Ладно, — ответил за всех Карась. — Радуйся, сегодня праздник, все, что на столе останется, твое!

Сухоплюеву досталось гораздо больше, чем он ожидал. Полупустая банка с майонезом, которую Плевок облизал до блеска и спрятал в карман, обломки печенья, рыбьи кости, шкурка от колбасы и, к вящему восторгу сидельца, два пельменя, которые почему-то не доели ужинавшие.

После приема пищи все отделение стало смотреть телевизор, который для большей безопасности был заключен в металлический короб под потолком таким образом, что переключать каналы можно было только высокому человеку, вставшему на табурет. Впрочем, скакать по каналам в те времена смысла не было, поскольку транслировались только две станции. То, что нужно посмотреть, выбирали заранее, подчеркивая в газетной программе нужную передачу.

Сейчас по ящику показывали передачу “Новый год встречает вся страна”. Заученные тексты, озвучиваемые передовиками производства, перемежались с панорамными видами строек пятилетки; более всего поразил смотревших сюжет о какой-то сибирской электростанции, со стометровой высоты которой падал огромный поток воды.

— Прямо Ниагарский водопад, — вставил Кирпич. Тему

поддержали другие больные.

— Эх, хорошо бы в Штаты съездить! — сказал Копыто.

— А что тебе там делать? — спросил Славик.

— Подлечиться, денег подзаработать!

— Кому ты там нужен?

— А я бы дворником устроился, подметать-то я умею!

— Так там, наверное, все машинами делается, у них же цивилизация!

— Ну, газоны бы подстригать стал, собак чужих выгуливать нанялся.

— Это у нас в СССР безработицы нет, а в Штатах найти работу трудно.

— Все лучше, чем у нас по талонам раз в месяц колбасу покупать да курево из-под полы доставать!

— А я вот смотрел фильм ихний, “Полет над гнездом кукушки”, так представьте, они там, в дурдоме, “Мальборо” курят, а во дворе психбольницы площадка есть, психи на ней в баскетбол играют, и еще у них свой бассейн есть!

— Эх, посидеть бы в такой “дурке”!

— Это что еще за политические разговорчики, ушлепки! — полупьяным голосом пресек мечтания психов санитар Вова. — За такие беседы надо бы вас в наблюдательную запереть, чтобы заткнули свои пердильники. Да и что вы на СССР набросились? Страна вас кормит, поит, лечит, а от вас только говно!

— Да мы ничего, Вова, так только помечтали, нам другой страны, кроме СССР, не надо.

— То-то вот, а то залетите сюда по политической статье, как Гошка Пентагон.

— Это кто такой? — поинтересовался Андрей.

— Да в пятой палате лежит, — ответил Карась. — Его в дурку посадили за то, что он листовки антисоветские расклеивал. Уже восемь лет по больницам. Его и психом-то назвать сложно, рассуждает все по уму, всегда чистится, моется, бреется, аккуратно одет, только замкнутый, ни с кем не общается. Ему что-нибудь скажешь, захочешь, к примеру, с ним поговорить, а он только “да” или “нет” в ответ. Ему и таблеток дают всего ничего, полмиллиграмма трифтазина да на ночь таблетку релашки. Других бы на его месте давно выписали, а этого — нет, вот что значит с властью бороться.

Наступило время приема таблеток. Телевизор выключили, и больные стали выстраиваться в длиннющую очередь за таблетками, дыша в затылок друг другу. Больничный день, а вернее вечер, а одновременно и год, тихо заканчивались. В то время когда больные пили лекарства, вся страна сидела за

праздничными столами. Бутылки с шампанским были еще не раскупорены, на столе стояли пока не тронутые вилками салаты “оливье” и “мимоза”; не подаренные подарки дожидались своей очереди, весь мир встречал самый радостный и в то же время самый семейный праздник, — наступал Новый год.

30

Из-за двери ординаторской через щели в проеме падали лучи света. За одним из столов сидел, подложив руку под голову, человек в белом халате. На столе перед врачом стояла непочатая бутылка молдавского коньяка. “Для всех людей праздник, а я вот здесь кукую, выпало мне дежурство на Новый год, — немного сердился Игорь Николаевич, что именно он волею судеб делил этой ночью место пребывания с пациентами дурдома. — Надо было встать в позу, объяснить главврачу, что я не крайний, чтобы в Новый год дежурить”. Врач нервно перебирал пухлые папки, лежавшие рядом с бутылкой. В каждой папке — история болезни, судьба того или иного пациента. Папок было много, они были сложены в две неравные стопки. В одной стопке, которая была значительно больше, — это документы тех душевнобольных, которым было рекомендовано продолжение принудительного лечения. В другой стопке лежали дела тех, кого вскоре собирались выписывать. Игорь Николаевич специально собрал истории болезней, чтобы спокойно разобраться в положении дел в отделении. Кроме бумаг, бутылки коньяка и горевшей настольной лампы на столе стояла портативная пишущая машинка “Оптима”.

Молодой врач любил собирать в одном месте все необходимое для работы. Эскулап вставил в пишущую машинку закладку, состоявшую из нескольких листов бумаги и копирки. Таким образом, за каждый проход листа “Оптима” выдавала четыре экземпляра текста. Постепенно врач успокоился и перестал сердиться на главного. “В конце концов, за это дежурство я получу два отгула и отдохну по полной. На ночную дискотеку с Семеном сгоняем, в баню схожу, но не как все нормальные люди, тридцать первого декабря, а уже в наступившем году”. Игорь Николаевич еще не успел обзавестись семьей. Два полноценных романа, которые врач пережил, еще будучи студентом, и пара-тройка ни к чему не обязывающих связей не привели к созданию семьи, как тогда было принято говорить, “ячейки советского общества”. Эротические переживания, которые имел в своем жизненном багаже молодой врач, убедили Игоря Николаевича в собственной полной гетеросексуальности и нормальной мужской силе без всяких патологий, которые будущие психиатры изучали на пятом курсе.

В настоящее время эскулап завел роман с молодой симпатичной учительницей начальных классов Таей, Анастасией. “О, Фрейд, Фрейд, старик, ты был полностью прав”, — размышлял о своем выборе подруги Игорь Николаевич. Тая была похожа на девочку из противоположного класса школы, в которой учился будущий врач, Анечку Одинцову. У Анюты тоже были большие, немного смеющиеся карие глаза, оттененные большими пушистыми ресницами. Так же, как и у первой любви Игоря Николаевича, у Таи были темные, естественно вьющиеся волосы и узкая талия. Игорь Николаевич понял, что неосознанно он искал именно ее, Анечку Одинцову. Тогда, в школьные годы, любовь юноши проявилась только в том, что Игорь каждый день поджидал Анечку у школьного крыльца, не смея подойти к своей избраннице. Провожать предмет своего обожания мальчик не решался, а самым смелым проявлением юношеских чувств было то, что однажды юный Ромео написал большими буквами на снегу: “Аня самая лучшая”.

Отношения с Таей еще только развивались и были подернуты дымкой романтического флера. Несколько свиданий и даже посещение дома возлюбленной были уже позади, телефон подруги теперь был выучен наизусть. Отношения были в той стадии, когда надо было сделать последний шаг, но делать его влюбленные по негласному взаимному решению не торопились. “Сегодня позвоню ей и объяснюсь, — думал молодой врач. –Да, да, наверное, я хочу, чтобы наши отношения были серьезными. Наверное, я все-таки влюблен”. Под влиянием влюбленности Игорь Николаевич в последнее время даже перестал сердиться на многие вещи, которые раньше раздражали его: что на работу надо вставать каждое утро в полседьмого, что в электричке, на которой нужно добираться до богадельни, стоял жуткий холод, что, несмотря на приличную зарплату, врач мало что может себе позволить.

“Итак, — потянувшись к первой папке из маленькой стопки, думал Игорь Николаевич, — Котов Андрей. Консервативное лечение нейролептиками дало хороший результат. Сегодня я ему отменил инъекции и снизил дозу. Можно, конечно, для закрепления эффекта попробовать инсулинотерапию”. Через несколько минут после чтения истории болезни врач поймал себя на мысли: “И что я все с этими дофаминовыми рецепторами и миллиграммами галоперидола? А где же все-таки собственно психотерапия? Чему нас учили? А то получается так: хуже стало пациенту — на десять миллиграмм нейролептика больше, набедокурил пациент — то же самое. Мы лечим голову, а не душу! А где психотехники, где психоанализ, где, как говорится, то

самое слово, которое лечит?”

Настроение у врача снова испортилось. Игорь Николаевич в силу своего возраста был максималист. Ему хотелось сделать свою работу как можно лучше, а богадельню превратить в лечебницу в настоящем смысле этого слова. “В больнице абсолютно неподходящая обстановка для лечения душевнобольных. Где это видано в других заведениях, чтобы в тесных палатах находилось по двадцать–тридцать человек? А питание? Да еще эти тюремные решетки на окнах и высоченный трехметровый забор”. Еще обо многом думал начинающий психиатр, но приходил к одному очень печальному выводу: “В нашей стране, где лечение и отбывание наказания смешиваются друг с другом, невозможно нормально поднимать психически больных людей на ноги. А психотерапевтические способы лечения так и останутся на бумаге. Когда на одного врача приходится до пятидесяти человек, о лечении словом говорить не приходится”.

Стрелки часов приближались к двенадцати. Пора открывать бутылку. Плохая это привычка пить одному, но встретить праздник без алкоголя еще хуже. Игорь Николаевич не очень жаловал спиртные напитки. Медицинский спирт, разведенный водой, опротивел еще в студенчестве; пива было не достать; шампанское эскулапу не нравилось, вот и остановил врач свой выбор на коньяке. Срезав скальпелем алюминиевую крышку, Игорь Николаевич налил четверть граненого стакана. Когда часы начали бой, молодой врач опрокинул в рот благоуханный напиток, в два глотка проглотил спиртное и, отложив в сторону бумаги, начал набирать номер Таи.

31

— Подъем, сволочи! — орал обозленный на всех и вся, еще не протрезвевший от ночного возлияния санитар. Почти что всю ночь Вова, уложив спать больных, даже не снимая белого халата, бражничал с Тузом и Касимом. Больничные авторитеты угощали санитара водкой, закусывая напиток прибалтийскими шпротами. Такой редкий в больнице деликатес Касим просто забрал у Кирпича, объяснив, что передачкой делиться надо, а вклад в общак — святое дело. Верхушка в иерархии душевнобольных просто обирала пациентов, но благодаря тому, что делилась добытым с младшим медицинским персоналом, имела определенные привилегии в дурхате. Например, Тузу разрешали варить чифирь чуть ли не в любое время суток; в бане, в которую обычных пациентов толпой водили раз в две недели, авторитеты, не торопясь, мылись каждое воскресенье. Напившихся главарей в наблюдательную не запирали и нейролептиками не закалывали. В обмен на свои вольности авторитеты поддерживали в отделении

порядок и наказывали вместе с санитарами проштрафившихся.

— Подъем, ушлепки! — орал Вова, колотя по металлической спинке кровати специальным ключом, с помощью которого открывались все больничные двери.

— Могли бы хоть в праздник дать выспаться! — пробасил Сухоплюев.

— Я тебе такой праздник устрою! Ишь расслабились, — визгливо орал санитар, после чего сдернул с кровати Сухаря одеяло, а потом и самого бунтовщика. Сухоплюев ударился головой об пол и заголосил: — Уя-уя! Уя-уя!

— Поори у меня еще, могу за неповиновение и на вязки прификсировать, ты меня знаешь!

— Не-а, не надо, — быстро вскакивая на ноги, просвистел Сухарь, — я уже встал, дядя Вова!

— Спать ночью будешь, — осклабившись, прокомментировал действия санитара Касим и уже с угрозой в голосе добавил: — А будешь с персоналом пререкаться, пистон получишь!

Завтрак и прием таблеток прошел как всегда, но, когда начался перекур, произошел маленький скандальчик. У Сашки Копытова исчезли все яблоки, который ушлый деляга поменял вчера на сигареты.

— Мужики, кто фруктики мои попер? Не может быть, чтобы концов было не найти! — плаксивым голосом говорил Копыто.

— А на кого думаешь? — спросил Касим

— Тут треть отделения под подозрение попасть может, сам знаешь, Касим, крыс у нас хватает, — вставил Карась.

— Фикса, — обратился авторитет к одному из больных, на которых могло пасть подозрение. — Твоих рук дело?

— Не-а, вы че, мужики, б...ю буду, не я!

— А может, знаешь кто?

— Так, наверное, Валька с Танькой, они на такое способны.

— Зови их сюда.

Сидевшие около мусорного ведра изгои поклялись, что в краже невиновны. Прошерстили всех, кого можно было заподозрить в краже, но следов вора так и не нашли. Неудавшийся коммерсант Сашка Копыто призывал на головы своих обидчиков все небесные кары.

— Мужики, меня же пайки лишили! Я ведь сигареты, которых мне бы на неделю могло хватить, за яблочки отдал!

— Впадлу воровать у своих, — вставил Карась, — ты, Копыто, последи еще за мастевыми, но, похоже, фрукты твои уже съедены!

Вскоре скандал тихо сошел на нет.

— Так, собираемся на работу! — объявила медсестра и начала читать список тех, кому врач разрешил работать за

пределами отделения. Каждое утро список счастливчиков, которые были выбраны врачом для работы на улице, зачитывался медперсоналом перед строем больных. Попасть в выходную команду значило очень многое. Во-первых, это значило близкий конец лечения, так как выпускали на уличную работу только тех, у кого кризис уже миновал. Во-вторых, в рабочие попадали те больные, кто имел примерное поведение, пользовался доверием врачей и при случае не ударился бы в побег, а такое отношение со стороны эскулапов многого стоило. В-третьих, бригаде счастливчиков выдавали на каждый день по пачке “Беломора”, неслыханное богатство по больничным меркам. Таким образом, на каждого рабочего выходило по четыре-пять папирос. И кроме того, трудившимся больным за обедом дополнительно к скудной пайке добавлялось то вареное яйцо, то ложка творога. Но все это мелочи по сравнению с тем, что работа вне пределов зловонных палат — это уже было счастье, первый глоток воли, преддверие выхода из дурдома.

— Котов! — произнесла медсестра.

У Андрея полезли на лоб глаза, он переспросил:

— Что Котов?

— Что-что, на улицу идешь работать, вот что!

Все еще огорошенный Андрей переглянулся с Ильей.

— Во везет! А меня, сколько я ни просился на улицу, все равно не выпускают! — завистливо произнес Карась.

— Ничего, Илья, если тебе что с улицы пронести надо, я сделаю! — ответил обрадованный Кот.

— Тише ты, персонал услышит! — шикнул на счастливчика Карась.

32

На улице было еще темно. Трескучий мороз пробирался под телогрейки, которые были надеты прямо на больничные пижамы. Спереди и сзади на фуфайках было крупно написано: “ОТДЕЛЕНИЕ № 2”. Вместо шарфов шею украшали вафельные казенные полотенца. Осклизлые, затасканные ушанки служили головными уборами. Ноги больных были обуты в самые дешевые матерчатые ботики с прорезиненной подошвой, все как на подбор одного, сорок четвертого, размера. Чтобы обувь не болталась на ноге, Андрей, по совету Бороды, который был также отряжен на уличную работу, обернул ступни какими-то грязными тряпками, которые валялись в раздевалке.

Сделав несколько шагов по узенькой, протоптанной среди сугробов тропинке, Андрей чуть не упал в снег. Свежий морозный воздух опьянил больного. Немного запыхавшись с непривычки, Андрей делал неуклюжие шаги в ботах, в которые очень быстро

набился снег. Котов остановился и огляделся по сторонам. Позади остались приземистые здания больницы и высоченный забор, впереди маячил сосновый лес. Вековые деревья, как показалось пациенту, упирались вершинами прямо в небо.

— Ну, че встал, двигай батонами! — услышал Андрей окрик старшего в группе, алкаша Бори, который непонятно по какой причине оказался в тюремной больнице.

— Да иду я, иду! — виновато ответил Андрей.

Караван из пяти больных двинулся дальше. Колючий встречный ветер поднимал поземку, снег бил по щекам идущих. Казалось, на теле нет места, в которое бы не проник холод. Следы, которые оставались за больными, быстро исчезали под напором зимней стихии. Сама тропинка представляла собой лишь углубление между снежными сугробами. Оступавшиеся пациенты набирали полные ботинки снега.

Наконец группа остановилась у лесопилки. Запах свежераспиленной древесины щекотал ноздри подневольных. Задача больных была не из легких. Нужно было таскать напиленные доски от пилорамы, около которой они в беспорядке валялись, к большому ангару и складывать их в штабеля. Сначала Андрей по неопытности с азартом принялся за работу и стал быстро хватать доски, волоча их в одиночку по снегу.

— Остынь малеха! — осадил Котова старший. — От работы кони дохнут! Торопиться некуда, хоть ты весь день так будешь упираться, хоть в два раза тише. Нам никакого плана здесь не установлено. Главное, мы здесь присутствуем и немного работаем.

— Понято, — ответил Андрей, мускулы которого после почти месячного вынужденного безделья так и стремились к тяжелой физической работе. Бросив доску на снег, Котов присел. Сердце колотилось.

— Держи твои пять папирос, — протянул Котову “беломорины” Борька из выданной ему сестрой-хозяйкой пачки. Андрей взял горсть табачных изделий и аккуратно положил их во внутренний карман.

— Все, курим пока, — сказал старший.

К обеду больные перетаскали все доски, напиленные до праздника. Поскольку было первое число, новых никто не напилил.

— Если спросят в отделении насчет работы, говорите, что ее еще очень много. А мы после обеда опять пойдем на лесопилку и чифиречек у сторожа заварим, отдохнем, так сказать, культурно. Че в отделении-то делать? Может, еще и в магазинчик заглянем. Деньги у кого есть?

— Не-а, откуда, — с сожалением ответил Андрей. Денег не было почти что ни у кого в больнице.

— У меня есть пятерка! — неожиданно заявил Борода. — Мне ее Касим дал, чтобы мы Тузу чая купили, а на сдачу разрешил печенья мне взять.

— Ну, это святое дело, сидельцам с воли чай пронести. Ты хоть никому, Стас, больше не сказал?

— Не, ты че, впадлу друзей закладывать!

— Тогда на обратном пути в магазин зайдем, да не все махом, я один зайду, а то на нас сразу внимание обратят. Да еще в больницу настучат, что больные разгуливают по поселку, вместо того, чтобы работать.

Так и поступили. Трое больных остановились у двери деревянной избы, над входом которой было написано: “Продукты”. Боря и Борода, который все-таки настоял на том, что он тоже зайдет в магазин, вошли по обледеневшему крылечку в помещение. Бедность торговой точки была видна по ассортименту товаров, стоявших на полках. Без талонов можно было купить лишь десятка два товаров. Если из этого списка исключить крупы и соль, а также рыбные консервы, то оказывалось, что купить покупатель мог только хлеб, спички и лавровый лист, расфасованный в бумажные пакетики.

— Чай есть? — спросил Борька.

— Что глаза-то продал, не видишь, что ли, что нет? — ответила продавщица, полная блондинка с крашеными волосами.

— А нам говорили, что есть.

— А говорят, что в Москве кур доят, — парировала принцесса прилавка.

— А может, это...

— Что?

— Ну, мы сверху рубль заплатим!

Пергидролевая дама поковыряла в зубах, выдержала паузу и полушепотом сказала:

— Грузинский, 100 грамм, три рубля, “индюшка” в гранулах — пять!

Борька, который был не силен в арифметике, начал медленно соображать. При любом раскладе получалось, что заварка стоила, как минимум, в пять раз дороже госцены. В ухо ему зашептал Борода:

— Борян, нас Касим подозревать будет, что мы на деньги его кинули, скажет, купили за восемьдесят копеек, а на остальное хавки себе купили.

— А если не купим, то мужиков без чифиря оставим!

— Ну, что, покупать будем? — прогремел голос продавщицы.

— Мы это, узнать только хотели, у нас пока денег нет, — ответил за себя и старшего Борода.

— Ну и нечего тогда в магазине делать! Поговорить, что ли, просто так решили? Топайте отсюда!

— Мы после обеда к вам зайдем, — извиняющимся тоном произнес Борька.

33

Что ни говори, а работа открывала для Андрея большие перспективы. Ко всем мелким и большим преимуществам добавилось то, что можно было просто-напросто попросить втихую у родственников деньги и отовариваться в поселковом магазине. Кормили рабочих в отдельном помещении, где никто не стоял над душой с просьбами дать доесть оставшееся в тарелке, и добавки давали, кто сколько съесть мог, да еще премблюдо, которое не доставалось простым обитателям богадельни. Сегодня каждому из “выходной” бригады полагалось по половинке плавленого сырка.

В это время в туалете шел содержательный разговор о покупке чая.

— Лучше “индюшку” бери, — говорил Касим Боряну, который собирался после обеда со своей бригадой снова идти на лесопилку.

— Понято, мы ведь че боялись покупать-то! Ведь на эти деньги не то что чая можно было купить, а пузырь “водяры” пол-литровый.

— А че, кера, что ли, в магазине была? — оживился Касим.

— Да нет, водки не было. Если бы была, мы сразу бы сказали.

— Ну, тогда, короче, берите то, что я велел. Че за времена пошли! За сотку чая синенькую отдавать! Оборзели они там на воле!

— Будет сделано, — с подобострастными нотками в голосе отрапортовал Борян и просительно добавил: — На замутку чая из пачки можно отсыпать?

— Ладно, только на одну. Остальное чтобы вечером в отделении было!

— Понято, будет сделано, — отчеканил довольный бригадир.

Лицо продавщицы в магазине, который сегодня работяги уже посещали, отразило всю гамму негативного отношения, которое вызывают покупатели без копейки в кармане у работников прилавка. Но, увидев пятирублевую бумажку у себя перед носом, пергидролевая блондинка сменила гнев на милость и достала откуда-то из-под прилавка пачку со слониками. Бригадир принял товар как золотой. Осторожно обернув чай носовым платком, Борян положил пачку во внутренний карман.

— Сейчас к сторожу лесопилки пойдем, у него и кипятильник есть, и стакан найдется. Попьем чифирьку, Касим разрешил на одну заварку чая отсыпать из пачки.

В каптерке у Коли, охранника лесопилки, было жарко натоплено. В буржуйке потрескивали березовые поленья. Воздух охранного помещения был спертым, пахло кислой капустой и несвежим бельем. На топчане, покрытом каким-то грязным покрывалом, расположился сам сторож. Гости сидели по привычке, которая характерна для мест лишения свободы, на полу, на корточках, вокруг алюминиевой кружки и дожидались того момента, когда будет готов чифирь. Сам хозяин не брезговал общаться с психами, был незлобив и уступчив. Зная это, больные уважали Коляна и при случае угощали либо водкой, либо чаем.

— Ну, че, дядя Коля, начинай, — подавая кружку старику, сказал Борян.

— А нифеля-то упали?

— Упали, вон и пенка коричневая на поверхности появилась, — вставил Борода.

Поджимая губы, хозяин беззубым ртом сделал два маленьких глотка. Лицо Коляна перекосила гримаса.

— Ох, крепкий слишком заварили. И не жалко вам сердце свое? Копыта же можно отбросить!

— Все нормально, чем крепче, тем лучше. А помирать нам всем придется, так и так. А о сердце не думаешь, когда с башкой проблемы. Может, оно и лучше, помереть побыстрее, чем с шизухой жить, — внес минорную ноту в разговор Борода.

— Это ты зря, — осудил пессимиста Котов. — Вся жизнь еще впереди.

— И вся по дуркам, — съязвил Стас.

— Лично я здесь последний раз, — безапелляционно отреагировал Андрей.

— Это ты так по неопытности своей говоришь, кто в дурке хоть раз побывал, на всю жизнь здесь прописан, — подал голос до сих пор молчавший Гвоздь и добавил: — От тюрьмы, сумы и психбольницы не зарекайся!

— А я таблетки буду пить, — не сдавался Котов.

— Да хоть запейся, эти таблетки никакой пользы не приносят, а тормозят так капитально, что простого дела сделать не можешь, сам от снадобий откажешься, — стоял на своем Борода и продолжил: — Вот если циклу, реланиум или что-нибудь похожее пить, это дело.

— Короче, все вы наркоманы, — объявил Борян. — Я-то хоть от “белочки” здесь лечусь, мне, если водку не пить, хоть куда можно идти, везде возьмут! И пилюли никакие не нужны! А ваши

наркоманские разговоры, какие таблетки пить, а какие не пить, до добра не доведут.

— Зря ты, Борян, так, — ответил Борода. — Что правда, то правда, все мы на этой системе. Что будет, если человека пару месяцев психотропными лекарствами покормить?

— Что?

— Да ничего, привыкает человек, и все. Чем дальше, тем ему больше требуется транквилизаторов и антидепрессантов. А если год лекарствами закидываться? А пять лет? А всю жизнь? Если честно, то все пьющие наши лекарства впадают в зависимость почище героиновой. Не пьешь лекарства, врачи ругаются. Пьешь — зависимость приобретаешь. Выпить таблетку, чтобы проснуться, таблетку — чтобы заснуть. Замкнутый круг! И психиатры обо всем этом прекрасно знают.

— Грустно все это, — резюмировал Андрей.

— Давайте лучше “тысячу” распишем! — уже ощутивший прилив бодрости от выпитого напитка, сказал Гвоздь. — Как раз до ужина партию закончим!

34

За пару недель, которые прошли с того момента, как Андрея вывели на работу, Котов значительно повеселел, на его щеках появился румянец. Андрей, несмотря на то, что был сильно подторможен нейролептиками, стал даже иногда улыбаться и беззлобно подтрунивать над Фиксой, Валькой и Танькой и другими больничными чудиками. Стабильное состояние пациента утвердило Игоря Николаевича в решении, что больного можно выпустить в домашний отпуск.

— Ну, Андрей, готовься, домой тебе разрешаю съездить, — потирая переносицу, сказал эскулап на обходе. Присутствующие при этом пациенты завистливо посмотрели на счастливчика, а Карась даже присвистнул.

— У меня как раз пятнадцатого день рождения! — обрадованно воскликнул Котов.

Игорь Николаевич, услышав о том, что Котов скоро именинник, полез в карман халата и достал несколько шоколадных конфет, которые протянул везунчику.

— Поздравляю тебя от всей души и искренне рад тому, что ты идешь на поправку! Только одна просьба: не пей дома спиртного, оно тебе отныне противопоказано. Как бы тебя, Андрей, ни уговаривали, помни, алкоголь может спровоцировать новый приступ. Каким бы вкусным вино ни казалось, оно для тебя — табу.

— А когда домой-то? — нетерпеливо спросил Котов.

— После обхода я позвоню твоим родственникам, одного

тебя, к сожалению, выпустить не могу.

— Почему? Со мной ничего не случится! Что я, дорогу домой не найду, что ли?

— Такие правила, из этой больницы пациентам можно ехать домой только в сопровождении родственников.

— Игорь Николаевич, — в один голос возбужденно стали говорить окружавшие врача другие больные, — а нам когда можно в отпуск?

— Все зависит от состояния здоровья. Я бы рад вас всех выпустить, но надо подождать.

— А вот я совсем здоров, — сказал Карась. — А вы меня не то что в отпуск, на улицу на прогулку не разрешаете выйти!

Глаза Ильи от вопиющей, как ему казалось, несправедливости налились кровью. Брызгая слюной, он начал орать:

— Чем я отличаюсь от нормального человека? Других уже по несколько раз выпускали, а я что, хуже? Может, вы смерти моей хотите! Сколько людей откинулось уже в этой больнице! На мою квартиру, наверное, претендуете!

— Успокойтесь, Карасиков. От нормального человека вы отличаетесь только тем, что кричите без повода, — рассердился Игорь Николаевич на нелепое обвинение, но, взяв себя в руки, продолжил: — Вы, Илья, преступили закон, к вам у нас отношение более строгое.

В уме эскулап отметил, что Карасиков расторможен: “Либо таблетки не пьет, либо чифирем или циклодолом накачался, надо добавить ему галоперидол”.

— Где же правда? — продолжал орать Карась. — Вы что, меня до смерти мариновать здесь будете?

— Тише, тише, Карасиков, — зашикала на разошедшегося больного медсестра. — Ты почему орешь на врача? На вязки захотел?

Андрей взял Илью за рукав пижамы и попытался отвести от греха подальше вышедшего из себя приятеля в сторону.

— Ты что, Илья, — зашептал в ухо психовавшему Котов. — Он же тебе, — имея в виду врача, — на самом деле “хорошую” жизнь может устроить!

— Вы все заодно! И ты, Кот, такой же! — с этими словами Карась вытащил откуда-то лезвие бритвы и полоснул себя по предплечью. Побежавшая ручьем кровь залила пол около пожелавшего свести счеты с жизнью пациента. Тут же прибежали санитары, схватили буянившего Илью и связали его. Медсестра, склонившись над бедолагой, делала скандалисту тугую повязку. Игорь Николаевич тем временем по телефону вызванивал “скорую”. Вскоре Карася увезли в хирургическое отделение одной

из городских больниц, где без наркоза зашили располосованную руку.

После того как скандалист был привезен обратно, его привязали к кровати и вкатили ударную дозу аминазина. Андрей, который все это видел, сильно переживал, что ничем не может помочь своему другу. “Ничего, Илья, — думал Котов, — потерпи немного, я привезу тебе из дома и хавки, и сигарет, и водки тоже”. Еще Андрей опасался, что над заколотым лекарствами и связанным Ильей будут издеваться изгои наблюдательной палаты. С этой мыслью Котов подошел к Леше Печеню, с которого взял слово, что тот будет поддерживать Карася, пока Андрей будет в городе. А Таньке, Вальке и Фиксе строго указал, что если с Карасем что-нибудь случится, то он, Кот, лично выбьет у каждого из троицы оставшиеся зубы. После этого Котов пробрался к кровати Карася и всыпал ему в карман шоколадные конфеты, подаренные врачом, а также положил почти полную пачку “Кометы”. Отпускник даже попытался поговорить с несчастным приятелем, но заколотый нейролептиками Карась только пускал пузыри и нечленораздельно мычал.

35

Андрей ехал в пригородной электричке, получая большое удовольствие от того, что на нем надета городская одежда. Японская “аляска”, на которую ушла вся зарплата, полученная в один из сезонов работы в стройотряде, — вместо телогрейки, трикотажная спортивная шапочка с надписью “Адидас” — вместо засаленной ушанки, и, главное, джинсы, настоящий “Рэнглер”, с буковкой W, вышитой на задних карманах, — вместо безразмерных полосатых больничных брюк. “С таким прикидом и по городу пройти будет не стыдно, — удовлетворенно отметил отпускник. — Ну вот, я на свободе, три дня я буду на воле. Чем заняться? Сходить, что ли, на дискотеку? Нет, с дрожащими от лекарств ногами и руками я буду посмешищем. Придется все три дня дома сидеть”.

За окном мелькали сосны, какие-то Богом забытые полустанки, с каждой минутой поезд приближалась к мегаполису. Сидевшие рядом на деревянных скамейках родители пытались о чем-то поговорить с отпрыском, но Андрей весь ушел в свои мысли. “Скоро, уже через несколько минут, я буду в городе, — думал Котов. — А что, если я вообще не буду возвращаться в больницу? Что мне будет? Если бы по статье откидывался, — уже привыкнув к воровскому жаргону, думал отпускник, — тогда бы понятно, в розыск бы подали, милиция бы стала охотиться. А так что, я просто гражданский больной. Тьфу ты, какой я больной, просто пациент, и все. Предъявить мне нечего. Другое дело, в

институте спросят, где я был полтора месяца, а мне и сказать нечего. Документ нужен, больничный. А его мне, если я не вернусь в больницу, никто не даст".

— Конечная станция. Поезд дальше не идет! Просьба освободить вагоны, — послышалось из динамика.

Андрей вздрогнул. Огромное здание вокзала поразило своей массивностью. "Странно, никогда раньше не думал, что главная станция города имеет такие внушительные размеры, — поразился отпускник, — одни колонны чего стоят!" Уже в подземном переходе, получив несколько толчков в бок, Андрей вспомнил, что такое толчея. На короткий миг его охватило проклятое чувство клаустрофобии. Толпы народа передвигались во всех мыслимых направлениях, волоча с собой сумки, баулы и тележки. После длительного пребывания в одиноко стоявшей посереди леса богадельне городская суета и масштабы давили на психику.

Кроме сумбурности городская жизнь поразила Андрея и присутствием в большом количестве лиц женского пола, о существовании которого пациент успел подзабыть. Молоденькие, одетые не по погоде девушки и обстоятельные дамы в годах привлекали внимание истосковавшегося по женской ласке молодого человека. Котов провожал взглядом каждую более или менее приятную особь женского пола, сокрушаясь, что нельзя прямо сейчас подойти и попытаться познакомиться. "Ничего, какие мои годы, все успею", — разговаривал сам с собой отпускник.

36

Первым делом, войдя в квартиру, Андрей отправился в ванну. Больничная баня, в которую водили пациентов дурки, представляла из себя маленькое помещение с затхлым запахом внутри. На три или четыре тазика приходилось по двадцать человек. За десять минут, выделяемых на помывку, можно было успеть лишь кое-как сполоснуться, но никак не вымыться. Сейчас, смывая с себя больничную грязь, Котов особо усердствовал, не жалея сил и мыла. После того как тело стало красным от растираний губкой, Котов пустил холодную воду. Ледяной душ освежил тело и голову.

"А сейчас закурить", — стараясь не замочить сигареты, отпускник взял влажными пальцами пачку с полки. Привычку курить в ванной комнате Андрей приобрел еще давно, классе в десятом. Узнав, что их отпрыск курит, родители запретами пытались отучить сына от вредной привычки. Именно тогда Андрей оборудовал тайничок для сигарет в вентиляционной шахте. Кроме того, идеальная тяга позволяла курить в ванной таким образом, что табачный дым не расплывался по квартире, а

весь вытягивался наверх.

“Ну что, с приездом, — затягиваясь сигаретой, поздравил сам себя отпускник, — теперь надо подумать, как провести день рождения, пригласить, что ли, друзей? Придут ли они ко мне? Ленке позвонить?” Пепел от сигареты упал в воду и зашипел. “Ну и где я раздобуду продукты для стола? Торт, шампанское? Убегаешься по магазинам, разыскивая необходимое, а у меня в запасе всего три, тьфу ты, черт, уже два с половиной дня. Сделаю так: бутылка “Абрау-Дюрсо” у меня в запасе есть, а закуску мать приготовит. Много ли нам надо?” С этими мыслями Котов растерся любимым махровым полотенцем и надел чистое белье.

Любимец семьи, сиамский кот Гаврила, который сначала, испугавшись странного запаха, исходившего от хозяина, сторонился Андрея, теперь подошел, стал урчать и проситься на руки. “Гаврюша, Гаврильчик, — приговаривал Андрей, гладя животное, — друг ты мой самый верный!” Тыкаясь мордой в подбородок Андрея, кот как бы спрашивал: “Ну, где ты так долго пропадал?” Котов погладил мохнатого друга по спине и стал чесать ему за ухом. Вдоволь пообщавшись с котом, Андрей выпустил скотинку на пол и подошел к телефону. Но Гаврила не отставал, залез на телефонный аппарат и мешал Андрею набрать нужный номер. “Мр-рр, хозяин, зачем тебе куда-то звонить, от людей ничего хорошего не дождешься, а вот я абсолютно бескорыстно полежу с тобой на диване и смурлыкаю тебе приятную песенку”. Отпускнику пришлось раза два снимать своего хвостатого друга с телефона, после чего кот, обиженно мявкнув, ушел в кухню.

— Здравствуйте, мне Лену, пожалуйста! — дрожащим от нервного напряжения голосом сказал Котов в трубку телефона.

— Добрый день, — не очень-то любезно ответили на другом конце провода.

— Это я, Ленка, — сказал Андрей, — не узнаешь, что ли?

— Да поняла уже, что ты. Что звонишь-то?

— Как что? Полтора месяца не виделись.

— И что?

— Да ничего, думал, что ты соскучилась.

— Нет, я не соскучилась.

— А я вот только о тебе и думал…

— Знаешь, Котов, давай начистоту. Я знаю, где ты был, вернее, лечился.

— Откуда? — удивился Андрей.

— Неважно. Я другое хочу сказать, у наших отношений нет перспективы.

— Почему?

— Честно? Потому, Андрюша, что там, где ты находился, лечатся только…

— Понятно, — не дав договорить бывшей подруге, сказал Котов, — ну, что же, желаю, так сказать, счастья в личной жизни! — с этими словами вспыливший отпускник бросил трубку аппарата.

Котов вскочил со стула и стал быстро ходить по комнате. Андрею страстно хотелось что-нибудь сломать. “Нет, так нельзя, — уговаривал он сам себя, — спокойно, спокойно. Не одна Ленка на белом свете живет, вон их сколько по улицам бегает, одна другой краше!” Чтобы как-то успокоиться, Андрей взял сигареты и вышел на площадку покурить. Но спокойно обмозговать ситуацию не получилось. Соседская дверь, в которую в свое время с красным крестом на груди ворвался Котов, открылась, и вышел сосед Вова.

— Ну, что, с выздоровлением! — не найдя ничего более подходящего к сложившемуся моменту, сказал Вован.

— Спасибо. Извините меня за случившееся, — полушепотом сказал Андрей, — болел я!

— Понятно, понятно, — криво улыбаясь, сказал сосед и продолжил: — Ну, ты и даешь, Андрюха! Я вот даже когда две бутылки водки выпью, и то так не буяню. Ты, наверное, ханкой ширанулся?

— Да нет.

— А че тогда?

— Да перезанимался наукой, я же как раз экзамены вступительные в аспирантуру сдал.

— Во-во, я всегда говорил, что все беды от учености, — резюмировал кое-как закончивший восемь классов сосед и продолжил: — Бросай ты свои академии, ничего там хорошего.

Андрей не ответил и, затушив сигарету, вернулся домой. “Бог ты мой, сейчас все мне будут тыкать в морду моей болезнью, хоть местожительство и место работы на самом деле меняй!” Интересно, думал отпускник, друзья тоже меня “фэйсом об тэйбл” будут тыкать, если я их приглашу на днюху? Взвешивая все за и против, Андрей все-таки решил пригласить приятелей.

— Сашка, это я, Андрей, — набрав привычный номер телефона, сказал в трубку Котов. На том конце провода помолчали несколько секунд, затем раздалось:

— Ну, ты, старина, и даешь, столько времени от людей прятаться!

— Я это, Шурик, в больнице парился.

— Да черт с ней, с больницей! Завтра ты дома?

— А куда мне еще идти-то?

— Ну, мы со Славяном к тебе подъедем, у тебя же, кажется, день рождения?

— Точно.

— Ну, жди, часам к шести подгребем!

37

На следующий день Котов принимал гостей. Два старинных приятеля, с которыми накануне отпускник имел разговор, появились на пороге квартиры с бутылкой шампанского в руках.

“Настоящие друзья на то и друзья, что им ничего объяснять не надо”, — думал Андрей, когда, сидя втроем за столом, приятели расписывали пульку. Конечно, оба друга не могли не обратить внимание на то, что всегда словоохотливый Котов по большей части молчал, руки именинника отчаянно дрожали, а подсчитывал свои взятки именинник очень медленно. Атмосфера на дне рождения сложилась тягостная. Друзья Андрея пытались шутить, развеселить отпускника, но в ответ Котов только тихо, односложно отвечал, иногда невпопад. Несмотря на это, гости старались не подать виду, что что-то не так. Никаких ненужных вопросов, что да почему, не было. И так было ясно, в какой больнице лечился несчастный именинник.

“А что, если мне вина выпить, хоть немного расслаблюсь”, — подумал Андрей и потянулся к бокалу с вином. Фужер был почти полон, в начале вечера именинник, отвечая на тост, лишь пригубил глоток вина, памятуя предостережения Игоря Николаевича. Но сейчас отпускник решил напиться. Рука Андрея отчаянно дрожала, несколько капель вина упали на скатерть. Славян и Шурик с плохо скрываемым удивлением смотрели на именинника. Стуча зубами о стекло, как законченный алкоголик, Андрей выпил содержимое фужера за один прием. Выпитый алкоголь согрел все внутри, но состояние опьянения не наступало. Котов выпил второй бокал — с тем же успехом. Он не знал, что при тех дозах нейролептиков, которые принимал, состояние опьянения можно достичь, выпив, как минимум, бутылку водки.

Когда приятели вышли на лестничную площадку, чтобы подымить, Андрей огорошил всех предложением курить сигарету на двоих. Гости недоуменно посмотрели на именинника. Конечно, время всеобщего дефицита, сигареты тяжело достать, но все же! Котов же за время пребывания в больнице забыл, что такое курить сигарету целиком. Он еще не успел полностью отойти от реалий психиатрической больницы. Когда один из друзей выбросил в лестничный пролет окурок размером три сантиметра, отпускник огорченно подумал, что так разбазаривать табачок могут только люди, не бывавшие в казенных домах.

Пулька была расписана, Андрей остался в большом проигрыше. Приятели, еще раз поздравив именинника, тихо ушли. Котов остался один на один со своими горькими мыслями. Чем больше он думал, тем меньше ему хотелось жить. “Все, абсолютно все видят во мне помешанного. Это вежливо скрывают, но от этого ничуть не легче. Уж лучше на самом деле болеть, бредить тамплиерами и находиться в дурке! Все, хватит, сейчас выпью таблетки, и баиньки. Может, хоть во сне что-нибудь приятное приснится!” Когда Андрей лег на свой любимый диван, к нему пришел Гаврила. Кот улегся на груди хозяина и завел свою незамысловатую, успокаивающую песню: “Ммр-мр-р”.

38

Утро последнего дня своего пребывания в отпуске Котов решил посвятить тем обязательствам, которые он имел перед больничной братией, и в первую очередь перед Карасем. Андрей напряг все мыслительные способности, чтобы вспомнить адрес зазнобы своего приятеля. “Так, улица, точно помню, Заводская и дом номер три. А вот квартира… То ли пятьдесят шесть, то ли шестьдесят шесть. Не помню. Кажется, Карась говорил, что третий подъезд и второй этаж. Там уж на месте и определюсь. Спрошу, если что. Имя-то я знаю”.

Одевшись и причесавшись, Андрей сбрызнулся одеколоном. Весь преисполненный удовольствия вот так просто, без всякого надзора передвигаться по городу, Котов вышел на улицу. Путь отпускника лежал к трамвайной остановке. Протоптанная сотнями прохожих тропинка лежала мимо высокой ели, установленной посереди двора. На зеленых лапах красавицы висела простая, составленная из обычных, покрашенных в различные цвета лампочек накаливания, гирлянда. Ближе к макушке была установлена надпись: “С Новым 1988 годом!” Вершину красавицы венчала красная звезда. Несмотря на то, что уже рассветало, лампочки, развешанные по дереву в незамысловатом порядке, то вспыхивали, то гасли. Вокруг дерева валялось много остатков бенгальских огней, цветной мишуры и просто всякого мусора как свидетельство бурно проведенной народом новогодней ночи. Навстречу Андрею то и дело попадались выпившие люди, которые беззлобно приставали к прохожим, поздравляя всех и вся с Новым годом.

Из-за осевшего на стеклах трамвая инея улицы не было видно, поэтому отпускник ориентировался только на объявления. “Следующая остановка — Заводская”, — прохрипело в динамике насквозь промерзшего вагона. Андрей вышел в малознакомом ему районе города и начал искать Заводскую улицу. Искомый объект скоро нашелся, но оказалось, что нужный Котову конец улицы

лежит в паре километров от остановки и надо было проехать еще два прогона вперед. “Ничего, пешочком пойду, — подумал Андрей, — хоть согреюсь немного”.

Дом № 3 представлял из себя серую пятиэтажную “хрущевку”. Андрей нашел третий подъезд и поднялся на второй этаж. Препятствия в виде домофона в те времена еще не было. Вот квартира номер пятьдесят шесть. Котов позвонил.

— Кого там несет? — раздался из-за двери старческий визгливый голос.

— Мне бы Тамару!

— Какую Тамару?

— Ну такую, она здесь жить должна, — ответил Андрей

За дверью воцарилось молчание, потом послышалось:

–Ах, Томку, что ли?

— Ну да!

— Так к ней в дверь и звоните. Она напротив, в пятьдесят пятой, живет. Сколько пить-то можно! Уже месяц у этой крали одни пьянки да кавалеры. Че по бабам-то таскаться? Беспутный вы народ, мужики!

Андрей не стал дослушивать и позвонил в пятьдесят пятую квартиру. Подождав пару минут, отпускник услышал поворот ключа в двери, и в проеме показался толстяк килограмм под сто, с огненно-рыжими лохматыми волосами. Здоровяк был одет в синюю вылинявшую майку, из-под которой торчал обильный волосяной покров. Майка была наполовину заправлена в семейные трусы, на ногах мужика были шлепанцы.

— Тебе чего надо? — с угрозой в голосе спросил незнакомец.

— Мне Тамару!

— Ах, Тамару! Я тебе сейчас такую Тамару покажу! — прорычал мужик и бросился на Андрея с кулаками. — Я тебя вразумлю, как к чужим бабам ходить!

— Да она не моя баба! — пытаясь уклониться от кулаков верзилы, закричал Андрей. — Меня попросили передать ей пару слов!

— Знаем мы ваши слова, только хозяин из дома вышел, так сразу к его бабе какой-нибудь гондон штопаный пристанет!

— Да не нужна мне твоя Тамара! — просипел Котов, поскольку в этот момент ревнивец схватил незваного гостя за горло.

“Надо делать ноги, пока этот громила меня не задушил!” — успел подумать Андрей и ногой пнул между ног толстяку.

— О-о, козел, так ты еще пинаться! — успел услышать побежавший по ступенькам Котов. Не дожидаясь развязки событий, он выскочил на улицу. По инерции чуть ли не бегом

отпускник прошел пару кварталов. Сердце учащенно билось, лоб, несмотря на уличный мороз, был в поту. “Ну, Карась, ну деятель, — сердился на Илью Андрей, — какого черта он с такими шмарами связывается. Она уже наверняка забыла Карася давным-давно. А я через нее чуть по шапке не получил!”

На обратном пути Котов купил две бутылки водки у таксистов, заплатив за спиртное в три раза выше магазинной цены, а также приобрел у старушки, торговавшей куревом, пару блоков сигарет исчезнувшей ныне марки “Дорожные” и, довольный совершенными покупками, вернулся в свою квартиру. Спиртное, чтобы не беспокоить родителей, спрятал во встроенном шкафу, сигареты положил в мешок, который начал собирать для возвращения в больницу. Складывая вещи, Котов попросил у матери чай.

— Тебе что, заварить, что ли?

— Нет, мне его нужно в больницу.

— А где вы его там кипятите?

— Да если медсестру хорошо попросить, то она мигом чай ставит, — соврал Андрей.

— А, тогда ладно, — ответила мать, доставая из шкафа пятидесятиграммовую пачку чая № 36.

— Нет, мам, этого мало будет, давай весь, который дома есть, вы же с отцом все равно кофе только пьете.

Весь чай — это было около килограмма отборного напитка.

— Ну что с тобой поделаешь, бери, только зачем так много? — спросила удивленная мать, еще не знавшая, что за полтора месяца пребывания в дурке сын стал законченным чифиристом.

— Так ведь не я же один буду пить, того угостишь, этого…

— Но ведь чай такой дефицит, не жалко тебе чужих людей поить?

— Сегодня я напою, завтра меня напоят!

— Ой ли, ты ведь сам говорил, что там ни к кому почти не ездят, а значит, ничего и не привозят!

— Понимаешь, мам, в больнице за чай все, что угодно, можно выменять. Да и от нас не убудет. Я скоро выйду из больницы, достану вам этого чая сколько угодно.

— Ну, ладно, Бог с тобой.

39

Ехать обратно в дурку Андрею очень не хотелось. Андрей встал с кровати, усилием воли заставил себя умыться, позавтракал и выпил утреннюю чашку чифиря. Терпкий напиток разогнал кровь по телу и заставил голову думать быстрее. Чтобы прикинуть план своих действий, отпускник вышел на лестничную площадку и закурил. Сизый дым расплывался по полутемному

подъезду и поднимался к мерцавшей под потолком маломощной лампе. “Итак, кроме хавки я везу с собой в больницу две бутылки водки, килограмм чая и два блока сигарет. Целое богатство по тамошним меркам. Надо будет захватить еще книжек, чего-нибудь из Дюма. Да, чуть не забыл, надо еще конфет шоколадных медсестрам, ну, или хотя бы пару плиток шоколада. Вот только где их взять, в магазине не то что конфет, сахара нет. Придется попросить у матери, у нее в загашнике наверняка все есть”.

Обратный путь до больницы показался Котову удивительно коротким. Казалось, он только что вышел из дома, и на тебе, уже стоит у входа в психбольницу. Высоченный забор, импровизированный КПП, лай собак. “Ей-ей, настоящий концлагерь, автоматчиков на вышках только не хватает”, — подумал Андрей.

Подойдя к отделению, Котов, оглянувшись по сторонам, достал водку и засунул бутылки в сугроб, после чего припорошил все снежком, а сверху воткнул сосновую веточку, чтобы дворник нашел алкоголь. Пачки с чаем пациент еще раньше растолкал по спортивному костюму, а также под нижнее белье. “Авось шмонать не будут, может, пронесет”.

Когда Андрей вошел в комнату для досмотра, он успел сунуть медсестре коробку “Птичьего молока”, страшного дефицита в ту пору, прежде чем та успела что-то сказать. Женщина, вышедшая для досмотра больного, улыбнулась и для приличия спросила:

— Спиртное, колющее, режущее с собой не привез?

— Не, Светлана Павловна, мне это ни к чему! — радуясь тому, что сегодня не смена Чикоты, ответил пациент. — Зачем мне эта водка, я же выписываюсь скоро!

— Ну, ладно, клади продукты в холодильник и проходи в отделение.

Первым делом, оказавшись внутри дурки, Кот двинулся к Илье. Карась с перевязанной рукой сидел в туалете и курил какой-то чинарик. Сумрачный вид приятеля красноречиво говорил о том, что Карась пережил за последние дни.

— Илья, здорово! — искренне обрадовавшись встрече, прокричал Андрей.

— Здорово, братуха! — улыбнулся, увидев Котова, Илья. — Ну, че, как съездил? Че новенького на воле?

— Обо всем рассказывать долго, первым делом на, держи, — и Котов подал Карасю пачку сигарет. Стоявшие в туалете пациенты чуть не поперхнулись от зависти. Целая пачка сигарет, когда тут впятером курят одну папироску!

— Во-вторых, когда народу не будет, расскажу все по

порядку. Главное, на ужин не ходи, я из города столько хавки привез, умотаться!

— Юмба! — обращаясь к толстяку, хрипло сказал Карась. — За таблетку циклы пайку за ужином даю! Согласен?

— Угу, только, может, ты меня сигареткой угостишь?

— Ладно, держи.

Тут же произошла типичная больничная история: на Юмбу налетели несколько изголодавшихся по табаку пациентов. В результате толстяк сделал от силы три затяжки.

— Вот так и живем, — констатировал Илья.

Когда Карась остался в туалете вдвоем с Котовым, Андрей вкратце рассказал о том, что с ним произошло на воле. Когда речь дошла до визита к Тамаре, Карась со злобы треснул кулаком по грязной, заплеванной стене.

— Все они, бабы, б…и, что твоя, что моя! А я-то надеялся, думал: на волю выйду, поженимся. О семье мечтал. Вот что, Кот, я тебе скажу: не верь бабам, не верь никогда! Когда у меня бабло было, она так и крутила задом около меня. А как только у меня начались проблемы, кинула меня! А я, дурак, еще на юг ее возил! Цветы дарил! Кот, ты еще молодой, делай выводы! Не для дурдомовцев такое счастье, как семья! В одного надо жить с нашей болезнью. А потрахаться, так лучше к автовокзалу идти, вон сколь там путанок бродит! За полсотню все, что ты хочешь, сделает!

Андрей слушал своего приятеля и только молчал. “Прав ты, Илья, конечно, прав. Но ведь я-то на двадцать лет моложе тебя, кажется, все еще впереди, а ты мне такую перспективу рисуешь!” Карась все еще что-то говорил, размахивая руками, но Котов уже не слушал его, уйдя в свои мысли.

— Керы-то привез? — крикнул Андрею в самое ухо Илья. Котов вздрогнул. — Я тебя уже в третий раз спрашиваю, водку-то прихватил? — разозлился Карась.

— Привез, привез, слева от входа в отделение сугроб, там веточка торчит, а под ней бутылки спрятаны.

— Ну, все, Тузу надо будет сказать. Втроем ночью сегодня раздавим водочку!

40

Для того чтобы персонал не мешал выпить спиртное, стакан сорокоградусной налили санитару Игорю. Игорь, как и большинство мужского персонала больницы, в недавнем прошлом был зэк. Лишних вопросов санитар не задавал. Выпив предложенный алкоголь, он разрешил Карасю выйти из наблюдательной в палату, где жил Туз. Обиталище смотрящего за крыткой существенно отличалось от остальных помещений

отделения. Во-первых, палата была четырехместной, но в действительности в ней обитали только двое: сам Туз и его подпевало Касим. Во-вторых, на окнах в палате были занавески, а над кроватью смотрящего висело матерчатое узорное покрывало. Сама шконка Туза стояла на козырном месте, параллельно батарее отопления. На полу перед кроватью лежал коврик, на столе открыто лежали сигареты и стояли стаканы.

— Ну что, пьем за то, чтобы побыстрее выйти отсюда, — сказал Туз и опрокинул сто грамм. Вместе с ним выпили Илья и Андрей. Закусывали припасенной Котовым колбасой.

— А ведь меня, Андрюха, когда ты уехал, чуть на тот свет тут не отправили! — занюхивая водку хлебной корочкой, сказал Илья. — Только аминазина четыре куба вкололи и сульфы под лопатку! Два дня отходил, кое-что соображать только вчера начал!

— Так зачем ты до врача стал докапываться? — спросил Котов. — Руку зачем резал?

— Да ты пойми, когда в жизни никакого просвета нет, еще не то сделаешь!

— Ну, ладно, это в прошлом, надо надеяться на лучшее.

— Это ты верно говоришь, — одобрил Туз, — но ты и нас, принудчиков, пойми. Со здоровыми людьми ведь как? Совершил преступление, отсидел свой срок — и домой. А если ты сюда, в эту богадельню, попал, то только на милость врача остается надеяться, как гадание на ромашке, выпустит, не выпустит. Вон Глазков, у него срок за хулиганку максимум четыре года. А он уже десять лет в этом гадюшнике обитает.

— Ну, тогда за то, мужики, выпьем, чтобы врач нам поперек дороги не встал! — предложил Андрей.

— И за то, чтобы побыстрее с нас принудительное лечение сняли! — добавил Туз.

Через полчаса компания захмелела. И тут Туз, обращаясь к Андрею, сказал:

— Дельце у меня к тебе есть, к человеку одному в городе зайти надо!

— Так я ведь, как и ты, в больнице околачиваюсь! — ответил Котов.

— Тебя скоро выпустят.

Котов, памятуя о том, как уже выполнял подобную просьбу со стороны Карася и чем это закончилось, замялся. Как бы читая его мысли, Туз прошептал:

— Не бойся, никакого криминала нет, занесешь записочку от меня, тебе еще спасибо скажут.

— Ну, если только записочку.

— Вот и договорились. А то если надоело на государство горбатиться, так ты скажи, я тебе могу дорогу нужную сделать.

— Например?

— Так вот хотя бы водкой торговать. Я корешам могу передать, они тебе место найдут и керой снабжать будут. Сколько ты в своем институте получаешь в месяц?

— Сто сорок.

— Смех. На торговле бухлом ты тысячу огребать будешь!

— Заманчиво, только я хочу диссертацию защитить.

— Кому она, твоя диссертация-то, нужна? Чувствуешь, какие сейчас перемены-то в жизни идут? Сейчас нужно за деньгу работать, а не за идею!

— Надо подумать, только ведь и ученые нужны кому-то.

— Послушай, скоро времена такие настанут, что никто никому нужен не будет.

— А я все-таки верю, что интеллектуальный труд будет в почете.

— Ну, как хочешь. Получишь за свою работу орден Сутулого и медаль Горбатого!

— Все, мужики, заканчивайте, — вмешался в разговор компании Игорь. — Спать идите!

— Все, гражданин начальник, — ответил Туз, — сворачиваемся!

— Хорошо, хоть вертухаем не назвал, — рассмеялся санитар.

41

Последние дни пребывания в больнице тянулись медленно. Днем работа и чифирь, вечером все та же богадельня. В стенах заведения Андрей общался с Карасем, Печенем и Бородой. На улице вместе с бригадой таскал тяжеленные доски. Все проблемы были те же, что и раньше: где достать чай, курево и хавку. Продукты, которые привез Котов, быстро закончились, но благодаря им три дня компания вечером устраивала себе пир горой.

— Ну, что, друг, скоро тебе укол правды поставят, — сказал Андрею как-то ближе к февралю Илья.

— А что это такое?

— Ну, кайфовый такой укол. Всем выписывающимся его ставят. Тебя им уколют, а ты начинаешь все рассказывать, что у тебя в голове.

— А зачем это?

— Ну, не выпускать же тебя недолеченного. Вдруг ты только вид делаешь, что выздоровел, чтобы смотаться отсюда побыстрее. А под действием этого укола все расскажешь.

— А если я не хочу такого укола?

— И спрашивать не будут. Одна беда, могут спросить о всей движухе в больнице. Так что помимо своей воли заложить можешь кого-нибудь.

— А я тогда откажусь.

— Бесполезно, да ты не переживай, авось пронесет. Чаще-то спрашивают за твой гон, за шизуху то есть.

Через день Котова действительно позвали в процедурку. На стуле возле стены сидел Игорь Николаевич.

— Андрей, сейчас вам поставят укольчик, и вы ответите мне на несколько вопросов.

— А что это за укол?

— Витаминчики, — соврал врач.

— Ну, что же, ставьте.

В вену пациенту ввели иглу. Медсестра медленно выдавливала содержимое шприца, смотря за тем, чтобы больной не терял сознания. Внезапно Андрею стало очень хорошо, только немного кружилась голова. Игорь Николаевич спросил:

— К вам приходят рыцари-тамплиеры?

— Нет.

— Вам не кажется, что на вас могут влиять какие-нибудь люди или предметы?

— Нет.

— Слышите ли вы чьи-нибудь голоса?

— Нет, только вас.

— Все, достаточно, Андрей, вы свободны.

Покачиваясь на ногах, пьяный от укола Котов пошел к себе в палату. Андрею захотелось обнять всех одновременно, так ему было хорошо.

— Ну, как тебе “укол правды”? — спросил Андрея Печень.

— Кайф! — с осоловевшими глазами ответил Котов.

— Это точно, наверняка ведь какой-то наркотик нам внутривенно ширяют! Мне такой же в прошлую госпитализацию ставили, так я даже рассказал, как в третьем классе у учительницы со стола трешку стибрил, — смеясь, говорил Леша.

На следующий день врач пригласил Котова уже в ординаторскую.

— Ну, что, Андрей, по дому соскучились?

— А то!

— Завтра туда и поедете, я вас выписываю.

Пациент, столько ждавший этого разговора, почему-то особой радости не испытывал.

— Скажите, доктор, а от армии вы меня освободите?

— К сожалению, да. А может, и к радости. Что вам с вашими жизненными планами на воинской службе делать? Вы ведь

собираетесь продолжить работу в Академии наук?

— Точно, там. Только ведь если вы освободите меня от армии, у меня же никакой перспективы не будет! Да даже водительские права мне не получить!

— Бросьте вы, Андрей. У нас сотни людей только и хотели бы избежать службы, а вы что-то артачитесь. Живите себе спокойно, дома таблеточки принимайте, и, может, мы с вами больше никогда и не увидимся.

— Скажите, а что мне на работе сказать, где я был два месяца?

— Так мы вам больничный выпишем!

— А нельзя ли какую-нибудь справку, ведь в больничном вы диагноз укажете!

— Не беспокойтесь, напишем “астеническое состояние” и, чтобы вы успокоились, добавим: “после гриппа”.

— Ну, это другое дело.

— Кстати, Андрей, вы никому не сказали, что лечились у нас?

— Нет, но, по-моему, все и так знают.

— Это у вас мнительность. Никому не говорите, что вы в психиатрической больнице лежали.

— Хорошо!

Последний свой вечер в богадельне Котов посвятил Илье. Приятели не расставались и постоянно разговаривали.

— Спасибо тебе, Карась. Без твоей помощи не знаю, что со мною и было бы.

— Да ерунда.

— Может, к тебе приехать, когда я выйду?

— А что толку, свиданку только с родственниками разрешают.

— А продукты-то передадут?

— Нет, у них правила строгие, только если через рабочих, которые на улицу ходят, передать, так ведь это еще подгадать надо.

— Илья, все равно выпустят ведь тебя когда-нибудь на волю, ты телефончик мой черкани где-нибудь. Позвонишь, встретимся!

42

Прошло три года. Все это время Котов усердно корпел над научной работой. В отличие от многих других пациентов желтого дома, Андрей регулярно пил таблетки, а поэтому держался и в больницу не попадал. Памятуя о том, сколько хорошего Карась сделал для него, Андрей несколько раз ездил в больницу и передавал приятелю хавку и сигареты. Все свое свободное время Котов тратил на посещение библиотеки и проведение научного эксперимента. В последние дни перед защитой диссертации Котов

стал плохо спать, сказывалось напряжение, в котором пребывал соискатель ученой степени. Не помогали даже дефицитнейшие импортные лекарства. “Может, пронесет”, — думал Андрей, но чувствовал, что со здоровьем что-то не так.

Доклад, посвященный изложению материала диссертации, как потом скажут сотрудники, был сделан отлично, соискатель не читал доклад по бумажке, а говорил по памяти. Блестяще были сделаны ответы на вопросы оппонентов. Прошло голосование. Тринадцать голосов были за признание диссертации, против — только один. Когда огласили решение комиссии, лицо соискателя ученой степени озарилось улыбкой. Внезапно взгляд Андрея упал на светильник на потолке. Из потока света, чтобы поздравить Котова, скакал мужественный тамплиер, вечно стремящийся к небесному Иерусалиму борец за освобождение Гроба Господня. Рыцарь протягивал руку для поздравления, приглашая Андрея сесть рядом с ним на коня и отправиться в такое увлекательное путешествие.

— Ну, тогда, короче, берите то, что я велел. Че за времена пошли! За сотку чая синенькую отдавать! Оборзели они там на воле!

— Будет сделано, — с подобострастными нотками в голосе отрапортовал Борян и просительно добавил: — На замутку чая из пачки можно отсыпать?

— Ладно, только на одну. Остальное чтобы вечером в отделении было!

— Понято, будет сделано, — отчеканил довольный бригадир.

Лицо продавщицы в магазине, который сегодня работяги уже посещали, отразило всю гамму негативного отношения, которое вызывают покупатели без копейки в кармане у работников прилавка. Но, увидев пятирублевую бумажку у себя перед носом, пергидролевая блондинка сменила гнев на милость и достала откуда-то из-под прилавка пачку со слониками. Бригадир принял товар как золотой. Осторожно обернув чай носовым платком, Борян положил пачку во внутренний карман.

— Сейчас к сторожу лесопилки пойдем, у него и кипятильник есть, и стакан найдется. Попьем чифирьку, Касим разрешил на одну заварку чая отсыпать из пачки.

В каптерке у Коли, охранника лесопилки, было жарко натоплено. В буржуйке потрескивали березовые поленья. Воздух охранного помещения был спертым, пахло кислой капустой и несвежим бельем. На топчане, покрытом каким-то грязным покрывалом, расположился сам сторож. Гости сидели по

привычке, которая характерна для мест лишения свободы, на полу, на корточках, вокруг алюминиевой кружки и дожидались того момента, когда будет готов чифирь. Сам хозяин не брезговал общаться с психами, был незлобив и уступчив. Зная это, больные уважали Коляна и при случае угощали либо водкой, либо чаем.

— Ну, че, дядя Коля, начинай, — подавая кружку старику, сказал Борян.

— А нифеля-то упали?

— Упали, вон и пенка коричневая на поверхности появилась, — вставил Борода.

Поджимая губы, хозяин беззубым ртом сделал два маленьких глотка. Лицо Коляна перекосила гримаса.

— Ох, крепкий слишком заварили. И не жалко вам сердце свое? Копыта же можно отбросить!

— Все нормально, чем крепче, тем лучше. А помирать нам всем придется, так и так. А о сердце не думаешь, когда с башкой проблемы. Может, оно и лучше, помереть побыстрее, чем с шизухой жить, — внес минорную ноту в разговор Борода.

— Это ты зря, — осудил пессимиста Котов. — Вся жизнь еще впереди.

— И вся по дуркам, — съязвил Стас.

— Лично я здесь последний раз, — безапелляционно отреагировал Андрей.

— Это ты так по неопытности своей говоришь, кто в дурке хоть раз побывал, на всю жизнь здесь прописан, — подал голос до сих пор молчавший Гвоздь и добавил: — От тюрьмы, сумы и психбольницы не зарекайся!

— А я таблетки буду пить, — не сдавался Котов.

— Да хоть запейся, эти таблетки никакой пользы не приносят, а тормозят так капитально, что простого дела сделать не можешь, сам от снадобий откажешься, — стоял на своем Борода и продолжил: — Вот если циклу, реланиум или что-нибудь похожее пить, это дело.

— Короче, все вы наркоманы, — объявил Борян. — Я-то хоть от “белочки” здесь лечусь, мне, если водку не пить, хоть куда можно идти, везде возьмут! И пилюли никакие не нужны! А ваши наркоманские разговоры, какие таблетки пить, а какие не пить, до добра не доведут.

— Зря ты, Борян, так, — ответил Борода. — Что правда, то правда, все мы на этой системе. Что будет, если человека пару месяцев психотропными лекарствами покормить?

— Что?

— Да ничего, привыкает человек, и все. Чем дальше, тем ему больше требуется транквилизаторов и антидепрессантов. А если

год лекарствами закидываться? А пять лет? А всю жизнь? Если честно, то все пьющие наши лекарства впадают в зависимость почище героиновой. Не пьешь лекарства, врачи ругаются. Пьешь — зависимость приобретаешь. Выпить таблетку, чтобы проснуться, таблетку — чтобы заснуть. Замкнутый круг! И психиатры обо всем этом прекрасно знают.

— Грустно все это, — резюмировал Андрей.

— Давайте лучше “тысячу” распишем! — уже ощутивший прилив бодрости от выпитого напитка, сказал Гвоздь. — Как раз до ужина партию закончим!

34

За пару недель, которые прошли с того момента, как Андрея вывели на работу, Котов значительно повеселел, на его щеках появился румянец. Андрей, несмотря на то, что был сильно подторможен нейролептиками, стал даже иногда улыбаться и беззлобно подтрунивать над Фиксой, Валькой и Танькой и другими больничными чудиками. Стабильное состояние пациента утвердило Игоря Николаевича в решении, что больного можно выпустить в домашний отпуск.

— Ну, Андрей, готовься, домой тебе разрешаю съездить, — потирая переносицу, сказал эскулап на обходе. Присутствующие при этом пациенты завистливо посмотрели на счастливчика, а Карась даже присвистнул.

— У меня как раз пятнадцатого день рождения! — обрадованно воскликнул Котов.

Игорь Николаевич, услышав о том, что Котов скоро именинник, полез в карман халата и достал несколько шоколадных конфет, которые протянул везунчику.

— Поздравляю тебя от всей души и искренне рад тому, что ты идешь на поправку! Только одна просьба: не пей дома спиртного, оно тебе отныне противопоказано. Как бы тебя, Андрей, ни уговаривали, помни, алкоголь может спровоцировать новый приступ. Каким бы вкусным вино ни казалось, оно для тебя — табу.

— А когда домой-то? — нетерпеливо спросил Котов.

— После обхода я позвоню твоим родственникам, одного тебя, к сожалению, выпустить не могу.

— Почему? Со мной ничего не случится! Что я, дорогу домой не найду, что ли?

— Такие правила, из этой больницы пациентам можно ехать домой только в сопровождении родственников.

— Игорь Николаевич, — в один голос возбужденно стали говорить окружавшие врача другие больные, — а нам когда можно в отпуск?

— Все зависит от состояния здоровья. Я бы рад вас всех выпустить, но надо подождать.

— А вот я совсем здоров, — сказал Карась. — А вы меня не то что в отпуск, на улицу на прогулку не разрешаете выйти!

Глаза Ильи от вопиющей, как ему казалось, несправедливости налились кровью. Брызгая слюной, он начал орать:

— Чем я отличаюсь от нормального человека? Других уже по несколько раз выпускали, а я что, хуже? Может, вы смерти моей хотите! Сколько людей откинулось уже в этой больнице! На мою квартиру, наверное, претендуете!

— Успокойтесь, Карасиков. От нормального человека вы отличаетесь только тем, что кричите без повода, — рассердился Игорь Николаевич на нелепое обвинение, но, взяв себя в руки, продолжил: — Вы, Илья, преступили закон, к вам у нас отношение более строгое.

В уме эскулап отметил, что Карасиков расторможен: “Либо таблетки не пьет, либо чифирем или циклодолом накачался, надо добавить ему галоперидол”.

— Где же правда? — продолжал орать Карась. — Вы что, меня до смерти мариновать здесь будете?

— Тише, тише, Карасиков, — зашикала на разошедшегося больного медсестра. — Ты почему орешь на врача? На вязки захотел?

Андрей взял Илью за рукав пижамы и попытался отвести от греха подальше вышедшего из себя приятеля в сторону.

— Ты что, Илья, — зашептал в ухо психовавшему Котов. — Он же тебе, — имея в виду врача, — на самом деле “хорошую” жизнь может устроить!

— Вы все заодно! И ты, Кот, такой же! — с этими словами Карась вытащил откуда-то лезвие бритвы и полоснул себя по предплечью. Побежавшая ручьем кровь залила пол около пожелавшего свести счеты с жизнью пациента. Тут же прибежали санитары, схватили буянившего Илью и связали его. Медсестра, склонившись над бедолагой, делала скандалисту тугую повязку. Игорь Николаевич тем временем по телефону вызванивал “скорую”. Вскоре Карася увезли в хирургическое отделение одной из городских больниц, где без наркоза зашили располосованную руку.

После того как скандалист был привезен обратно, его привязали к кровати и вкатили ударную дозу аминазина. Андрей, который все это видел, сильно переживал, что ничем не может помочь своему другу. “Ничего, Илья, — думал Котов, — потерпи немного, я привезу тебе из дома и хавки, и сигарет, и водки тоже”. Еще Андрей опасался, что над заколотым лекарствами и

связанным Ильей будут издеваться изгои наблюдательной палаты. С этой мыслью Котов подошел к Леше Печеню, с которого взял слово, что тот будет поддерживать Карася, пока Андрей будет в городе. А Таньке, Вальке и Фиксе строго указал, что если с Карасем что-нибудь случится, то он, Кот, лично выбьет у каждого из троицы оставшиеся зубы. После этого Котов пробрался к кровати Карася и всыпал ему в карман шоколадные конфеты, подаренные врачом, а также положил почти полную пачку “Кометы”. Отпускник даже попытался поговорить с несчастным приятелем, но заколотый нейролептиками Карась только пускал пузыри и нечленораздельно мычал.

35

Андрей ехал в пригородной электричке, получая большое удовольствие от того, что на нем надета городская одежда. Японская “аляска”, на которую ушла вся зарплата, полученная в один из сезонов работы в стройотряде, — вместо телогрейки, трикотажная спортивная шапочка с надписью “Адидас” — вместо засаленной ушанки, и, главное, джинсы, настоящий “Рэнглер”, с буковкой W, вышитой на задних карманах, — вместо безразмерных полосатых больничных брюк. “С таким прикидом и по городу пройти будет не стыдно, — удовлетворенно отметил отпускник. — Ну вот, я на свободе, три дня я буду на воле. Чем заняться? Сходить, что ли, на дискотеку? Нет, с дрожащими от лекарств ногами и руками я буду посмешищем. Придется все три дня дома сидеть”.

За окном мелькали сосны, какие-то Богом забытые полустанки, с каждой минутой поезд приближалась к мегаполису. Сидевшие рядом на деревянных скамейках родители пытались о чем-то поговорить с отпрыском, но Андрей весь ушел в свои мысли. “Скоро, уже через несколько минут, я буду в городе, — думал Котов. — А что, если я вообще не буду возвращаться в больницу? Что мне будет? Если бы по статье откидывался, — уже привыкнув к воровскому жаргону, думал отпускник, — тогда бы понятно, в розыск бы подали, милиция бы стала охотиться. А так что, я просто гражданский больной. Тьфу ты, какой я больной, просто пациент, и все. Предъявить мне нечего. Другое дело, в институте спросят, где я был полтора месяца, а мне и сказать нечего. Документ нужен, больничный. А его мне, если я не вернусь в больницу, никто не даст”.

— Конечная станция. Поезд дальше не идет! Просьба освободить вагоны, — послышалось из динамика.

Андрей вздрогнул. Огромное здание вокзала поразило своей массивностью. “Странно, никогда раньше не думал, что главная станция города имеет такие внушительные размеры, — поразился

отпускник, — одни колонны чего стоят!" Уже в подземном переходе, получив несколько толчков в бок, Андрей вспомнил, что такое толчея. На короткий миг его охватило проклятое чувство клаустрофобии. Толпы народа передвигались во всех мыслимых направлениях, волоча с собой сумки, баулы и тележки. После длительного пребывания в одиноко стоявшей посереди леса богадельне городская суета и масштабы давили на психику.

Кроме сумбурности городская жизнь поразила Андрея и присутствием в большом количестве лиц женского пола, о существовании которого пациент успел подзабыть. Молоденькие, одетые не по погоде девушки и обстоятельные дамы в годах привлекали внимание истосковавшегося по женской ласке молодого человека. Котов провожал взглядом каждую более или менее приятную особь женского пола, сокрушаясь, что нельзя прямо сейчас подойти и попытаться познакомиться. "Ничего, какие мои годы, все успею", — разговаривал сам с собой отпускник.

36

Первым делом, войдя в квартиру, Андрей отправился в ванну. Больничная баня, в которую водили пациентов дурки, представляла из себя маленькое помещение с затхлым запахом внутри. На три или четыре тазика приходилось по двадцать человек. За десять минут, выделяемых на помывку, можно было успеть лишь кое-как сполоснуться, но никак не вымыться. Сейчас, смывая с себя больничную грязь, Котов особо усердствовал, не жалея сил и мыла. После того как тело стало красным от растираний губкой, Котов пустил холодную воду. Ледяной душ освежил тело и голову.

"А сейчас закурить", — стараясь не замочить сигареты, отпускник взял влажными пальцами пачку с полки. Привычку курить в ванной комнате Андрей приобрел еще давно, классе в десятом. Узнав, что их отпрыск курит, родители запретами пытались отучить сына от вредной привычки. Именно тогда Андрей оборудовал тайничок для сигарет в вентиляционной шахте. Кроме того, идеальная тяга позволяла курить в ванной таким образом, что табачный дым не расплывался по квартире, а весь вытягивался наверх.

"Ну что, с приездом, — затягиваясь сигаретой, поздравил сам себя отпускник, — теперь надо подумать, как провести день рождения, пригласить, что ли, друзей? Придут ли они ко мне? Ленке позвонить?" Пепел от сигареты упал в воду и зашипел. "Ну и где я раздобуду продукты для стола? Торт, шампанское? Убегаешься по магазинам, разыскивая необходимое, а у меня в запасе всего три, тьфу ты, черт, уже два с половиной дня. Сделаю

так: бутылка “Абрау-Дюрсо” у меня в запасе есть, а закуску мать приготовит. Много ли нам надо?” С этими мыслями Котов растерся любимым махровым полотенцем и надел чистое белье.

Любимец семьи, сиамский кот Гаврила, который сначала, испугавшись странного запаха, исходившего от хозяина, сторонился Андрея, теперь подошел, стал урчать и проситься на руки. “Гаврюша, Гаврильчик, — приговаривал Андрей, гладя животное, — друг ты мой самый верный!” Тыкаясь мордой в подбородок Андрея, кот как бы спрашивал: “Ну, где ты так долго пропадал?” Котов погладил мохнатого друга по спине и стал чесать ему за ухом. Вдоволь пообщавшись с котом, Андрей выпустил скотинку на пол и подошел к телефону. Но Гаврила не отставал, залез на телефонный аппарат и мешал Андрею набрать нужный номер. “Мр-рр, хозяин, зачем тебе куда-то звонить, от людей ничего хорошего не дождешься, а вот я абсолютно бескорыстно полежу с тобой на диване и смурлыкаю тебе приятную песенку”. Отпускнику пришлось раза два снимать своего хвостатого друга с телефона, после чего кот, обиженно мявкнув, ушел в кухню.

— Здравствуйте, мне Лену, пожалуйста! — дрожащим от нервного напряжения голосом сказал Котов в трубку телефона.

— Добрый день, — не очень-то любезно ответили на другом конце провода.

— Это я, Ленка, — сказал Андрей, — не узнаешь, что ли?

— Да поняла уже, что ты. Что звонишь-то?

— Как что? Полтора месяца не виделись.

— И что?

— Да ничего, думал, что ты соскучилась.

— Нет, я не соскучилась.

— А я вот только о тебе и думал…

— Знаешь, Котов, давай начистоту. Я знаю, где ты был, вернее, лечился.

— Откуда? — удивился Андрей.

— Неважно. Я другое хочу сказать, у наших отношений нет перспективы.

— Почему?

— Честно? Потому, Андрюша, что там, где ты находился, лечатся только…

— Понятно, — не дав договорить бывшей подруге, сказал Котов, — ну, что же, желаю, так сказать, счастья в личной жизни! — с этими словами вспыливший отпускник бросил трубку аппарата.

Котов вскочил со стула и стал быстро ходить по комнате. Андрею страстно хотелось что-нибудь сломать. “Нет, так нельзя,

— уговаривал он сам себя, — спокойно, спокойно. Не одна Ленка на белом свете живет, вон их сколько по улицам бегает, одна другой краше!" Чтобы как-то успокоиться, Андрей взял сигареты и вышел на площадку покурить. Но спокойно обмозговать ситуацию не получилось. Соседская дверь, в которую в свое время с красным крестом на груди ворвался Котов, открылась, и вышел сосед Вова.

— Ну, что, с выздоровлением! — не найдя ничего более подходящего к сложившемуся моменту, сказал Вован.

— Спасибо. Извините меня за случившееся, — полушепотом сказал Андрей, — болел я!

— Понятно, понятно, — криво улыбаясь, сказал сосед и продолжил: — Ну, ты и даешь, Андрюха! Я вот даже когда две бутылки водки выпью, и то так не буяню. Ты, наверное, ханкой ширанулся?

— Да нет.

— А че тогда?

— Да перезанимался наукой, я же как раз экзамены вступительные в аспирантуру сдал.

— Во-во, я всегда говорил, что все беды от учености, — резюмировал кое-как закончивший восемь классов сосед и продолжил: — Бросай ты свои академии, ничего там хорошего.

Андрей не ответил и, затушив сигарету, вернулся домой. "Бог ты мой, сейчас все мне будут тыкать в морду моей болезнью, хоть местожительство и место работы на самом деле меняй!" Интересно, думал отпускник, друзья тоже меня "фэйсом об тэйбл" будут тыкать, если я их приглашу на днюху? Взвешивая все за и против, Андрей все-таки решил пригласить приятелей.

— Сашка, это я, Андрей, — набрав привычный номер телефона, сказал в трубку Котов. На том конце провода помолчали несколько секунд, затем раздалось:

— Ну, ты, старина, и даешь, столько времени от людей прятаться!

— Я это, Шурик, в больнице парился.

— Да черт с ней, с больницей! Завтра ты дома?

— А куда мне еще идти-то?

— Ну, мы со Славяном к тебе подъедем, у тебя же, кажется, день рождения?

— Точно.

— Ну, жди, часам к шести подгребем!

37

На следующий день Котов принимал гостей. Два старинных приятеля, с которыми накануне отпускник имел разговор, появились на пороге квартиры с бутылкой шампанского в руках.

“Настоящие друзья на то и друзья, что им ничего объяснять не надо”, — думал Андрей, когда, сидя втроем за столом, приятели расписывали пульку. Конечно, оба друга не могли не обратить внимание на то, что всегда словоохотливый Котов по большей части молчал, руки именинника отчаянно дрожали, а подсчитывал свои взятки именинник очень медленно. Атмосфера на дне рождения сложилась тягостная. Друзья Андрея пытались шутить, развеселить отпускника, но в ответ Котов только тихо, односложно отвечал, иногда невпопад. Несмотря на это, гости старались не подать виду, что что-то не так. Никаких ненужных вопросов, что да почему, не было. И так было ясно, в какой больнице лечился несчастный именинник.

“А что, если мне вина выпить, хоть немного расслаблюсь”, — подумал Андрей и потянулся к бокалу с вином. Фужер был почти полон, в начале вечера именинник, отвечая на тост, лишь пригубил глоток вина, памятуя предостережения Игоря Николаевича. Но сейчас отпускник решил напиться. Рука Андрея отчаянно дрожала, несколько капель вина упали на скатерть. Славян и Шурик с плохо скрываемым удивлением смотрели на именинника. Стуча зубами о стекло, как законченный алкоголик, Андрей выпил содержимое фужера за один прием. Выпитый алкоголь согрел все внутри, но состояние опьянения не наступало. Котов выпил второй бокал — с тем же успехом. Он не знал, что при тех дозах нейролептиков, которые принимал, состояние опьянения можно достичь, выпив, как минимум, бутылку водки.

Когда приятели вышли на лестничную площадку, чтобы подымить, Андрей огорошил всех предложением курить сигарету на двоих. Гости недоуменно посмотрели на именинника. Конечно, время всеобщего дефицита, сигареты тяжело достать, но все же! Котов же за время пребывания в больнице забыл, что такое курить сигарету целиком. Он еще не успел полностью отойти от реалий психиатрической больницы. Когда один из друзей выбросил в лестничный пролет окурок размером три сантиметра, отпускник огорченно подумал, что так разбазаривать табачок могут только люди, не бывавшие в казенных домах.

Пулька была расписана, Андрей остался в большом проигрыше. Приятели, еще раз поздравив именинника, тихо ушли. Котов остался один на один со своими горькими мыслями. Чем больше он думал, тем меньше ему хотелось жить. “Все, абсолютно все видят во мне помешанного. Это вежливо скрывают, но от этого ничуть не легче. Уж лучше на самом деле болеть, бредить тамплиерами и находиться в дурке! Все, хватит, сейчас выпью таблетки, и баиньки. Может, хоть во сне что-нибудь

приятное приснится!” Когда Андрей лег на свой любимый диван, к нему пришел Гаврила. Кот улегся на груди хозяина и завел свою незамысловатую, успокаивающую песню: “Ммр-мр-р”.

38

Утро последнего дня своего пребывания в отпуске Котов решил посвятить тем обязательствам, которые он имел перед больничной братией, и в первую очередь перед Карасем. Андрей напряг все мыслительные способности, чтобы вспомнить адрес зазнобы своего приятеля. “Так, улица, точно помню, Заводская и дом номер три. А вот квартира… То ли пятьдесят шесть, то ли шестьдесят шесть. Не помню. Кажется, Карась говорил, что третий подъезд и второй этаж. Там уж на месте и определюсь. Спрошу, если что. Имя-то я знаю”.

Одевшись и причесавшись, Андрей сбрызнулся одеколоном. Весь преисполненный удовольствия вот так просто, без всякого надзора передвигаться по городу, Котов вышел на улицу. Путь отпускника лежал к трамвайной остановке. Протоптанная сотнями прохожих тропинка лежала мимо высокой ели, установленной посереди двора. На зеленых лапах красавицы висела простая, составленная из обычных, покрашенных в различные цвета лампочек накаливания, гирлянда. Ближе к макушке была установлена надпись: “С Новым 1988 годом!” Вершину красавицы венчала красная звезда. Несмотря на то, что уже рассветало, лампочки, развешанные по дереву в незамысловатом порядке, то вспыхивали, то гасли. Вокруг дерева валялось много остатков бенгальских огней, цветной мишуры и просто всякого мусора как свидетельство бурно проведенной народом новогодней ночи. Навстречу Андрею то и дело попадались выпившие люди, которые беззлобно приставали к прохожим, поздравляя всех и вся с Новым годом.

Из-за осевшего на стеклах трамвая инея улицы не было видно, поэтому отпускник ориентировался только на объявления. “Следующая остановка — Заводская”, — прохрипело в динамике насквозь промерзшего вагона. Андрей вышел в малознакомом ему районе города и начал искать Заводскую улицу. Искомый объект скоро нашелся, но оказалось, что нужный Котову конец улицы лежит в паре километров от остановки и надо было проехать еще два прогона вперед. “Ничего, пешочком пойду, — подумал Андрей, — хоть согреюсь немного”.

Дом № 3 представлял из себя серую пятиэтажную “хрущевку”. Андрей нашел третий подъезд и поднялся на второй этаж. Препятствия в виде домофона в те времена еще не было. Вот квартира номер пятьдесят шесть. Котов позвонил.

— Кого там несет? — раздался из-за двери старческий

визгливый голос.

— Мне бы Тамару!

— Какую Тамару?

— Ну такую, она здесь жить должна, — ответил Андрей

За дверью воцарилось молчание, потом послышалось:

–Ах, Томку, что ли?

— Ну да!

— Так к ней в дверь и звоните. Она напротив, в пятьдесят пятой, живет. Сколько пить-то можно! Уже месяц у этой крали одни пьянки да кавалеры. Че по бабам-то таскаться? Беспутный вы народ, мужики!

Андрей не стал дослушивать и позвонил в пятьдесят пятую квартиру. Подождав пару минут, отпускник услышал поворот ключа в двери, и в проеме показался толстяк килограмм под сто, с огненно-рыжими лохматыми волосами. Здоровяк был одет в синюю вылинявшую майку, из-под которой торчал обильный волосяной покров. Майка была наполовину заправлена в семейные трусы, на ногах мужика были шлепанцы.

— Тебе чего надо? — с угрозой в голосе спросил незнакомец.

— Мне Тамару!

— Ах, Тамару! Я тебе сейчас такую Тамару покажу! — прорычал мужик и бросился на Андрея с кулаками. — Я тебя вразумлю, как к чужим бабам ходить!

— Да она не моя баба! — пытаясь уклониться от кулаков верзилы, закричал Андрей. — Меня попросили передать ей пару слов!

— Знаем мы ваши слова, только хозяин из дома вышел, так сразу к его бабе какой-нибудь гондон штопаный пристанет!

— Да не нужна мне твоя Тамара! — просипел Котов, поскольку в этот момент ревнивец схватил незваного гостя за горло.

“Надо делать ноги, пока этот громила меня не задушил!” — успел подумать Андрей и ногой пнул между ног толстяку.

— О-о, козел, так ты еще пинаться! — успел услышать побежавший по ступенькам Котов. Не дожидаясь развязки событий, он выскочил на улицу. По инерции чуть ли не бегом отпускник прошел пару кварталов. Сердце учащенно билось, лоб, несмотря на уличный мороз, был в поту. “Ну, Карась, ну деятель, — сердился на Илью Андрей, — какого черта он с такими шмарами связывается. Она уже наверняка забыла Карася давным-давно. А я через нее чуть по шапке не получил!”

На обратном пути Котов купил две бутылки водки у таксистов, заплатив за спиртное в три раза выше магазинной цены, а также приобрел у старушки, торговавшей куревом, пару

блоков сигарет исчезнувшей ныне марки “Дорожные” и, довольный совершенными покупками, вернулся в свою квартиру. Спиртное, чтобы не беспокоить родителей, спрятал во встроенном шкафу, сигареты положил в мешок, который начал собирать для возвращения в больницу. Складывая вещи, Котов попросил у матери чай.

— Тебе что, заварить, что ли?

— Нет, мне его нужно в больницу.

— А где вы его там кипятите?

— Да если медсестру хорошо попросить, то она мигом чай ставит, — соврал Андрей.

— А, тогда ладно, — ответила мать, доставая из шкафа пятидесятиграммовую пачку чая № 36.

— Нет, мам, этого мало будет, давай весь, который дома есть, вы же с отцом все равно кофе только пьете.

Весь чай — это было около килограмма отборного напитка.

— Ну что с тобой поделаешь, бери, только зачем так много? — спросила удивленная мать, еще не знавшая, что за полтора месяца пребывания в дурке сын стал законченным чифиристом.

— Так ведь не я же один буду пить, того угостишь, этого…

— Но ведь чай такой дефицит, не жалко тебе чужих людей поить?

— Сегодня я напою, завтра меня напоят!

— Ой ли, ты ведь сам говорил, что там ни к кому почти не ездят, а значит, ничего и не привозят!

— Понимаешь, мам, в больнице за чай все, что угодно, можно выменять. Да и от нас не убудет. Я скоро выйду из больницы, достану вам этого чая сколько угодно.

— Ну, ладно, Бог с тобой.

39

Ехать обратно в дурку Андрею очень не хотелось. Андрей встал с кровати, усилием воли заставил себя умыться, позавтракал и выпил утреннюю чашку чифиря. Терпкий напиток разогнал кровь по телу и заставил голову думать быстрее. Чтобы прикинуть план своих действий, отпускник вышел на лестничную площадку и закурил. Сизый дым расплывался по полутемному подъезду и поднимался к мерцавшей под потолком маломощной лампе. “Итак, кроме хавки я везу с собой в больницу две бутылки водки, килограмм чая и два блока сигарет. Целое богатство по тамошним меркам. Надо будет захватить еще книжек, чего-нибудь из Дюма. Да, чуть не забыл, надо еще конфет шоколадных медсестрам, ну, или хотя бы пару плиток шоколада. Вот только где их взять, в магазине не то что конфет, сахара нет. Придется попросить у матери, у нее в загашнике наверняка все есть”.

Обратный путь до больницы показался Котову удивительно коротким. Казалось, он только что вышел из дома, и на тебе, уже стоит у входа в психбольницу. Высоченный забор, импровизированный КПП, лай собак. “Ей-ей, настоящий концлагерь, автоматчиков на вышках только не хватает”, — подумал Андрей.

Подойдя к отделению, Котов, оглянувшись по сторонам, достал водку и засунул бутылки в сугроб, после чего припорошил все снежком, а сверху воткнул сосновую веточку, чтобы дворник нашел алкоголь. Пачки с чаем пациент еще раньше растолкал по спортивному костюму, а также под нижнее белье. “Авось шмонать не будут, может, пронесет”.

Когда Андрей вошел в комнату для досмотра, он успел сунуть медсестре коробку “Птичьего молока”, страшного дефицита в ту пору, прежде чем та успела что-то сказать. Женщина, вышедшая для досмотра больного, улыбнулась и для приличия спросила:

— Спиртное, колющее, режущее с собой не привез?

— Не, Светлана Павловна, мне это ни к чему! — радуясь тому, что сегодня не смена Чикоты, ответил пациент. — Зачем мне эта водка, я же выписываюсь скоро!

— Ну, ладно, клади продукты в холодильник и проходи в отделение.

Первым делом, оказавшись внутри дурки, Кот двинулся к Илье. Карась с перевязанной рукой сидел в туалете и курил какой-то чинарик. Сумрачный вид приятеля красноречиво говорил о том, что Карась пережил за последние дни.

— Илья, здорово! — искренне обрадовавшись встрече, прокричал Андрей.

— Здорово, братуха! — улыбнулся, увидев Котова, Илья. — Ну, че, как съездил? Че новенького на воле?

— Обо всем рассказывать долго, первым делом на, держи, — и Котов подал Карасю пачку сигарет. Стоявшие в туалете пациенты чуть не поперхнулись от зависти. Целая пачка сигарет, когда тут впятером курят одну папироску!

— Во-вторых, когда народу не будет, расскажу все по порядку. Главное, на ужин не ходи, я из города столько хавки привез, умотаться!

— Юмба! — обращаясь к толстяку, хрипло сказал Карась. — За таблетку циклы пайку за ужином даю! Согласен?

— Угу, только, может, ты меня сигареткой угостишь?

— Ладно, держи.

Тут же произошла типичная больничная история: на Юмбу налетели несколько изголодавшихся по табаку пациентов. В

результате толстяк сделал от силы три затяжки.

— Вот так и живем, — констатировал Илья.

Когда Карась остался в туалете вдвоем с Котовым, Андрей вкратце рассказал о том, что с ним произошло на воле. Когда речь дошла до визита к Тамаре, Карась со злобы треснул кулаком по грязной, заплеванной стене.

— Все они, бабы, б…и, что твоя, что моя! А я-то надеялся, думал: на волю выйду, поженимся. О семье мечтал. Вот что, Кот, я тебе скажу: не верь бабам, не верь никогда! Когда у меня бабло было, она так и крутила задом около меня. А как только у меня начались проблемы, кинула меня! А я, дурак, еще на юг ее возил! Цветы дарил! Кот, ты еще молодой, делай выводы! Не для дурдомовцев такое счастье, как семья! В одного надо жить с нашей болезнью. А потрахаться, так лучше к автовокзалу идти, вон сколь там путанок бродит! За полсотню все, что ты хочешь, сделает!

Андрей слушал своего приятеля и только молчал. “Прав ты, Илья, конечно, прав. Но ведь я-то на двадцать лет моложе тебя, кажется, все еще впереди, а ты мне такую перспективу рисуешь!” Карась все еще что-то говорил, размахивая руками, но Котов уже не слушал его, уйдя в свои мысли.

— Керы-то привез? — крикнул Андрею в самое ухо Илья. Котов вздрогнул. — Я тебя уже в третий раз спрашиваю, водку-то прихватил? — разозлился Карась.

— Привез, привез, слева от входа в отделение сугроб, там веточка торчит, а под ней бутылки спрятаны.

— Ну, все, Тузу надо будет сказать. Втроем ночью сегодня раздавим водочку!

40

Для того чтобы персонал не мешал выпить спиртное, стакан сорокоградусной налили санитару Игорю. Игорь, как и большинство мужского персонала больницы, в недавнем прошлом был зэк. Лишних вопросов санитар не задавал. Выпив предложенный алкоголь, он разрешил Карасю выйти из наблюдательной в палату, где жил Туз. Обиталище смотрящего за крыткой существенно отличалось от остальных помещений отделения. Во-первых, палата была четырехместной, но в действительности в ней обитали только двое: сам Туз и его подпевало Касим. Во-вторых, на окнах в палате были занавески, а над кроватью смотрящего висело матерчатое узорное покрывало. Сама шконка Туза стояла на козырном месте, параллельно батарее отопления. На полу перед кроватью лежал коврик, на столе открыто лежали сигареты и стояли стаканы.

— Ну что, пьем за то, чтобы побыстрее выйти отсюда, —

сказал Туз и опрокинул сто грамм. Вместе с ним выпили Илья и Андрей. Закусывали припасенной Котовым колбасой.

— А ведь меня, Андрюха, когда ты уехал, чуть на тот свет тут не отправили! — занюхивая водку хлебной корочкой, сказал Илья. — Только аминазина четыре куба вкололи и сульфы под лопатку! Два дня отходил, кое-что соображать только вчера начал!

— Так зачем ты до врача стал докапываться? — спросил Котов. — Руку зачем резал?

— Да ты пойми, когда в жизни никакого просвета нет, еще не то сделаешь!

— Ну, ладно, это в прошлом, надо надеяться на лучшее.

— Это ты верно говоришь, — одобрил Туз, — но ты и нас, принудчиков, пойми. Со здоровыми людьми ведь как? Совершил преступление, отсидел свой срок — и домой. А если ты сюда, в эту богадельню, попал, то только на милость врача остается надеяться, как гадание на ромашке, выпустит, не выпустит. Вон Глазков, у него срок за хулиганку максимум четыре года. А он уже десять лет в этом гадюшнике обитает.

— Ну, тогда за то, мужики, выпьем, чтобы врач нам поперек дороги не встал! — предложил Андрей.

— И за то, чтобы побыстрее с нас принудительное лечение сняли! — добавил Туз.

Через полчаса компания захмелела. И тут Туз, обращаясь к Андрею, сказал:

— Дельце у меня к тебе есть, к человеку одному в городе зайти надо!

— Так я ведь, как и ты, в больнице околачиваюсь! — ответил Котов.

— Тебя скоро выпустят.

Котов, памятуя о том, как уже выполнял подобную просьбу со стороны Карася и чем это закончилось, замялся. Как бы читая его мысли, Туз прошептал:

— Не бойся, никакого криминала нет, занесешь записочку от меня, тебе еще спасибо скажут.

— Ну, если только записочку.

— Вот и договорились. А то если надоело на государство горбатиться, так ты скажи, я тебе могу дорогу нужную сделать.

— Например?

— Так вот хотя бы водкой торговать. Я корешам могу передать, они тебе место найдут и керой снабжать будут. Сколько ты в своем институте получаешь в месяц?

— Сто сорок.

— Смех. На торговле бухлом ты тысячу огребать будешь!

— Заманчиво, только я хочу диссертацию защитить.

— Кому она, твоя диссертация-то, нужна? Чувствуешь, какие сейчас перемены-то в жизни идут? Сейчас нужно за деньгу работать, а не за идею!

— Надо подумать, только ведь и ученые нужны кому-то.

— Послушай, скоро времена такие настанут, что никто никому нужен не будет.

— А я все-таки верю, что интеллектуальный труд будет в почете.

— Ну, как хочешь. Получишь за свою работу орден Сутулого и медаль Горбатого!

— Все, мужики, заканчивайте, — вмешался в разговор компании Игорь. — Спать идите!

— Все, гражданин начальник, — ответил Туз, — сворачиваемся!

— Хорошо, хоть вертухаем не назвал, — рассмеялся санитар.

41

Последние дни пребывания в больнице тянулись медленно. Днем работа и чифирь, вечером все та же богадельня. В стенах заведения Андрей общался с Карасем, Печенем и Бородой. На улице вместе с бригадой таскал тяжеленные доски. Все проблемы были те же, что и раньше: где достать чай, курево и хавку. Продукты, которые привез Котов, быстро закончились, но благодаря им три дня компания вечером устраивала себе пир горой.

— Ну, что, друг, скоро тебе укол правды поставят, — сказал Андрею как-то ближе к февралю Илья.

— А что это такое?

— Ну, кайфовый такой укол. Всем выписывающимся его ставят. Тебя им уколют, а ты начинаешь все рассказывать, что у тебя в голове.

— А зачем это?

— Ну, не выпускать же тебя недолеченного. Вдруг ты только вид делаешь, что выздоровел, чтобы смотаться отсюда побыстрее. А под действием этого укола все расскажешь.

— А если я не хочу такого укола?

— И спрашивать не будут. Одна беда, могут спросить о всей движухе в больнице. Так что помимо своей воли заложить можешь кого-нибудь.

— А я тогда откажусь.

— Бесполезно, да ты не переживай, авось пронесет. Чаще-то спрашивают за твой гон, за шизуху то есть.

Через день Котова действительно позвали в процедурку. На стуле возле стены сидел Игорь Николаевич.

— Андрей, сейчас вам поставят укольчик, и вы ответите мне на несколько вопросов.

— А что это за укол?

— Витаминчики, — соврал врач.

— Ну, что же, ставьте.

В вену пациенту ввели иглу. Медсестра медленно выдавливала содержимое шприца, смотря за тем, чтобы больной не терял сознания. Внезапно Андрею стало очень хорошо, только немного кружилась голова. Игорь Николаевич спросил:

— К вам приходят рыцари-тамплиеры?

— Нет.

— Вам не кажется, что на вас могут влиять какие-нибудь люди или предметы?

— Нет.

— Слышите ли вы чьи-нибудь голоса?

— Нет, только вас.

— Все, достаточно, Андрей, вы свободны.

Покачиваясь на ногах, пьяный от укола Котов пошел к себе в палату. Андрею захотелось обнять всех одновременно, так ему было хорошо.

— Ну, как тебе “укол правды”? — спросил Андрея Печень.

— Кайф! — с осоловевшими глазами ответил Котов.

— Это точно, наверняка ведь какой-то наркотик нам внутривенно ширяют! Мне такой же в прошлую госпитализацию ставили, так я даже рассказал, как в третьем классе у учительницы со стола трешку стибрил, — смеясь, говорил Леша.

На следующий день врач пригласил Котова уже в ординаторскую.

— Ну, что, Андрей, по дому соскучились?

— А то!

— Завтра туда и поедете, я вас выписываю.

Пациент, столько ждавший этого разговора, почему-то особой радости не испытывал.

— Скажите, доктор, а от армии вы меня освободите?

— К сожалению, да. А может, и к радости. Что вам с вашими жизненными планами на воинской службе делать? Вы ведь собираетесь продолжить работу в Академии наук?

— Точно, там. Только ведь если вы освободите меня от армии, у меня же никакой перспективы не будет! Да даже водительские права мне не получить!

— Бросьте вы, Андрей. У нас сотни людей только и хотели бы избежать службы, а вы что-то артачитесь. Живите себе спокойно, дома таблеточки принимайте, и, может, мы с вами больше никогда и не увидимся.

— Скажите, а что мне на работе сказать, где я был два месяца?

— Так мы вам больничный выпишем!

— А нельзя ли какую-нибудь справку, ведь в больничном вы диагноз укажете!

— Не беспокойтесь, напишем “астеническое состояние” и, чтобы вы успокоились, добавим: “после гриппа”.

— Ну, это другое дело.

— Кстати, Андрей, вы никому не сказали, что лечились у нас?

— Нет, но, по-моему, все и так знают.

— Это у вас мнительность. Никому не говорите, что вы в психиатрической больнице лежали.

— Хорошо!

Последний свой вечер в богадельне Котов посвятил Илье. Приятели не расставались и постоянно разговаривали.

— Спасибо тебе, Карась. Без твоей помощи не знаю, что со мною и было бы.

— Да ерунда.

— Может, к тебе приехать, когда я выйду?

— А что толку, свиданку только с родственниками разрешают.

— А продукты-то передадут?

— Нет, у них правила строгие, только если через рабочих, которые на улицу ходят, передать, так ведь это еще подгадать надо.

— Илья, все равно выпустят ведь тебя когда-нибудь на волю, ты телефончик мой черкани где-нибудь. Позвонишь, встретимся!

42

Прошло три года. Все это время Котов усердно корпел над научной работой. В отличие от многих других пациентов желтого дома, Андрей регулярно пил таблетки, а поэтому держался и в больницу не попадал. Памятуя о том, сколько хорошего Карась сделал для него, Андрей несколько раз ездил в больницу и передавал приятелю хавку и сигареты. Все свое свободное время Котов тратил на посещение библиотеки и проведение научного эксперимента. В последние дни перед защитой диссертации Котов стал плохо спать, сказывалось напряжение, в котором пребывал соискатель ученой степени. Не помогали даже дефицитнейшие импортные лекарства. “Может, пронесет”, — думал Андрей, но чувствовал, что со здоровьем что-то не так.

Доклад, посвященный изложению материала диссертации, как потом скажут сотрудники, был сделан отлично, соискатель не читал доклад по бумажке, а говорил по памяти. Блестяще были сделаны ответы на вопросы оппонентов. Прошло голосование.

Тринадцать голосов были за признание диссертации, против — только один. Когда огласили решение комиссии, лицо соискателя ученой степени озарилось улыбкой. Внезапно взгляд Андрея упал на светильник на потолке. Из потока света, чтобы поздравить Котова, скакал мужественный тамплиер, вечно стремящийся к небесному Иерусалиму борец за освобождение Гроба Господня. Рыцарь протягивал руку для поздравления, приглашая Андрея сесть рядом с ним на коня и отправиться в такое увлекательное путешествие.